

"Красота и темнота (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

«Красота в темноте»

Джорджия ле Карр

(спин-офф к серии «Банкир миллиардер#8»)

Переведено группой Life Style ПЕРЕВОДЫ КНИГ

Переводчик Костина Светлана

Любое копирование текста без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!

Перевод осуществлен исключительно в личных целях, не для коммерческого использования. Автор перевода не несет ответственности за распространение материалов третьими лицами.

Люди говорят, что есть вещи хуже, чем смерть — они правы. Смерть спасла бы меня, а вещи сломили.

Поэтому я заперла свое сердце и поклялась больше никогда не впускать другого мужчину. Видите ли, мне казалось, я все знала о мужчинах: лживые, жестокие и бессердечные. Мне казалось, я ненавидела их всех. Наивно полагала, что смогу жить, притаившись в дворце моего шурина всегда.

Но судьба поставила меня под омелой с мужчиной по имени Джек Айриш. Как я могу его

описать? Физически привлекательный, даже не следует его обтесывать. Он обладает завораживающим магнетизмом, его волосы чернее угля, глаза голубее, чем мрамор и татуировки, которые обвивались вокруг его бицепсов, когда он закатал рукава рубашки, стоя передо мной. Когда его губы скользнули к моим, земля под ногами у меня затряслась, и единственная мысль – он разобьет меня на тысячу осколков.

Но я не та девушка, кем он меня считал. Он хочет получить меня в свою постель. Он не знает, что меня нельзя восстановить, я замарана. Если он узнает, насколько я развращена, он убежит от меня на мили вперед.

Джек

Я знаю о боли все. Как она проникает в тебя, вырывает твоё сердце и крушит, пока ты бл*дь наблюдаешь за этим. Я готов поклясться, что это в прошлом. Я хотел напиться однажды вечером и кого-нибудь подцепить на одну ночь.

Но судьба на моем пути свела меня с Софи Сигал.

Ее жизнь исковеркана, она легко ранима, разбита. И она красавица. И красива не той красотой холодного сверкающего бриллианта, отбрасывающего свой яркий свет повсюду, а таинственной, загадочной красотой жемчужин, светящихся в лунном свете. Я смотрю в ее глаза, огромные и незабываемо проникновенные, как у толстого лори, и мир не кажется мне уже таким мрачным и холодным.

Она пытается бороться со мной, но это мой зарок – восстановить ее, защитить, получить и сделать ее своей навсегда...

Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения,

предназначена для 18+

Пролог

Пять лет назад

<https://www.youtube.com/watch?v=vt1Pwfnh5pc>

Боль

— Вставай, англичанин, — рявкает грубый голос и приклад АК-47 ударяет сверху в мое солнечное сплетение.

У меня распахиваются глаза, и я складываюсь пополам, ошарашенно, хватая ртом воздух. Руки самопроизвольно машут в разные стороны, пытаюсь схватить приклад, но человек отодвигается в сторону. Он презрительно поглядывает на меня сверху-вниз, его гладкое лицо блестит от пота. Я поднимаюсь на локтях, пытаюсь вдохнуть, но воздух такой густой и горячий, словно я вдыхаю лаву в легкие. Обжигающий.

— Вставай, — снова орет мужчина и грубо толкает дуло своего автомата мне в грудь, заваливая меня назад на спину.

— Какого х*ра, — в ярости ору я. — Если ты хочешь, чтобы я встал, перестань бл*дь толкать меня обратно на кровать.

Он отстраняется, и я спускаю ноги с кровати, сапоги с глухим стуком ударяют о земляной пол. Я напился и отправился спать, в голове стучит, словно кто-то хочет размозжить мне череп и бьет кувалдой внутри него. Я морщусь от боли. Мать твою, они должны были сегодня распределить все ночные смены.

Стиснув зубы, я стараюсь не обращать внимания на головную боль.

Под открытый полог палатки просачивается свет с улицы, и я различаю силуэты мужчин. Их двое, одетые в армейское снаряжение мятежников.

Стоящий ко мне ближе всего среднего роста, мускулистый и темный, как африканская ночь. Пот стекает маленькой дорожкой у него по виску. На его плече поблескивает пулеметная лента. Его глаза говорят мне, что он закален в боях и в любой момент может схватиться за оружие.

С этим человеком, явно лучше не шутить.

Другой мужчина, возле палатки стоит с автоматом, висящим свободно у него на боку. Он высокий и худой, на голове бордовая кепка со знаками отличия. Его армейская куртка расстегнута, под ней белая футболка вся в пятнах. От него исходит еще большая опасность, нежели от мускулистого парня, находящегося передо мной.

— Вы уже встали. Пошли со мной, — командует Мускулистый.

— Пошел ты, — отвечаю я ему.

Он поднимает свой пистолет и наставляет прямо на меня.

Я начинаю смеяться. Сначала слегка, потом еще больше заходясь безумным смехом.

— Закрой рот, англичанин, или я убью тебя, — кричит он, тыча мне в лицо своим пистолетом, но я понимаю, что он обескуражен от моего поведения. Похоже, он никогда не встречал человека, хохочущего от мысли, что ему могут пустить пулю в лоб.

Он явно взбешен от того, что я его не боюсь.

— Перестаньте смеяться, — опять кричит он.

Я перестаю смеяться, хватаю дуло его пистолета и обеими руками приставляю к своему лбу. Говорят, что вся жизнь, все, что ты когда-либо совершил, люди, которых любил или причинил им боль, как вспышка, проплывают перед глазами, в тот момент, когда ты готов покинуть эту брэнную землю. Ну, не для меня.

Я ничего не чувствую.

Просто онемение.

— Мать твою! Давай, пристрели меня, — смеюсь, глядя ему в глаза. — Ты сделаешь мне

огромное одолжение.

— Он сумасшедший, — произносит Мускулистый, ошарашенно обращаясь к своему товарищу. Опасный приближается к нам, я слышу по его шагам. Кепка закрывает ему глаза, поэтому я не могу их увидеть. Но сейчас, когда он чуть ли не вплотную подошел к нам, я вижу его глаза. Они пустые, в них нет не единой человеческой эмоции. Он подходит к моей кровати и с любопытством смотрит на меня.

Да пошли вы все нах*й. Если он хочет увидеть ужас на моем лице, то вынужден его разочаровать — не увидит. Только тьму.

— У тебя есть предсмертное желание, англичанин? Тебе не кажется несколько ироничным, что ты пришел сюда спасать людей от смерти, — говорит он на безупречном английском.

Очевидно, он получил свое образование не в Африке. Должно быть, в Англии. Он прав. Даже мне кажется это ироничным.

— Чего ты хочешь от меня? — спрашиваю я.

— Нашего лидера подстрелили. Ты врач. Ты сможешь его спасти.

— Спасибо за предложение, но я пас. Ваш предводитель — гребаный убийца.

Он улыбается.

— Мы разумные люди, англичанин. Мы предоставим тебе возможность выбора. Пойдешь с нами или мы обезглавим каждого мужчину, женщину и ребенка в этой деревне, ты можешь остаться здесь, чтобы похоронить их.

Капля пота стекает у меня по спине. Главная проблема — это удушающая жара. Ложишься спать потный, просыпаешься потный и выходишь из душа уже потный. Я смотрю на проем своей палатки. Через открытый верх залетают полчища комаров. Сегодня мне явно не удастся заснуть.

— Куда его подстрелили?

Мускулистый указывает себе на живот.

— Сюда.

— Когда это случилось?

— Вчера в полдень.

Прошло слишком много времени для такой раны в этом климате. Грязь, бактерии и маленькие насекомые любят открытую рану, они с удовольствием питаются ею.

— Сколько часов займет дорога?

— Три часа.

— С момента, как его подстелили, прошло больше двадцати четырех часов. Даже если я посмотрю его, он все равно может не выжить, — говорю я им.

— Нет, наш лидер силен, и вы спасете его, — уверенно заявляет мне мистер Мускулистый.

Я вздыхаю.

— Да, я поеду, но сначала мне нужно выпить.

1.

София

«А розы знают, что их шипы могут ранить?»

цитата, приписываемая Джонбенет Рэмси в фильме «Идеальное убийство, идеальный город» Лоуренса Шиллера

(Джонбенет Патрисия Рэмси (англ. JonBenét Patricia Ramsey; род. 6 августа 1990, Атланта, Джорджия — 25 декабря 1996, Боулдер) — победительница детских конкурсов красоты в США, убитая в 1996 году в возрасте шести лет. Несмотря на многочисленные версии и домыслы, убийца или убийцы Рэмси так и не были найдены.)

— Но ты обещала, — обвиняя говорит моя сестра, с разочарованием глядя на меня.

Я наклоняю голову, чтобы скрыть выражение своего лица опущенными волосами.

— Я знаю, я обещала, но я не могу, Лена. Не сейчас. Не в это Рождество. Возможно, в следующем году. — Мой голос звучит приглушенно, мне стыдно, я чувствую себя виноватой.

— Посмотри на меня, София, — требует Лена.

Я поднимаю голову. В ее красивых глазах стоят слезы. Моя сестра раньше была всемирно известной моделью, пока не отказалась от своей карьеры, чтобы выйти замуж за Гая и родить малышку Ирину. Если встретишь ее на улице, никогда не подумаешь, что мы родные сестры. Она высокая, с длинными светлыми волосами и пронзительными голубыми глазами, а я маленькая, рыжевато-золотистыми волосами и глазами цвета шоколада. Она унаследовала свой рост и цвет волос от отца, а я — от мамы.

Я вытираю одинокую слезу, скатывающуюся по ее прекрасной щеке.

— Пожалуйста, не плачь, Лена, — умоляю я. — Я просто не готова. Я не могу поехать с вами. Когда-нибудь я обязательно поеду, но не сейчас.

— Уже прошел год, — шепчет она. — Ты должна попытаться, София. Ты должна в какой-то момент выбраться из этого унылого, одинокого существования, в котором сидишь и начать снова жить. За порогом это дома есть красота.

Я с грустью вздыхаю. Моя сестра хочет, чтобы я забыла прошлое и начала двигаться вперед, стала счастливой. Она не знает, через что я прошла. Я не рассказала ей и трети того, что со мной произошло.

— Я уже живу и вокруг меня есть красота, — шучу я. — Я люблю тебя и Ирину, Гаю и собак. Я хожу гулять. Я рисую. Я играю на пианино. Просто потому что я не хочу идти на эту вечеринку, не значит, что у меня нет жизни.

Она пристально смотрит на меня.

— Ты никогда не выходишь за пределы имения и ни с кем не знакомишься. Ты молчалива, как тень, и если к тебе никто не обращается напрямую, ты не заговоришь первой, так?

Я опускаю глаза. Это правда. Я не хочу выходить и знакомиться с людьми, тем более с кем-то беседовать. Мой опыт общения с людьми научил меня, что люди безмерно жестоки, лживы и доверять им нельзя. Я и не доверяю им. Если было бы возможно, я хотела бы жить спокойной жизнью со своей сестрой и никогда не выходить за пределы обширной территории этого отдаленного и чудесного замка.

— Я разговариваю с собаками, — говорю я с улыбкой, но моя попытка поднять настроение не увенчивается успехом.

— Пожалуйста, — умоляет она. — Ради меня.

Я хмурюсь. Я бы отдала свою жизнь за свою сестру, мне не хочется ее подводить, но от одной мысли, что я отправляюсь на вечеринку, начинаю вздрагивать.

— Я только испорчу всем праздник, — говорю я ей.

Это неправильное решение, мне не стоило ей этого говорить. Она тут же выпрямляется, и в ее глазах появляется твердая решимость. Я старше ее, но глядя на нас, никто и не подумает, что она младше. Она кажется намного увереннее и более властной.

— Нет, не испортишь, — твердо заявляет она. — Ты все время будешь рядом со мной. Гай и я будем все время заботиться о тебе.

Я сглатываю комок, поднимающийся в горле.

— Ой, Лена. Это Рождественский сочельник. Ты не должна в такой день обо мне все время беспокоиться. Ты должна пойти на вечеринку и весело провести время с Гаем. — Я радостно улыбаюсь. — Я останусь здесь и позабочусь об Ирине. Присмотрю, чтобы она не слишком проказничала.

Моя сестра скрещивает руки на груди. О, Боже! Я ненавижу, когда она так делает. Это значит, что если она что-то решила, то добьется своего обязательно.

— Спасибо. Это очень мило с твоей стороны, но за Ириной будет присматривать няня.

— Конечно, но ей больше нравится, когда за ней присматриваю я.

— Ирина ляжет спать в восемь тридцать. Ты оденешь свое новое красное платье и пойдешь со мной, — безапелляционно заявляет она.

— Я не могу надеть красное платье. Это и так ясно.

— Хорошо. Надень черное бархатное. Ты выглядишь в нем сногшибательно.

Она реально приперла меня к стенке, я судорожно пытаюсь найти другие отговорки.

— Я даже не знаю людей, которые устраивают эту вечеринку.

Она чувствует свою победу и ухмыляется.

— Баррингтонов? Ты их полюбишь. Ну, по крайней мере, ты точно влюбишься в Лану. Ее муж Блейк, немного сдержанный и его трудно понять, но под неприступным имиджем, у него скрывается золотое сердце. — Ее глаза загораются. — Кроме того, если мы успеем к началу, ты сможешь познакомиться с их детьми. Они великолепны. Мальчик такой красивый, что тебе захочется положить его между двумя ломтиками хлеба и съесть.

Я улыбаюсь. Она специально рассказывает мне о детях, так как знает, что дети для меня — единственные, с кем я могу спокойно знакомиться и общаться.

— Как его зовут?

— Сораб.

— Какое необычное имя.

— Да. По-видимому, это старое персидское имя. Его мать на четверть персиянка.

— А похоже на русское.

Она широко улыбается.

— Немного. Итак, ты идешь?

— Хорошо, но я не хочу долго там оставаться. Может, водитель пораньше сможет отвезти меня домой.

Она решительно качает головой.

— Гай и я не планируем на долго задерживаться. Ты поедешь с нами и вернешься тоже с нами.

Я нехотя киваю.

— Ладно.

Она встает, и потянув меня вверх, начинает кружиться со мной, мы привыкли так делать еще с тех пор, когда были детьми и жили в маленьком деревянном доме на опушке леса в России.

— Спасибо тебе, моя дорогая сестра, — говорит она и целует меня в щеку. — Ты единственная семья, которая у меня осталась, и я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я счастлива, — автоматически отвечаю я, но по правде говоря, я не знаю, что такое счастье.

Когда мы были молодыми, мы часто впадали в ужас от нашего отца. После того, как он продал меня тем людям, я перестала быть человеком, я превратилась в кусок мяса с именем. *«Разведи свои ноги, София. Шире, София. Еще шире, София»*. Я стала ненавидеть свое имя. Я содрогаюсь от болезненных воспоминаний.

Моя сестра берет мое лицо в ладони.

— Однажды... — шепотом говорит она с надеждой и замолкает.

2.

София

Так случилось, что раньше выехать нам не удалось, и в Лондон мы прибываем в полдесятого вечера. Мы идем по черно-белой каменной дорожке, ведущей к дверям большого белого дома.

Хлопья снега вихрем летят с черного неба, падая мне на нос и щеки. Мой желудок превратился в тугий узел, ладошки стали липкие от пота. Я нервно вытираю их о кремовое пальто. Мы останавливаемся у входной двери, Лена поворачивает ко мне голову.

— Ты в порядке?

Я с трудом киваю.

— Просто расслабься. Здесь собралась небольшая компания, все очень хорошие люди. Мы выпьем парочку коктейлей, а потом уйдем. Будет весело, вот увидишь!

Я опять киваю.

Гай дотрагивается до моей руки, и я невидящим взором, поворачиваюсь к нему. Я люблю Гая, почти так же сильно, как и свою сестру. Мне кажется, я полюбила его с того самого момента, когда впервые увидела. Он самый добрый человек на свете.

Я никогда не смогу вернуть ему долг за то, что он сделал для меня. До сегодняшнего дня только Гай имеет представление, кем я была, когда он нашел меня в этом богом забытом притоне. Вы даже не можете себе представить до какой степени я опустилась и деградировала. Меня неоднократно насиловали, избивали, сажали в тюрьму, силой заставляли заниматься сексом с таким количеством мужчин, что я забывала самую себя. Я была настолько изнасилована душевно и физически, что едва ли походила на человека. Я все время съеживалась от страха. Моей волей стал Валдислав. Если он приказывал мне что-то сделать, я была обязана выполнить его приказ независимо от того, насколько это казалось развратным или отвратительным.

Я тупо уставилась на Гая, когда он сказал Валдиславу, что хотел купить меня не на ночь или неделю, а на совсем забрать меня отсюда. Я заметила, что Гай понравился Валдиславу, он был просто в восторге от него. Но я тут же заметила, что Гай был совершенно другим. Он излучал силу и уверенность огромного богатства.

Валдислав хмыкнул.

— Я готов сделать тебе одолжение. Она лентяйничает. Выбери другую девушку.

— Я не хочу другую. Она единственная, кого я хочу, — ответил Гай.

Мужчины вперились взглядом друг в друга, Валдислав нахмурился. Он хотел продать кого-нибудь богатому человеку, но он не хотел меня отпускать. Несмотря на то, что у него был целый гарем женщин, и большинство из них гораздо лучше выглядели, все равно его любимицей оставалась я. Независимо от того, со сколькими женщинами он спал, этот садист всегда возвращался ко мне, чтобы еще помучить. Он испытывал величайшее удовольствие, заставляя меня подчиняться своим большим желаниям.

— Нет, она не продается, — ответил Валдислав, сверкая глазами. — Она моя.

Однако Гай выложил на стол такое количество денег, Валдислав никогда не видел столько денег, на которые смог бы рассчитывать за свою жизнь, поэтому он просто не мог отказаться. Все равно я была всего лишь куском мяса. Гай подошел ко мне. Пока он торговался с Валдиславом, его глаза ничего не выражали, я была просто в ужасе от нового владельца, но склонив ко мне голову, он прошептал: «Я отвезу тебя к Лене».

Шок был настолько невероятным. Я не могла предположить. Я даже не смела мечтать о таком. У меня подкосились ноги, и мир почернел перед глазами. Позже я узнала, что он отнес меня к машине, поджидающей снаружи, на руках.

Когда я проснулась, то обратила внимание на красивую комнату. Гай сидел на стуле рядом с моей кроватью.

— Где Лена? — шепотом спросила я.

— Ты не готова встретиться с ней. В первую очередь тебя следует подлечить. Затем ты сможешь с ней встретиться.

Я подпрыгнула на кровати, ринувшись к нему со слезами на глазах, пытаюсь ударить его. Я была уверена, что он обманул меня.

— Где она?

— Она в Лондоне.

Он, кажется, не врал.

— Она знает, что я здесь?

— Пока нет.

— Почему она не знает?

— Потому что я люблю ее и не хочу разбить ей сердце, позволив увидеть тебя в таком состоянии.

Я ошарашенно уставилась на него. Какой замечательный человек. Он желал избавить мою сестру от страданий. И вдруг мне так стало стыдно за себя. Лена была настолько чистой. Я же... Я зажмурилась.

— Не говори ей, что я здесь. Я не могу встретиться с ней. Я замарана. Я слишком испачкана, начала рыдать я.

Он подался вперед, его глаза сверкали от еле сдерживаемой ярости.

— Ты не испачкана. Ты ангел со сломанным крылом, но сломанные вещи можно починить. Ты снова будешь летать. Я заставлю тебя летать, — уверенно произнес он.

Я ничего не могла ему ответить, потому что плакала навзрыд.

В нем было столько доброты, он тут же сдержал свое слово. Он призвал целую армию врачей, медсестер и специалистов, способных меня исцелить. Когда туман, вызванный наркотиками,

испарился, и в голове прояснилось, мне захотелось от пережитого ужаса умереть. Я не могла забыть и как-то справиться с тем, что делала.

Все эти мужчины.

Все эти ужасные действия, которые я совершала.

Но тогда я находилась в режиме выживания. Меня ничего не волновало, единственное непреодолимое желание было выжить. Чувства были роскошью. Я ничего не чувствовала, несмотря на то, что так низко пала и деградировала.

Первое чувство, испытанное мной было ярость. Страшная ярость. Оно кипело и пузырилось, как лава, разливающаяся в моей крови. Оно съедало меня изнутри, накрывая с головой. Меня всю трясло от ярости. Я громко материлась. Я визжала и кричала. Я рыдала в течение нескольких часов. Я вся пропиталась ненавистью. Я ненавидела своего отца. Я ненавидела свою мать за то, что она позволила моему отцу продать меня.

Я ненавидела Валдислава.

Я ненавидела себя.

Я ненавидела весь мир.

Я ненавидела Бога.

Я даже ненавидела мою чистую, непорочную сестру. Я ненавидела, что она была настолько красива, что нашла такого замечательного мужчину Гая. И я направила всю свою ненависть на Гая. Я истошно кричала, визжала на него.

Естественно, я ненавидела людей, которые приходили ко мне, чтобы меня излечить. Я накинулась и оцарапала психиатра, пришлось удерживать меня слугам, чтобы я не причинила ей еще большего вреда. Она меня просто бесила. Сидела такая самодовольная, как сытый котяра, несущая полный бред.

— Что ты чувствуешь?

— Я чувствую, как будто крошат твою морду нах*р.

Все специалисты пришли к единому мнению. Меня слишком изуродовали морально, и я не подлежу амбулаторному лечению. На самом деле, основываясь на их профессиональном мнении, я бала более чем сумасшедшей, нежели нормальной. Они вынесли заключение — запереть меня в лечебницу и советовали Гаю не терять времени.

Он уволил всех специалистов и сделал совершенно нечто странное.

Он отправился в Тибет и лично попросил могущественного шамана пожить у него в замке и заняться моей реабилитацией. Не думаю, что шаман взял за это деньги. Скорее это была его собственная особая милость.

Мастер Йеше был с меня ростом. Я до сих пор помню тот день, когда он вошел. Я свернулась калачиком на кровати, засунув палец в рот, посасывая его с такой силой, что палец опух и покраснел. В тот день у меня не было приступа очередной ярости. Мой ум находился в полном оцепенении, но слезы, не переставая текли из глаз, от воспоминаний самой сильной боли,

которую мне причиняли.

Одетый в синие одежды, он подошел к кровати, опираясь на искривленную черную трость. Я не могла как следует его разглядеть сквозь слезы. Могу только сказать, что у него была реденькая седая бородка, и маленькие узкие глазки, как щелочки на его круглом, нестарющем лице. Он очень близко подошел ко мне и провел указательным пальцем в шести дюймах передо мной.

И слезы прекратились. Я шокировано уставилась на него.

Он улыбнулся.

— С тобой все будет хорошо, — сказал он по-русски.

Его метод борьбы с моими неконтролируемыми приступами ярости и жуткой боли, был настолько странным, но все сработало.

Каждый день в течение трех недель мы встречались в фойе, наполненном ароматом лилий, пока не входило солнце. В первый день, я попыталась произнести «доброе утро», но он приложил палец к губам и показал на свои ноги. Он стоял босиком. Я тоже сняла свои ботинки, при этом не обменявшись с ним ни словом, так мы и отправились на нашу первую прогулку.

Мы обошли босиком огромную территорию вокруг замка. Мы ни разу не заговорили. Не обмолвились ни единым словом. Земля была настолько холодной, что подошвы ног посинели от холода, и я несколько раз поранилась о колючки и острые камни, но в конце прогулки я почувствовала себя немного лучше. Мои ступни с каждым разом становились более закаленными и, каждый день я чувствовала себя немного лучше, чем накануне. Демоны начинали отступать.

Я начала исцеляться!

Я по-другому стала воспринимать все ужасные и несправедливые вещи, которые со мной произошло, хотя я совершенно их не заслужила. Валдислав теперь уже никогда не мог снова приблизиться ко мне, приказывая, что мне делать, а также дотронуться до меня. В этой спокойной обстановке я стала потихоньку налаживать свою жизнь, становясь другим человеком. Я стала благодарной, что у меня появился еще один шанс. Еще один шанс, чтобы жить в мире с собой и впервые в жизни стать хозяйкой собственного тела. Теперь я уже с нетерпением ожидала приезда своей сестры.

В один из дней мастер Йеше покинул замок, но сказал напоследок. До сих пор я помню его слова, пока он пил чай со сливочным маслом.

— Первые шажки.

Произнося эти слова, он показывал пальцами, совершая маленькие шаги.

Для меня это были не просто слова, они обладают какой-то властью надо мной и остаются таковыми и сейчас. В любой ситуации, готовой лишить меня спокойствия и самообладания, я тихо произношу их, и тут же чувствую, словно тихо иду босиком по холодной утренней земле, вдыхая запах мха, прелой листвы и мокрой земли. И снова наполняюсь миром и спокойствием.

3.

София

Гай со своего огромного роста смотрит на меня сверху вниз, его глаза излучают доброту и заботу.

— Мы не пойдем, если ты не захочешь, — нежно говорит он.

Любовь и благодарность к нему опять расцветают в моем сердце, когда я натянуто улыбаюсь.

— Не говори ей так, — встревоженно произносит моя сестра Гаю. — Она должна с чего-то начать. Здесь безопасно. Мы уже у двери. Она сможет это сделать.

— Не дави на нее, Лена. Мы никуда не спешим.

Я перевожу взгляд со своей сестры на Гая. Лена хмурится, все мысли и страхи отражаются у нее на лице. Она отчаянно хочет, чтобы я согласилась войти. Для нее это важная веха. Мой первый выход в общество, после более чем двух лет, проведенных в замке. За все это время я только один или два раза выходила в деревню, чтобы что-то купить.

Она очень переживает за меня, и мне не хочется ее подводить, но мои глаза с тоской отыскивают нашу машину в конце дороги. В голове я слышу голос мастера Йеше: «*Первые шажки*».

Я глубоко вздыхаю. Я смогу это сделать. Это моя жизнь. Я контролирую ее. Валдислав — это всего лишь ужасные воспоминания.

Я выдавливаю улыбку.

— Хорошо, Лена. Мы войдем в дом.

На лице сестры появляется облегчение, она улыбается.

— Слава Богу. Я обещаю тебе, София, ты не пожалеешь, что согласилась.

Гай утвердительно кивнув, подносит палец к дверному звонку, и дверь открывает улыбающаяся смуглая женщина в черном платье. Ее акцент похож на испанский. Она приветствует нас и приглашает зайти в тепло и уют, закрыв за нами дверь.

Внутри воздух наполнен запахом корицы и пряностей. Я слышу смех из дальних комнат дома.

Я с любопытством осматриваюсь вокруг.

Холл с высоким потолком, с полом, выложенным из отполированного гранита, выглядит празднично, украшенный рождественскими гирляндами, в углу я замечаю домик Санты в лесу. Рядом с дверцей находится тарелка с печеньем и стакан молока.

Я улыбаюсь, видя такое гостеприимство, предназначенное Санте.

С самого маленького возраста я знала, что Санта-Клауса не существует. Мой отец даже не предпринимал никаких попыток вдохнуть в нашу жизнь хоть какое-то волшебство. Как замечательно, что дети Баррингтонов имеют такую возможность.

Высокая девушка в белой рубашке и черной юбке выходит в холл. Она приветливо улыбается нам и предлагает забрать наши пальто. Я наблюдаю, как Гай помогает Лене снять пальто и отдает его девушке, потом поворачивается ко мне. Мне хочется подольше оставаться в теплом, уютном пальто, словно оно оберегает меня от всего, но я все же разрешаю его забрать. В ту же секунду мне становится жутко холодно. Я нервно одергиваю свое платье. Оно кристально белое и красивое, но мне, наверное, не стоило надевать его сегодня. Оно слишком привлекает к себе внимание. Черное было бы лучше.

— Ты прекрасно выглядишь, — шепчет мне сестра.

Она пытается меня подбодрить, но я забиваюсь в свой кокон, понимая, что совершенно не вписываюсь в эту обстановку. И старый леденеющий страх тут же возвращается. А вдруг какой-нибудь мужчина меня узнает? Вдруг выдаст грубую шутку в мой адрес? Я стану настоящим позором для Гая и сестры. У меня такое состояние, словно из легких выкачали весь воздух, я пытаюсь вздохнуть. Обе головы, Гая и моей сестры, резко поворачиваются ко мне.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Лена. Она смотрит на меня обеспокоенно, вероятно, виня себя, что подтолкнула меня на такой скоропалительный шаг.

Я с трудом сглатываю.

Первые шажки.

Это безумие предполагать, что все те, грубые мужчины, которые приходили в бордель Валдислава, могут попасть в такой прекрасный дом. Теперь мне кажется сама идея глупой. Конечно, я могу пойти дальше. Я выпрямляю спину.

— Да. Все хорошо, — твердо отвечаю я.

— Мы все еще можем поехать домой, если хочешь, — предлагает Гай.

Я отрицательно качаю головой. Я представляю, как иду босиком по лесу среди головок желтого жиропота к морознику зимнему, оставшемуся на промерзлой земле. Кругом тишина и спокойствие. Нечего бояться. Никто не сможет навредить мне здесь. Не сможет, потому что со мной мастер Йеше.

Моя сестра и Гай встают по обе стороны от меня. Они готовы предложить мне помощь в любой момент. Я про себя клянусь не подвести их, и ни в коем разе не опозорить их сегодня.

Я буду улыбаться и каждому приближающемуся к нам говорить «привет», а потом найду тихий уголок в этой комнате и сяду. Никто даже не заметит, что я здесь. Я сделаю себя невидимкой. Звук наших туфель эхом отдается в огромном холле, пока мы идем за смуглой женщиной.

Мы входим в большую, элегантную гостиную с массивным мраморным камином, в котором пляшет огонь. Камин увит зелеными гирляндами и на нем стоят белые свечи. Рядом с камином огромная рождественская елка, украшенная снежинками с бисером, вязаным свитером с орнаментом, искусственным снегом, ангелами, шишками и хрупкими стеклянными шариками. Под елкой лежит много завернутых подарков.

Я быстро скольжу взглядом по собравшимся гостям. Здесь собралось около пятнадцати-двадцати человек. Мужчины в темных костюмах, женщины в вечерних платьях. Я стараюсь не смотреть в их лица.

Потрясающе красивая женщина, одетая в элегантное черное платье с запахом, направляется к нам. У нее светлая кожа и длинные черные волосы.

— Счастливого Рождества, — приветствует она, целуя Гаю и Лену. — Это София, да? — спрашивает она с теплой улыбкой.

— С Рождеством вас, Лана, — отвечает моя сестра. — Да, это моя сестра София. София, это Лана Баррингтон.

— Счастливого Рождества, — эхом вторю я, протягивая вспотевшую руку.

Вместо того чтобы пожать мне руку, Лана обхватывает меня за плечи и целует в обе щеки.

— Как приятно наконец-то познакомиться с вами. Ваша сестра столько рассказывала о вас, я просто умирала, как хотела с вами познакомиться, особенно, когда услышала, что вы ходите босиком по промерзлой земле, — не переставая говорит она.

— Ой. Я... э... это... приятно познакомиться с вами, — заикаюсь я, мысленно проклиная себя, что не могу толком связать два слова.

Ее улыбка все равно не пропадает.

— Проходите и попробуйте бокал глинтвейна. Он сделан по очень старинному римскому рецепту. В нем есть шафран, смола мастики и обжаренная косточка финика.

Как будто по команде, официантка останавливается возле нас с подносом, заполненным бокалами, наполненными на три четверти мутной жидкостью цвета бычьей крови.

Высокий, красивый мужчина с безразличным, снисходительным взглядом подходит к нам. Язык его тела сразу же говорит мне, что он, должно быть, сам хозяин, муж Ланы, Блейк Лоу Баррингтон. Лена говорит, что он привык быть банкиром банкиров и что его богатство в буквальном смысле поражает. Один взгляд на него, и я верю ей на слово.

Он пожимает руку Гаю, обменявшись с ним приветствиями, потом с улыбкой смотрит на Лену и меня. Наши взгляды встречаются, и у меня возникает странное ощущение — он очень опасный человек. Под красивом фасоном одежды скрывает человек, незнающий ни в чем ограничений. С этой же самой улыбкой он может и убить, если возникнет необходимость. Я встречала таких людей только раз или два. Их кажущееся безразличие проникает глубоко им в душу. Он протягивает руку, и я опускаю свою в его. Его рукопожатие твердое, без единой эмоции.

Он отпускает мою руку, обхватывая за талию свою жену, посматривая на нее сверху-вниз. Тут же я замечаю, насколько он ее обожает. Она любовь всей его жизни. Без нее он стал бы бессердечным чудовищем.

И глядя на них я чувствую тяжесть на сердце, мое бедно сердце тоже желает стать частью великой любви, но я знаю, что никогда не позволю никому приблизиться к себе. У меня есть твердое намерение жить и умереть в одиночестве.

4.

София

Сестра кладет руку мне на спину и легко подталкивает меня к камину. Я понимаю, что я дрожу всем телом. Теперь я стою между наряженной елкой и камином справа от меня. Я делаю глоток вина. Его вкус сладкий и пахнет дымком. Я делаю еще один глоток. И еще.

Тепло от камина греет мне спину, пока я молча стою и слушаю разговор своей сестры с Ланой. Я обратила внимание, что Лана не пытается втянуть меня в их разговор. Глинтвейн просачивается мне в кровь, согревая и расслабляя мышцы.

Больше к нам никто не подходит, и я начинаю чувствовать себя защищенной, спрятанной в зелени ели и круге, который образуют сестра с Ланой. Тело расслабляется. Кожа становится теплой и даже чуть-чуть сияет при всполохах огня. Все не так уж и плохо. Я смогу это пережить.

Я замечаю, что музыка негромко играет в фоновом режиме. Я слушаю обрывки разговора, плывущего вокруг меня. Официантки циркулируют с тарелками канапе. У меня кусок не лезет в горло, поэтому я вежливо качаю головой.

Через комнату я ловлю взгляд Гая и улыбаюсь. На его лице отражается облегчение. Какая-то женщина подходит к Лане и что-то шепчет ей на ухо. Она извиняется перед нами и уходит вместе с женщиной. Моя сестра поворачивается ко мне. Я вижу, что она довольна.

Я туманно улыбаюсь ей в ответ, поскольку чувствую себя немного пьяной.

— У тебя все прекрасно получается, — шепчет она с поистине лучезарной улыбкой. — Я так горжусь тобой.

Еще одна женщина присоединяется к нам. Лена нас знакомит. Я улыбаюсь и вежливо киваю, потом перестаю вслушиваться в их разговор. Я устремляю свой взор к окну, толстый слой снега лежит на земле и сад Баррингтонов напоминает зимнюю сказку.

Из своего угла, я вижу угол какого-то строения, который напоминает огромную консерваторию. В мягко освещенном желтом свете ламп, мне кажется, я вижу большое апельсиновое дерево! Дерево не менее семи или восьми футов высотой, с толстым стволом и ветвями, ломящимися от фруктов. Мгновенно у меня появляется отчаянное желание пойти и посмотреть его поближе.

— Я пойду в туалет, — говорю я Лене. Мне не хочется тащить ее за собой, портя ей вечеринку. Мне всего лишь хочется взглянуть на дерево.

— Я пойду с тобой, — тут же отвечает она.

Я дотрагиваюсь до ее руки, останавливая.

— Нет, со мной все будет в порядке.

Она внимательно смотрит на меня.

— Уверена?

— Абсолютно.

— Хорошо, я буду ждать тебя здесь.

Я киваю и выхожу из комнаты. Алкоголь заставляет чувствовать себя, как будто я плыву. Я медленно иду, к счастью, по пустому коридору в сторону консерватории. Открываю дверь и ахаю.

Это не консерватория, а потрясающе красивая, захватывающая дух, оранжерея. Садовник у Баррингтонов настоящий гений, способный так подобрать растения и их текстуры. Он создал волшебный сад, где все цветет. Апельсины, лимоны, лайм, бананы, клубника, перец чили. Даже цветущие растения все в цвету.

Розы, лилии, камелия обыкновенная, ярко-красная верба и кучу других цветов, названия которых я даже не знаю. Богатый запах от земли смешивается со сладким ароматом жасмина и наполняет мне ноздри. Я иду в глубь сада, высокие каблуки погружаются в почву. Подумав, я снимаю туфли, пусть мои ноги почувствуют прохладную землю.

Первые шажки.

Я чувствую пальцами бархатные лепестки белого ороксилума и улыбаюсь про себя. Впервые с тех пор, как мы покинули замок, я рада, что выбралась сюда. Я чувствую себя храброй и странно счастливой.

Пока я стою здесь, радуясь внутри себя и поздравляя, дверь с противоположной стороны внезапно открывается. Я в панике оборачиваюсь, развернувшись всем телом и чуть не смеюсь от облегчения. Симпатичный маленький мальчик в голубой пижаме, босыми ногами входит внутрь, закрывая за собой дверь.

На фоне темной двери он выглядит почти призраком. Затем он делает пару шагов вперед и вступает в круг света, отбрасываемого одним из фонарей. Я тут же понимаю, что он, должно быть, сын Ланы и Блейка, Сораб. У него красивые глаза от матери, ресницы такие длинные, что отбрасывают тень на щеки, но в остальном его лицо больше похоже на отца. Лена была права, он действительно очарователен.

— Здравствуй, — говорю я, довольная его появлению. Мне показалось, что мы поздно приехали, и я упустила возможность встретиться с ним и его сестрой.

— Привет, — отвечает он, глядя на меня огромными глазами.

— Что ты делаешь здесь так поздно?

— Мне приснился плохой сон, и я не смог заснуть. Я посмотрел в окно. — Он поворачивается и указывает на окна на первом этаже, выходящие в сад. Там же находится балкон с кованой винтовой лестницей вниз. — И я увидел тебя здесь. Я подумал, что ты ангел Рождества.

Я смеюсь, все напряжение и страх моментально исчезают.

— Рождественский ангел? Нет, конечно, это не я.

— Тогда почему ты здесь? — спрашивает он.

— Я на вечеринке у твоих родителей, но я пришла сюда, чтобы посмотреть на апельсиновое дерево.

Он трет глаза и зевает.

— О.

— Так тебе приснилось что-то плохое, да?

— Да, — подтверждает он, торжественно кивая.

— Не хочешь подойти поближе и рассказать, что тебе приснилось? — спрашиваю я, указывая на скамью позади себя.

Он подходит, и мы садимся рядом. Его ноги не достают до земли и между нами около фута. Он смотрит на меня, и я ободряюще приподнимаю брови.

Он сутулится.

— Я видел дракона.

— Кого? — удивленно восклицаю я.

Он смотрит на меня с любопытством, несколько удивленно.

— А разве тебе никогда не снятся драконы?

Я отрицательно качаю головой.

— Никогда, — улыбаюсь я. — Наверное, это очень захватывающе видеть дракона во сне?

Он начинает махать ногами назад-вперед.

— Иногда. Но мне больше всего нравится летать на них.

Совершенно очарованно, я поворачиваюсь в его сторону.

— И что ты делал с ними на этот раз?

— Я боролся со злым, огнедышащем драконом. Я победил, но мой конь погиб в огне. — Его голос звучит печально.

— О, мой Бог. Это ужасно, — говорю я, пребывая в шоке от его кошмара.

— Почему ты не в постели, Сораб? — вдруг грохочет мужской голос.

Я чуть ли не выпрыгиваю из кожи. Резко развернувшись вокруг и вижу высокого, широкоплечего мужчину, стоящего в дверях. У меня перехватывает дыхание. Он, без сомнения, самый красивый мужчина, которого я видела в своей жизни. Даже в журналах я не видела такого лица, как у него.

Густые, цвета угля, волосы спадают на лоб. Брови прямые, в разлет, скулы и подбородок, словно выточены из слоновой кости. Он одет в черную рубашку, с засученными рукавами, а не в костюм, как все мужчины на вечеринке. И видны татуировки, обвивающие его руки. Сразу видно, что он не такой как все, он отличается от всех людей, пришедших сюда.

Как и мне ему здесь не место.

У меня все еще бешено колотится сердце в груди от испуга, и все мое тело зовет меня убежать

к сестре, но присутствует и что-то другое, что-то, чего раньше я никогда не чувствовала, словно через меня проросли корни, удерживающие на месте. Неподвижно, окаменев, будто статуя, я пялюсь на него, открыв рот.

5.

София

— Дядя Джек, — кричит с радостью мальчик, соскакивая со скамейки и несясь со всех ног к нему.

Мужчина усмехается и с легкостью поднимает его на руки, кружа. Меня переполняет странное чувство потери. Я — посторонняя в этой радости. Я всегда аутсайдер.

Я нервно встаю. И мне хотелось бы, чтобы они не загораживали дверной проем, и я могла бы незамеченной выскользнуть и вернуться в свое безопасное место, между Леной и елкой. Я даже подумываю направиться к выходу с противоположной стороны, откуда пришел мальчик, но мне приходится отбросить эту идею, я понятия не имею, как оттуда смогу вернуться в главную гостиную.

— Мне нужно вернуться на вечеринку, — пишу я.

Мужчина опускает мальчика на землю и оглядывает меня. У него такие голубые глаза, горящие на его лице, словно пламя от горелки. У меня учащается пульс.

— Куда спешить, София? — спрашивает он.

Я цепенею от ужаса, уставившись на него, в изумлении и шоке.

О Боже! Нет. Он меня знает.

Он не может меня знать.

Я не могу быть такой невезучей.

Это же мой первый выход в общество, после моего спасения. Как такое возможно, что я столкнулась с мужчиной, который трахал меня? Да еще, я совершенно его не помню, несмотря на то, что он безумно красив? Такое невозможно, даже в наркотическом дыму. Может, он узнал меня, благодаря тем видео, которые делал Валдислав? «Разведи ноги, София. Шире, Софья. Еще шире, София». Жгучий румянец стыда покрывает мне шею и лицо.

Он прищуривается.

— С тобой все нормально?

— Откуда вы меня знаете? — с трудом выдавливаю я.

Он пожимает плечами.

— Кто-то сказал, что Лена приведет сестру. Поскольку я знаю других гостей, я подумал, что ты должно быть она и есть.

Неописуемое облегчение заполняет меня. Мои колени слабеют от это чувства. *Он не знает меня. Он не знает меня.*

Он протягивает руку.

— Джек Айриш.

Я несколько секунд рассматриваю его большую, сильную ладонь, потом успокаиваю себя, что все хорошо и это безопасно. Я послушно протягиваю свою руку. Электрический ток пронизывает меня через ладонь, проходя прямо сквозь тело, заставляя подпрыгнуть на месте. Я вырываю руку, словно обожглась.

Его глаза поблескивают любопытством.

Я понимаю, что веду себя странно, но ничего не могу с собой поделать. Я чувствую себя уязвимой, словно обнаженной перед ним, когда его голубые глаза заглядывают мне в душу. К счастью, в этот момент я замечаю Лану с моей сестрой, идущих к нам.

— Вот ты где, — весело произносит моя сестра, но за весельем скрывают нотки беспокойства.

— Привет, Джек. Я вижу, вы познакомились. — Лана переводит взгляд на сына. — Почему, молодой человек, вы не в постели?

— Посмотри, мамочка, ты стоишь под омелой, — радостно кричит Сораб, показывая вверх.

Мы все поднимаем головы вверх, и не только Лана, но Лена и я тоже стоим под венком из омелы, красные яблоки и розочки из цветной бумаги, свисают с потолка.

На несколько секунд странное напряжение наполняет воздух. Воздух кипит и бурлит. Я перевожу глаза на Лану. Странная вымученная улыбка появляется у нее на лице. И прежде чем я могу выяснить, что происходит, Джек обхватывает меня за плечи своими сильными руками, наклоняется ко мне голову и опускает свои потрясающие, красивые полные губы на мои.

Я так ошеломлена, что перестаю дышать. Он поднимает голову, я с недоверием смотрю ему в лицо. Его глаза темные, подбородок сжат, желваки неистово подрагивают на щеках.

— Счастливого Рождества, София, — бормочет он.

Я моргаю от замешательства, пребывая в каком-то невероятном смятении. Он поцеловал меня. Совершенно незнакомый мужчина поцеловал меня. Почему он выбрал именно меня? Я что выгляжу гулящей? Я выгляжу уродиной и дешевкой?

Валдислав обычно говорил, что я всегда выглядела так, словно всем своим видом призывала мужчин, но я думаю, что он мне врал. Поскольку он говорил, что я прирожденная шлюха. И что таким женщинам, как я, предназначено быть шлюхами. Тут же у меня в голове стали кружиться воспоминания.

Мужчины. Трогающие меня. Трахающие. Заставляющие делать ужасные вещи.

А я должна улыбаться, улыбаться и улыбаться. Всегда притворяться счастливой проституткой. Отрабатывая их деньги.

Воспоминания накатывают все быстрее и быстрее. Не знаю, что нужно сделать, чтобы

остановить эти ужасные образы. Я открываю рот, но ни звука не выходит. Я забываю, что ни одна, я словно падаю в ужас омута. Я готова упасть в обморок.

Тут же Лена выходит вперед и хватается меня за руку. Я пытаюсь бороться и сосредоточить свой взгляд на ней. Она продолжает улыбаться, но глаза сверкают от ярости, призывая меня держаться.

— Все хорошо, — с жаром шепчет она по-русски. — Я здесь. С тобой ничего не случится, Гай и я рядом. Ты же знаешь это. Он не хотел сделать тебе ничего плохого. У них таков обычай. Это ничего не значит.

Я закрываю рот, от готового вырваться крика, и киваю. Она права. Конечно, она права. Воспоминания начинают тускнеть. Я в безопасности. Ничего плохого не случилось. Я просто погорячилась. Я испытала настоящий шок, потому что незнакомые мужские губы дотронулись до меня. Я не ожидала этого. Я сжимаю руки в кулаки, чтобы не так заметно было видно, как они трясутся.

Я понимаю, что все шокировано смотрят на меня. Какой же душой я себя выставила. Я даже не посмела оглянуться и посмотреть на Джека. Он должно быть подумал, что я странная или сумасшедшая.

— Пойдем выпьем, я знаю, какой напиток тебе понравился, — нежно говорит Лена.

Я улыбаюсь и неуверенно киваю.

— Вы идите, а я сначала уложу это маленькое чудовище обратно в кровать, — говорит Лана.

— Неее. Я уложу его. Я догоню вас позже, — говорит Джек.

Я все еще не смотрю в его сторону.

— Спокойной ночи, Сораб, — тихо говорит Лена.

Что касается меня, я не могу произнести ни звука.

— Давай, София. — Моя сестра берет меня за руку и уводит к выходу.

Мы выходим в коридор, я поворачиваю голову в сторону стеклянной оранжереи и смотрю на Джека с Сорабом, восседающим на его плечах и быстро идущими по снежному саду.

Сораб запрокинул голову назад и над чем-то смеется. Я провожаю их взглядом, пока они поднимаются по кованной лестнице, потом решительно отворачиваюсь.

Как все странно.

Но мое сердце тянется к нему.

6.

Джек

Я читаю Сорабу и остаюсь с ним, пока его глаза не начинают слипаться. Закрыв глаза, я

больше не вижу, напоминая Ланы в его лице.

Долго я ее любил.

Так долго думал, что она была моей.

Я бы провел всю свою жизнь защищая ее, заботясь о ней, желая ее, а потом в один прекрасный день без предупреждения, она стала принадлежать другому, и я ничего не мог с этим поделать.

Я был молод. Думал, что у меня вся жизнь впереди.

Дурак, я все ждал подходящего момента. Я был так уверен, что знал ее. Я думал, что ничем подобным удивить она меня не сможет. Бл*дь, как же я ошибался.

Прямо у меня под носом, она пошла и продала себя миллиардеру банкиру, чтобы оплатить лечение своей матери от рака. Что я могу сказать? Я был студентом. У меня не было ни гроша. Ей нужны были деньги. Он хотел любовницу. И это предложение было явно подписано в аду.

Все остальное, как говорится уже история.

Я был зол на себя за то, что был настолько самоуверен, но я так сильно ненавидел Блейка, что хотел его убить. День и ночь ни о чем больше не мог думать, как он дотрагивается до нее, ласкает мою, мою Лану. Это сводило меня с ума, поэтому я решил уехать. Я присоединился «К врачам без границ» и попросил, чтобы меня отправили в Африку.

Потеря Ланы разбила мне сердце, но Африка уничтожила и навсегда изуродовала меня. Нет, я потерял полностью веру в человечество. Бедность, жестокость, коррупция, страдания, убийства, несправедливость, ежедневные унижения, всему этому я был свидетелем.

Даже сейчас ночами я не могу заснуть из-за ужаса, который видел. Гниющие трупы на жаре, женщины, сходящие с ума от горя и взгляд голодающих детей. Их темные глаза не дают мне покоя до сих пор.

В то время моя жизнь не имела никакого смысла, поэтому я специально попросился в самые опасные районы, где шли военные действия. В незащищенном грузовике ООН я отправился в районы, контролируемые повстанцами, чтобы спасти детей. Мятежники, как правило, были безжалостными психопатами, опьяненные силой власти, которая исходила от их жестокости, но у меня не было страха перед смертью.

Я стоял перед мужчинами с автоматами и призывал их выстрелить в меня. Мне кажется, своим поведением я шокировал их. Они называли меня «сумасшедшим белым», но они, наверное, и уважали. Иногда они привозили мне своих раненых, и я исцелял их. Мое отношение простое. Приносят мне раненых, я никогда не отвернусь от них, кем бы они не были.

Для этого я и пришел на их землю — лечить.

Я смотрю на маленькую грудь Сороба, как она ровно поднимается и опадает. Иногда он улыбается во сне. Но не сегодня. Я люблю этого ребенка. Мне кажется, всю свою любовь к Лане я перенес на него. Когда я смотрю сейчас на Лану, та адская любовь во мне ушла. Из пепла возродилась эта чистая любовь к маленькому мальчику, которого она родила. Он мой крестник и моя надежда. В этом уродливом мире, его маленькая нежная душа тихо крепнет и растет. Возможно, в один прекрасный день он поймет свое предназначение.

Одним пальцем я нежно поглаживаю его шелковистые волосы.

— Спи, маленький Сораб.

Тихо, я встаю и иду к двери. Я открываю ее, бросив последний взгляд на спящего ребенка, и быстро закрываю, чтобы не проник холодный воздух. Я ввожу код сигнализации и жду, когда загорится зеленый огонек, чтобы выйти.

Я стою на металлическом балконе секунду, а может две, глядя на заснеженный сад. Так красиво. Я делаю глубокий вдох. Спускаюсь вниз по ступенькам и вместо того, чтобы идти обратно на вечеринку, останавливаюсь в тени и смотрю в высокие окна.

Я вижу, как Лана над чем-то смеется, вижу Блейка спокойно выслушивающего блондина, но мои глаза ищут другую. Девушку в белом платье с огромными, карими глазами. Такими большими, что они способны осветить темную душу человека.

Я нахожу ее наполовину скрытой ветками рождественской ели.

— София. — Пробую ее имя своими губами. У меня вырывается пар изо рта. Ее имя словно магическое заклинание.

Я вижу, как она улыбается и кивает, когда люди вокруг нее о чем-то говорят, но мне ясно, что в этот момент она, на самом деле, находится где-то очень далеко. Я более внимательно рассматриваю ее. Волосы собраны в тугий пучок на затылке. Она нежная, робкая и нервная. Как птица или новорожденный олененок. Определенно не мой тип. Я люблю девушек с длинными ногами. Чем длиннее, тем лучше. Смелых, которые берут, что хотят и уходят утром без лишней суеты.

Тем не менее, она чем-то очаровывает меня, причем безмерно.

Я поцеловал ее только потому, что не было никакого пути в аду, чтобы я смогу поцеловать Лану. Слишком тяжелы старые раны, недоумение и бессонные ночи. Я буду любить Лану всегда, но как сестру. Старые мечты уже давно умерли.

Реакция Софии на такой простой поцелуй, когда я еле дотронулся до ее губ, была поразительной. Она уставилась на меня, побелев, как полотно. Явно впала в шок. Не веря. Как будто я вошел в нее и вырвал ее сердце. Мне показалось, что она бл*дь сейчас грохнется в обморок прямо у моих ног.

Ее сестра, должно быть, подумала то же самое, потому что она быстро рванула к ней, обхватила ее дрожащие руки и с яростью что-то стала говорить на своем языке.

Я видел уже однажды точно такое же выражение, какое было в глазах Софии. Когда я был в Африке, принесли тринадцатилетнюю девочку, пока я был на дежурстве. Ее деревня подверглась нападению. Все были убиты. Выжила только она, ее изнасиловали группой и подожгли. Когда я пришел к ней, она наполовину лежала, наполовину сидела на кровати. Она смотрела на меня, пока я приближался к ней.

У нее был странный взгляд. Если вы не знаете в чем дело, то решите, что ей больно от того, что с ней случилось. Я помню, как наблюдал, как она чесала ногу, на которую присела муха, словно треть ее тела не была обожжена, представляя одну открытую рану, а ее внутренности не были разорваны в клочья и не болтались между ног.

Я знал, как вылечить ее ожоги, зашил ее и перевязал ее, но она никогда не излечится от этой травмы. Она навсегда будет внутри разрушена. Когда приехал ее дядя из другого города, опоздав на неделю, чтобы увести ее подальше, я стоял возле клиники под палящим африканским солнцем и был так зол, что мне захотелось крикнуть Богу:

«Посмотри, чему ты позволяешь происходить. Посмотри!»

Неконтролируемая ярость со временем ушла. Тогда я уже отупел от алкоголя и бессмысленной своей деятельности.

Я смотрю через окно на Софию и мне становится интересно, что же с ней случилось. Чтобы там не произошло, оставило очень глубокий след в ее жизни. И внутри меня что-то встрепенулось. Может, старое горе. Даже заболело мое давнишнее пулевое ранение. Прошло слишком много времени, когда я что-то подобное чувствовал. Я потерял место шрама через рубашку. Где-то вдалеке услышал лису.

Молча я молился, чтобы когда-нибудь она встретила мужчину, который смог бы приложить губы к ее губам, и она не станет трястись от ужаса, а обовьет его руками за шею и поцелует в ответ. Я молюсь, чтобы она нашла свое счастье, которого никогда не было у меня.

Снег кружится вокруг. И я начинаю замерзать без пальто.

Я должен вернуться на вечеринку, но мне не хочется туда идти. Я не хочу стоять и потягивать глинтвейн. Воспоминание обгоревшей девушки вернуло множество воспоминаний, которые я стал забывать.

Я прохожу сквозь беседку из роз, которая великолепно выглядит летом. Летисия открывает переднюю дверь.

— Дашь мне мое пальто, а?

Она кокетливо мне улыбается. Она высокая с длинными ногами, точно мой тип, но я не собираюсь трахать служанок Блейка.

— Ты ведь не уходишь? — у нее появляются ямочки на щеках.

— Ухожу. С Рождеством тебя.

Я иду в известное мне место. Здесь полно счастливых людей. Рождественские песни играют в фоновом режиме. Кто-то окликает меня по имени. Я оборачиваюсь. Томми машет рукой. Он держит стакан. Не пива, а виски! Я машу ему в ответ.

Я уже знаю, как закончится моя ночь. Я напьюсь. Может, кто-то будет настолько глуп и полезет со мной подраться. Черт, я способен врезать в морду любому в этот вечер. Или лучше все-таки забрать девушку с длинными, стройными ногами в свою постель на ночь.

Все-таки канун Рождества, в конце концов.

7.

София

<https://www.youtube.com/watch?v=d4QnalIHIVc>

(Private Dancer)

Остальная часть вечеринки проходит как в тумане. Люди подходят к нам, я иногда улыбаюсь и киваю, иногда даже выдаю маленькие звуки соглашаясь, но на самом деле, я ничего не слышу. Мои губы пульсируют в том месте, где он дотронулся до них, и его образ не переставая крутится у меня в голове.

Мое сердце, словно подпрыгнуло и взлетело, как птица, выходя на свободу после долгого тюремного заключения. «Это всего лишь обычай», сказала Лена. Он мог бы поцеловать любую из нас. Он поцеловал меня только потому, что я была без пары. Но я видела странное выражение в его глазах, как он напряженно сжал челюсть, что даже за пульсировала жилка на щеке, я поняла, что было что-то еще.

Мы прощаемся с хозяевами вечера в фойе. Молоко и печенье все еще ждали Санту. Я поплотнее запахиваю свое пальто и смотрю на извивающуюся лестницу. Интересно, Сораб сейчас летает с драконами во сне. Мне хотелось бы узнать его получше.

Кто-то открывает входную дверь и меня обдает порыв холодного ветра. Гай поворачивается ко мне, и я улыбаюсь и иду к нему. Роберт, наш шофер, стоит за ним. Мы поднимаемся на лифте на крышу, где нас поджидает вертолет, чтобы доставить домой.

Пока мы идем к вертолетной площадке, Лена замечает, что это прекрасно, что я решила провести день после Рождества в местечке, которое называется «Кидс рул». Она улыбается, очевидно, очень довольная этой идеей.

— Что? — встревоженно посматриваю я на нее.

Ее глаза сужаются.

— Разве ты не помнишь? Ты сказала Лане, что хотела бы.

Алкоголь у меня в желудке двигается вверх, заставляя чувствовать себя абсолютно больной.

— Я обещала? Извини, Лена. Честно говоря, даже не могу вспомнить, соглашалась ли я пойти, тебе придется ей сказать, что я не смогу прийти.

Моя сестра сжимает мне руку.

— Эй, перестань паниковать. Это простой обед с детьми из бедных семей. Кроме того, не похоже, что ты собираешься куда-то пойти в тот день. Я тоже буду там.

Фух. Животный страх постепенно отступает. Если там будут только дети, то это не страшно. Я бы могла съездить и посмотреть. Я люблю детей и всегда наслаждаюсь их компанией. Выдохнув с облегчением, я прижимаю руки к животу.

— Так мы будем обедать с детьми?

— Точно. У большинства этих детей не будет рождественского ужина, так что для них будет устроен большой праздник с индейкой и все, что полагается на Рождество. Лана говорит, что даже Санта придет и подарит подарок каждому.

— Понятно. Лана очень милая.

— Ну, на самом деле, это один из благотворительных фондов, созданных Ланой. Обед будет проходить в «Кидс рул» в Килберн.

— «Кидс рул»? — с улыбкой спрашиваю я. (*Kids Rule - Правят дети. - прим. пер.*)

— Это место, куда всегда могут прийти дети из бедных или неблагополучных семей, чувствуя себя в безопасности, изучая предметы или развлекаясь. Там есть бесплатные занятия. Танцы, театр, уроки самообороны и компьютера. Идея состоит в том, чтобы отвратить их от наркотиков и алкоголя, привлекая к участию в интересных мероприятиях, которые могут им понравиться.

— Замечательно.

Она пожимает плечами.

— Кто знает, может, ты решишь стать волонтером.

Я молчу. Сама идея необычная, но, по крайней мере, она меня не страшит.

Моя сестра тепло улыбается мне.

— Никакого давления. Я пойду с тобой и если тебе не понравится мы уйдем, ладно?

Я медленно киваю.

Первые шажки.

Мы возвращаемся в замок поздно. Толстый слой снега лежит на земле, и замок выглядит зачарованным и мифическим, словно нарисованный из сказки. Гай и Лена желают мне спокойной ночи и направляются к западному крылу, я же двигаюсь к своим апартаментам в башне.

Я захожу и останавливаюсь в дверях, оглядываюсь. Рита, наверное, расстелила уже постель, зажгла камин и включила ночники. От их тусклого света витражи на окнах начинают светиться, как драгоценные камни в темной ночи. Комната выглядит уединенно и не защищенно. Ночью, когда на улице метель, я слышу, как ветер завывает в окнах, но мне нравится. Стены толстые, и я чувствую себя в полной безопасности.

Я закрываю за собой дверь, запираю и поднимаюсь по пятидесяти семи ступенькам винтовой каменной лестницы в свою спальню. Ладони скользят по каменным перилам, а шаги эхом отдаются о стены. Иногда, когда я прислушиваюсь к своим шагам, вспоминаю те чудесные сказки, которые нам читала мама. Каждую принцессу, живущую в башне, в итоге спасал принц.

Я не принцесса.

И никто не собирается спасать меня.

Для меня так даже лучше.

Я открываю дверь и вдыхаю знакомый запах лаванды от свечей. Это мой маленький храм, и я люблю его. Везде, куда хватает взгляд, есть милые уголки, заполненные всякими

безделушками, которые мне дала Лена и служанки. Когда Гай узнал, что я хотела бы жить в этой башне, он переоборудовал ее в люкс с гостиной, спальней и роскошной ванной комнатой, словно весь интерьер перенес со съемочной площадки, снимающей фильм про средневековье.

Здесь есть двуспальная кровать, завешенная балдахином из зеленой парчи, письменный стол, высокое кресло и великолепный диван в гостиной, скрывающейся за бархатными шторами, на котором я часто сворачиваюсь калачиком с хорошей книгой. Оранжевое, мерцающее пламя в камине делает это место восхитительно теплым и уютным. Я снимаю туфли и иду босиком по ковру с большим ворсом в ванную.

Ванная комната отделана римской мозаикой, сама ванная из мрамора и над ней звездный потолок. Я встаю перед зеркалом. Несколько секунд с любопытством рассматриваю себя. Румянец на щеках, должно быть из-за алкоголя.

Я вытаскиваю шпильки из волос, одно из моих достоинств красоты, и они падают сияющей золотисто-шоколадной волной вниз к талии, но сегодня мое внимание привлекают глаза. Они кажутся совсем другими. Они сверкают.

Я прикасаюсь к губам. Мужчина поцеловал меня сегодня, и я не почувствовала отвращения. На самом деле, я *хотела его*. Впервые в жизни я хотела мужчину.

Я закрываю глаза и представляю его лицо. Яркие голубые глаза, жесткие скулы, прямые, темные волосы, спадающие на лоб. В животе возникает какое-то чувство. Я вспоминаю его татуировки, ползущие по рукам вверх, когда он закатил рукава рубашки, и чувствую трепет между ног. Мне хочется дотронуться до этих татуировок и прочертить дорожку. Пусть он приведет меня туда, куда...

Я глубоко вдыхаю. И морщусь, глядя в зеркало.

Вы когда-нибудь видели, как кинорежиссер снимает фильм с зеленым экраном на заднем плане? Это выглядит странно, на первый взгляд. Ты ничего не чувствуешь, поскольку актеры играют свои роли на фоне зеленого экрана, который не отображает реальную жизнь сцены, там пусто. Позже в темных кабинках инженеры и техники добавят звук, фон, дым и кровь. Сцена будет правдоподобной.

Моя жизнь именно и напоминает такой зеленый экран кино.

Я проживаю свою жизнь перед зеленым экраном. Нет никакого фона, никаких звуков или ссылок на саму сцену. Это довольно странно, но служит своей цели.

Впрочем, в такую ночь, как сегодня, когда мое сердце не желает больше находится перед зеленым экраном, когда оно забыло кое-какие вещи, затосковало и заинтересовалось, я решаю добавить фон в свой фильм. Это единственный способ напомнить о себе. О реальности. И эта реальность тут же излечит меня от желания красивых мужчин, которых я никогда не смогу иметь. Мужчин, как Джек Айриш.

Я открываю глаза, расстегиваю платье, которое мягко падает на пол. Кожа гладкая, груди маленькие и приподнятые, и узкая талия. На мне белые хлопковые трусики.

Я снимаю их.

Бедра округлые, плавные, ноги стройные, благодаря всей тяжелой работе, которую я проделывала в детстве. У меня есть несколько белых шрамов на внутренней стороне бедер, но

их не видно, когда я стою прямо. Нужно раздвинуть ноги, чтобы их увидеть.

Очень медленно, поскольку сердце колотится в груди, как угорелое, я поворачиваюсь к зеркалу спиной. И делаю то, что не делала с тех пор, как приехала в этот великолепный замок. Глубоко вздохнув, я перекидываю завесу волос на плечо, и оглядываюсь, чтобы взглянуть на спину. У меня непроизвольно руки сжимаются в кулаки.

Да, оно осталось.

Моя жизнь с зеленым экраном меняется. Появляется фон на заднем плане грязного притона. И как будто это произошло вчера, я чувствую, как грубые веревки впиваются в мои запястья и щиколотки, слышу насмешки и смех мужчин, едкий запах горячей плоти, и свои крики ужаса от мучительной боли.

Это сделано для всех, чтобы все видели.

На моей спине — это напоминание о моей реальной стоимости.

Выжгли, как у обычного скота, металлическим раскаленным тавро, поставив клеймо собственности. Буквы расплылись, поскольку я слишком сильно дергалась и орала, но все равно можно четко прочитать слова:

Валдислав Михайлов

8.

Джек

Я просыпаюсь под звуки грома и дождя, колотящего по окну. Сильно. Дождь, бл*дь, идет на Рождество, а у меня в голове все стучит. Бл*дь. Я слишком стар для подобных игр.

Было все нормально, пока мы играли в безобидную игру для подростков Fuzzy Duck, но когда плавно перешли на Dirty Pint, я три раза подряд неправильно кинул жребий, я пропал. Черт возьми, Томми пил виски, я пил пиво, Лиам сидел с «Гиннесом», девушки пили вино и коктейли. Похоже, я понемногу добавил всего в свой стакан. Даже мысль об этом сейчас вызывает у меня рвотный рефлекс.

Я поворачиваю голову и охаю.

— С Рождеством, — говорит девица рядом со мной.

Я замираю. Не могу вспомнить, как уходил с этой женщиной.

Она поднимает голову от подушки, и я пытаюсь сфокусировать на ней взгляд. Блондинка с накладными ресницами, с размазанной помадой, но выглядит неплохо. Я смутно припоминаю ее. Она была в розовом топе и кожаной мини-юбке. Она так заправилась «горючим», что ей пришлось пойти пописать в кусты в чьем-то саду. Черт, мне было ненамного лучше. Я вспоминаю, как поднялись к ней в квартиру.

— Ты загляденье, Джек Айриш, — говорит она.

Ее голос, словно нож, проходит сквозь меня. Я ругаюсь и поднимаю руку, показываю, чтобы

она не говорила ни слова! Она не обращает внимание на мой жест.

— Что не нравится? Ты вообще дышишь, а? — спрашивает она и громко смеется. Ее смех, как пулеметная очередь, отражается у меня в голове.

— Бл*дь, — бормочу я. Надо же, я даже могу говорить!

Ее рука тянется к моему паху. Я хватаю ее за запястье и холодно смотрю на нее.

— Нет.

Она хмурится.

— Вчера ты так не говорил.

— Да, вчера было все намного лучше. Утро всегда ужасно. — Я резко поднимаю себя в вертикальное положение, ноги с глухим стуком приземляются на деревянный пол. Холодный, и под ногами полно использованных презервативов, новая вспышка боли выстреливает в голове.

— Ты сегодня совсем другой, — обвиняет она меня.

Щурясь от утреннего света, я надеваю трусы и хватаю рубашку с пола. Я перевожу взгляд на женщину, застегивая пуговицы.

— Прости. У меня раскалывается голова, и я не в настроении заниматься болтовней.

Она переходит на другой тон, пытается меня умаслить.

— Хочешь, я приготовлю тебе завтрак?

Я практически вскакиваю в джинсы.

— Я ценю твое предложение...

— ...Мелани, — добавляет она.

— Очень мило с твоей стороны, Мелани, но я немного спешу. — Усевшись на кровать, я тянусь за носками.

Она дотрагивается до моей руки.

— Нам же было весело прошлой ночью, не так ли? Было же хорошо вместе, да?

Я с трудом подавляю желчь, поднимающуюся к горлу. Ненавижу цепляющихся женщин. Женщин, которым недостаточно намек. Нужно ударить их по голове гребаным кирпичом, чтобы они поняли.

— Да, конечно.

— Может, мы могли бы встретиться как-нибудь, пойти выпить, а?

Я улыбаюсь.

— Знаешь, милая, возможно нет.

— Почему ты такой ужасный? Сегодня же Рождество.

Я протягиваю руку к дверной ручке, открываю дверь ее квартиры-студии.

— С Рождеством, — говорю я, выходя за порог.

Лифт не работает, поэтому я спускаюсь по лестнице. Здесь пахнет несвежей мочой. Снаружи поливает дождь. Все вчерашнее волшебное снежное волшебство пропало. Я смотрю на часы. Уже десять тридцать.

Я открываю дверь и выхожу под холодный колючий дождь. Он хлещет по мне, моментально намочив одежду. Все магазины закрыты, улицы пустынные. Вода струйками бежит по асфальту. Мои ботинки скрипят под дождевой водой, когда я иду по тротуару. Я добираюсь до Килберн Хай-стрит и решаю не утруждать себя возвращением к себе домой. Дом моей матери находится менее чем в пятнадцати минутах ходьбы. Я отправляюсь к ней. Через десять минут я стою перед ее дверью. Ее соседка выглядывает из своего окна. Увидев меня, она машет мне рукой.

Я киваю и вставляю ключ в замок маминой квартиры. Как только дверь открывается, я попадаю в запахи рождественского ужина.

Она выходит из кухни, в фартуке, надетом на новое красное платье. С кружевным воротником и перламутровыми пуговицами. Ее щеки розовые от жара кухни, и ее светло-голубые глаза расширяются от удивления, глядя на меня.

Я чувствую себя виноватым. Она придает большое значение сегодняшнему дню. Мне не следовало выкатываться из кровати какой-то птички и появляться перед ней в таком виде, как утонувшая крыса. Мне следовало доехать на такси домой, принять душ и приехать к ней с подарком.

— С Рождеством, мам.

— Ты поймал свою смерть, простудившись. Продолжай в таком же духе. — Она журит и трясет головой, подталкивая меня к ванной.

Я быстро сбрасываю с себя промокшую одежду и залезаю под душ. Стоя под горячим каскадом воды, я чувствую, как жизнь медленно возвращается в окоченевшие конечности. Десять минут спустя я выхожу.

Мама оставила мне полотенце и одежду на стуле. Я вытираюсь насухо и провожу по запотевшему зеркалу. На меня смотрит лицо незнакомца. Глаза совершенно пустые, словно вставили кусочки синего стекла в глазные яблоки. Я стою миллионы, мое имя приобрело известность, я востребован, но от этого счастья не прибавляется.

Я выставлю руку вперед в виде пистолета, направив на свое отражение, и бах.

— Ты умер в Африке, Айриш, — неприятный голос говорит у меня в голове.

— По сравнению с зомби я выгляжу не слишком потрепанным, — отвечаю я своему голосу и отворачиваюсь.

Я одеваюсь и иду на кухню.

Ма сидит за столом и чистит картошку. Через стеклянную дверь духовки, я вижу большую

готовящуюся индейку.

Она смотрит на меня.

— Ты слишком много пьешь. Выглядишь ужасно.

Я открываю холодильник и достаю пиво. Достаю открывалку, откупориваю крышку, потом открывалку кладу на место в ящик и сажусь за кухонный стол.

— Ты убьешь себя выпивкой, если будешь так продолжать, — фыркает она.

— Оставь, мам, — бормочу я. Мне, бл*дь, тридцать лет. Мне это дерьмо не нужно. Я делаю длинный глоток холодного пива, мама внимательно наблюдает за мной.

— Ты считаешь, что я должна молча наблюдать, как ты себя горишь, а? — требует она ответа.

— О, ради Бога. Сегодня чертово Рождество, мам.

Она снова вдыхает, на этот раз более резко.

— С тех пор как ты вернулся из Африки, ты сам на себя не похож. Что с тобой там произошло? Почему бы тебе не поговорить и не снять груз с души?

— Ничего, мам. Ничего не произошло. Неужели нам стоит говорить об этом сейчас? Сегодня? Когда я чувствую себя так дерьмово?

Я смотрю ей в глаза и специально делаю очередной долгий глоток пива. Она глубоко вдыхает. Я прямо вижу, как разные мысли крутятся у нее в голове. Но она не хочет портить праздник.

— Я сделала пироги для вашего рождественского обеда с детьми, — наконец говорит она.

Я ставлю бутылку на стол, получив желаемый эффект. Голова чудесным образом проясняется. Я улыбаюсь маме, она потратила свое время, чтобы поддержать меня.

— Спасибо, мам.

Она улыбается.

— Все хорошо, Джек. Я рада, что ты пришел на Рождество. Знаешь, я скучаю по тебе.

Я не говорю ей, что скучаю по ней тоже. Потому что я ни по кому не скучаю. Иногда мне хочется, чтобы вообще не было людей. Сейчас люди как прилив реки. Они приходят, другие уходят. Пока они находятся рядом, я готов потратить свое время на них, но мне ничего от них не нужно. Ничего. Не вещей. Не денег. Не власти. Не любви. Ничего.

Мама продолжает мне рассказывать о кафе, которое находится дальше в этом же квартале, готовое закрыться, но вдруг дети звонят ей в дверь и ее привередливой соседки. Я слышу урывки разговора.

— Я сказал ему проваливать.

— Скажи, если ты найдешь девушку. Какая наглость...

Я поворачиваюсь к окну. Дождь все еще льет. По какой-то странной причине я вспоминаю

девушку в оранжереи.

София Сигал.

Не потому, что я хочу ее или что-нибудь типа того. Просто потому что она другая. Отличается от всех других женщин, с которыми я знаком.

9.

София

— Давай открывай подарки, — приказывает Лена.

Она все еще в пижаме и пушистом халате. Сложив руки на груди, она выглядит такой взволнованной, что я едва могу усидеть на месте. Я улыбаюсь ей, и сердце наполняется любовью. Она как большой ребенок, наполненный светом и энтузиазмом. Снаружи дождь стекает дорожками по окнам. Внутри моей люкса в башне тепло и еле уловимый аромат кофе витает в воздухе.

— Давай откроем наши подарки вместе, — говорю я, глядя на коробки на кровати. Всего их три — одна от нее, вторая от Гая и одна от меня ей.

— Нет, нет, давай, ты первая, — требует она. — Я хочу видеть твое лицо, когда ты распакуешь наши подарки.

— Ладно, — говорю я, и делаю медленный глоток из кружки с кофе, которую она принесла мне.

— Ради Бога, — вскрикивает она.

Я смеюсь, глядя на выражение ее лица.

Она хватает коробку и пихает ее мне в руку.

— Открой это первым. Это от меня.

Поставив кружку на тумбочку и скрестив ноги, я с улыбкой ее трясусь. Внутри что-то постукивает.

— Купоны или билеты? — Скорее всего.

— Просто открой, — с нетерпением говорит она.

Я разрываю упаковку и поднимаю крышку картонной коробки, достаю сложенный лист бумаги и читаю его.

— О, — восклицаю я. — Ты подарила мне уроки вождения. — Тут же мое сердце начинает трепетать от страха. Я не смогу сесть в машину с мужчиной, причем так близко и находиться с ним в одиночестве несколько часов подряд. Я поднимаю на нее глаза, пытаюсь улыбнуться, сдерживая себя, чтобы не расплакаться.

Она улыбается мне.

— Инструктор-женщина.

Я с облегчением выдыхаю открытым ртом.

— О, спасибо. Какой замечательный подарок, Лена. Я с удовольствием могла бы сама теперь ездить в деревню и никого не беспокоить. Спасибо, дорогая. — Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее.

— Открывай следующий. Давай, — взволнованно визжит она. — Это от Гая. — Она протягивает мне длинную продолговатую коробку, такую используют для отправки постеров. Светлого цвета, но мне кажется она пустая, когда я ее трясусь, не выходит ни звука.

— Ну же, давай, — требует моя сестра.

Я разрываю упаковку и вытаскиваю свернутый лист бумаги. Я раскручиваю сложенную трубочку и удивленно поднимаю брови. Лена широко улыбается, глядя на меня. Я пробегаюсь глазами по плотной бумаге. И не верю своим глазам.

— Ну? — подталкивает меня Лена.

Я моргаю и с недоумением смотрю на нее.

— Гай купил мне дом в Лондоне?

Она энергично кивает.

— Да. Ты теперь можешь гордиться, у тебя есть собственный дом.

Я в шоке смотрю на нее. Я не хочу уезжать из замка. Мне нравится мой люкс в башне. Это первое место, где я чувствую себя в безопасности. Я глупо думала, что смогу жить здесь вечно.

— В чем дело? — интересуется Лена.

— Ты больше не хочешь, чтобы я здесь жила? — с трудом произношу я.

Выражение ее лица меняется.

— Что? Нет. Конечно, нет. Этот дом не для тебя. Ты можешь сдавать его в аренду и таким образом зарабатывать себе деньги. Ты станешь финансово независимой.

В уголках глаз уже готовы пролиться слезы.

— О. Я не знаю, что такое владеть домом в Англии или сдавать его в аренду.

— Секретарь Гая найдет арендатора и все устроит. Тебе ничего не придется делать. Ты будешь обучаться этому не спеша, в своем собственном темпе, хорошо?

Глаза все равно наполнились слезами. Я пытаюсь их сморгнуть, Лена наклоняется и обнимает меня за плечи.

— Ты моя дорогая, София. Моя дорогая. Однажды ты встретишь замечательного мужчину и покинешь этот замок, уйдешь с ним. Я, конечно, буду огорчена, что ты покинула меня, но я буду рада за тебя. Однако, — она хитро подмигивает и улыбается мне, — пока еще не наступил такой день, ты вся моя. Это твой дом, глупышка.

Мы обнимаемся и обе плачем.

Я отстраняюсь от нее и вытираю слезы.

— Я чувствую себя ужасно. Вы подарили мне такие прекрасные подарки, а у меня только безделушки, купленные в деревенском магазине.

— О, София. Мне понравится все, что ты подаришь мне от всего сердца. Чтобы ты не купила, для меня все будет идеально.

Вдруг за дверью слышится странный шум, словно приглушенный вскрик.

— Что за черт? — спрашиваю я.

Она улыбается.

— Это тебе подарок от Ирины. — Она встает с кровати. — Оставайся на месте, — предупреждает она и подходит к двери.

Я слышу шепот у открытой двери, а затем...

О боже мой!

Золотой щенок ретривера врывается ко мне в комнату! Я взмахиваю руками и хватаюсь за щеки. Моя собака! Я смотрю на щенка с нескрываемым восторгом. Лена несет Ирину на руках, за ней следует няня, все они смотрят на меня. Я ни слова не могу произнести.

— Она уже умеет ходить в туалет, но еще у нее нет имени, — говорит Лена.

Ирина пытается выбраться из рук матери. Она хочет спуститься и поиграть с щенком, но Лена говорит:

— Подожди, пока тетя София не познакомится с ней. — Она переводит взгляд в мою сторону.

— Давай. Ее нашли в мешке, кто-то выбросил у обочины дороги. Оставив, видно, умирать, потому что она немного хромает. У нее одна лапка короче другой.

— Что? — в ужасе шепчу я.

— Поэтому ей нужно много любви и внимания.

Я смотрю на маленькую шустрю собаку. Действительно, у щенка странная походка, но на самом деле, она выглядит довольно очаровательно. Как могли так поступить с такой невинной штучкой?

— Я буду любить ее до конца дней, — обещаю я Лене, глядя на собаку.

Мои мысли уже пустились вскачь. Я представляю, как всему ее обучу. Она может даже спать на моей кровати. Я буду брать ее с собой, когда на рассвете пойду гулять. О боже мой! Мы вместе сможем играть. Я встаю с кровати и опускаюсь на колени. Пушистый мяч из меха подходит ко мне и осторожно нюхает колено, и в эту минуту я начинаю плакать от потрясающего счастья.

Клянусь, я никогда не чувствовала себя такой счастливой в своей жизни!

София

Мы прилетаем в Лондон раньше, чем планировали. Гай заходит с нами в лифт, целует Лену и помогает нам сесть в ожидающую нас машину. Он закрывает дверь и остается стоять на тротуаре, наблюдая, как Роберт, его шофер, нас увозит. Мы обе поворачиваемся, чтобы посмотреть на него, и у меня в груди появляется странная грусть от того, что у меня нет мужчины, который бы вот также махал мне на прощанье и любил бы меня так же, как Гай любит мою сестру.

Эдгвар-Роуд заполнен магазинами и ресторанами, выходцев с Ближнего востока, но если двигаться дальше, попадаешь на Хай-Стрит Килберн. Я никогда не была в этом районе, поэтому с любопытством рассматриваю его из окна. Когда мы проезжаем оживленную улицу и район многоквартирных домов, я замечаю бедность показавшегося квартала.

Мы останавливаемся перед зданием «Кидс рул», одновременно с Ланой. Она выходит из милого белого хэтчбека Geely Panda и машет нам рукой.

— Разве ее муж не миллиардер? — спрашиваю я сестру.

— Лана не любит показывать свое богатство, когда приходит сюда. Она говорит: «Зачем тыкать этим в нос».

— Привет, — восклицает Лана, направляясь к нам. На ней красная трикотажная водолазка, потертые синие джинсы, коричневые ботинки и короткая кожаная куртка. Ее длинные волосы собраны в хвост, на лице ни грамма косметики, она очень красивая, даже без макияжа.

— Я так рада, что вы смогли приехать.

Мы целуемся друг с другом щеками и направляемся к входу в одноэтажное здание. Внутри уже находятся другие люди, они приветствуют нас улыбаясь.

Лана идет по коридору, рассказывая про комнаты по обе стороны. В некоторых комнатах есть столы и стулья, чтобы помогать детям с учебой, в других я вижу музыкальные инструменты, дальше комнату с зеркальной стеной и спортивным инвентарем, резиновыми ковриками, также танцевальную студию, тренажерный зал и музыкальный.

В конце коридора мы останавливаемся перед дверью, которую Лана называет главным залом. Он украшен рождественской мишурой и уже наполовину заполнен детьми. Они толпятся небольшими группками, разговаривают и смеются.

— Вот, где все происходит, здесь мы весело проводим время. Здесь у нас проходят танцы, конкурсы и концерты, — объясняет она.

Дети тут же нас окружают. Они смело закидывают нас вопросами, не только Лану, Лену, но и меня. Лана представляет нас, и я следую примеру своей сестры, тоже машу им рукой, как только произносится мое имя.

Краем глаза я замечаю худенькую девочку с вьющимися цвета шоколада волосами, сидящую одиноко на скамейке. Она спиной прислонилась к стене, приподняв ноги, положив открытый альбом и что-то рисуя. Она бросается мне в глаза, потому что выглядит такой отстраненной,

совершенно не обращая внимания на шум вокруг себя.

Пару минут мы с Леной отвечаем на вопросы детей, вызванные любопытством.

— Откуда ты?

— А где эта Россия?

— А ты видела медведей?

— Вы будете нашими новыми учителями?

Я постоянно перевожу взгляд на девочку на скамейке. Она ни разу не подняла голову и не проявила к нам никакого интереса.

В конце концов, я не выдерживаю, извинившись, направляюсь к ней. На вид ей не больше восьми или девяти лет. Не знаю почему, но я чувствую с ней какую-то связь. Я сажусь рядом на скамейку. Она даже не поворачивается ко мне. Ее лицо скрыто упавшими локонами. Я заглядываю в ее альбом. Она рисует замок, девушку в длинном платье и мужчину на лошади.

— Хороший рисунок, — говорю я.

Молча она продолжает рисовать траву.

— Меня зовут София. А тебя?

Она сильнее сжимает карандаш своей маленькой ручкой, полностью сконцентрировавшись на своем рисунке.

Я прикусываю губу. Почему-то мне хочется достучаться до нее, я не хочу сдаваться, потому что чувствую в ней какую-то печаль.

— Я люблю лошадей, — тихо говорю я.

Она полностью игнорирует меня.

— Тебе нужно нарисовать башню у замка.

Ее зажатая рука с карандашом на секунду замирает, но потом она продолжает выводить траву, отказываясь смотреть на меня.

— Замок прекрасен.

Я слышу, как она глубоко вздыхает.

— Я знаю, потому что живу в замке.

Ее карандаш перестает царапать бумагу.

Я задерживаю дыхание.

Она поворачивает лицо в мою сторону, ее кудряшки подпрыгивают, обрамляя щеки и ее серые глаза с огромным любопытством смотрят на меня. Тут же мое сердце уходит в пятки. Она представляет собой жалкое зрелище.

— Ты живешь в замке? — шепчет она.

Я киваю.

— Угу. Я живу на верху башни.

Ее глаза расширяются до невозможных пропорций.

— Правда?

Я снова киваю.

— Нужно подниматься по извилистой каменной лестнице, чтобы добраться до комнаты.

Ее глаза сияют.

— Вот, давай я тебе покажу. — Я вытаскиваю свой мобильный телефон и прокручиваю фотографии. К счастью, я много фотографий сделала своего подаренного щенка. Я показываю ей, она наклоняется ближе, чтобы взглянуть.

— Это твой щенок?

— Да. Ее зовут Мика.

— Она такая милая.

Я ухмыляюсь.

— Это мой рождественский подарок.

Вспышка боли пересекает ее маленькое лицо. Возможно, она потеряла собаку или кошку.

Я быстро прокручиваю назад и нахожу несколько фотографий замка, сделанных снаружи. Она наклоняется еще ближе и пристально разглядывает мои фотографии.

— Может, когда-нибудь ты придешь ко мне в гости, — говорю я, — и вдруг она вздрагивает. Вскрикивает на ноги, хватая свой альбом и выбегает из зала.

Я тоже вскакиваю на ноги, но не могу заставить себя остановить ее. Что я ей скажу? Я даже не знаю, как ее зовут. Наблюдая за ее маленькой убегающей фигуркой, я испытываю настоящее чувство подавленности. Черт. Я облажалась, слишком стремясь установить с ней контакт. Кто приглашает ребенка к себе домой, познакомившись с ней всего несколько минут назад? Она, наверное, подумала, что я какая-нибудь извращенка. Как глупо, с моей стороны.

— Как мать твою ты это сделала?

Я поворачиваюсь в сторону говорившего, и мои щеки начинают гореть от смущения. Боже! Из всех людей в мире почему именно Джек Айриш должен стать свидетелем моего промаха, не способной наладить контакт даже с маленьким ребенком?

11.

Джек

— Прости. Я не хотела, чтобы она сбежала, — извиняется София. В ее глазах полно печали, и она выглядит так, будто вот-вот разрыдается. Я с удивлением смотрю на нее. Господи, неужели существует такая невинность?

— Лори ни с кем не разговаривала с тех пор, как только пришла сюда, это было около шести месяцев назад. Ты только что смогла разговорить ее, так что думаю тебе не о чем сожалеть. То, что ты совершила напоминает чудо.

Ее глаза расширяются.

— О! — восклицает она, и ее лицо окрашивает вспышка настоящей радости, и я вдруг замечаю, что она еще красивее, чем впервые видел ее. Ее красота не сверкающая, как бриллиант, а загадочная, интригующая, словно нитка жемчуга, светящаяся при лунном свете.

Она прикусывает нижнюю губу, и мои глаза тут же устремляются к ее рту. Она еще больше краснеет. Черт, я пялюсь на нее так, будто она чертовски точная копия моего полиса страхования жизни.

— Почему она не разговаривает? — смущенно спрашивает она.

— Никто не знает. Она неподалеку живет со своей матерью. Я думаю, что ее мать иностранка и не общается с другими женщинами.

София выглядит обеспокоенной, видно из-за того, что Лори похоже имеет для нее какое-то значение.

— И у нее нет друзей?

— Она не хочет иметь друзей. Дети пытались разговорить ее, но она даже не посмотрела в их сторону. Как ты заставила ее поговорить с тобой?

— Она рисовала замок, и я сказала ей, что живу в замке.

Мои брови взлетают вверх.

— На самом деле?

Она кивает.

— Да, в графстве Чешир. Замок принадлежит моей сестре и ее мужу.

Я не могу не улыбнуться. Я никогда не встречал никого, кто жил бы в замке, но она выглядит так, словно, действительно, должна жить в замке. Невинная принцесса, которую необходимо спасти.

— Думаешь, она вернется? — обеспокоенно интересуется она.

— Наверное. Думаю, ей нравится быть среди детей, но она просто не была готова к общению. Но ты смогла ее заинтересовать, чтобы она сделала первый шаг.

— Но я разрушила все. Она же убежала.

— Нет, ты ничего не разрушила. Она заинтересовалась тобой, значит вернется.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Ты естественна с детьми, и у тебя хорошая интуиция. Почему бы тебе не поработать тут волонтером, чтобы помочь детям?

Я чувствую, как она тут же сжимается от моего предложения. Хмурится.

— О! Не думаю, что такое будет возможно. Слишком далеко, чтобы приходить сюда на регулярной основе.

— Что может быть невозможно? — спрашивает ее сестра, оказавшаяся рядом с нами. Ее улыбка и вопрос не случайны, в глазах просматривается бдительность и напряжение. Она напоминает мне тигрицу, защищающую своих детенышей.

— Ничего особенного, — бормочет София.

Ее сестра вопросительно смотрит на меня, и я вдруг понимаю, что она может оказаться союзником.

— Я только что предложил Софии поработать здесь волонтером, она настолько естественно ведет с ними, это было неплохо, но она сказала, что слишком далеко живет.

Ее сестра переводит взгляд с Софии на меня, а потом на ее лице расплывается огромная улыбка.

— На самом деле, это гениальная идея. Мы обе могли бы приходить. Допустим, раз в неделю. У нас есть квартира в Лондоне, и когда мой муж по делам будет оставаться в городе, мы могли бы тоже оставаться на ночь.

Я перевожу взгляд на Софию и ободряюще приподнимаю брови.

— Ну. Хочешь снова увидеть Лори?

Она сжимает руки в кулаки, и я замечаю тревогу во всем ее виде.

— Но чем мы можем помочь?

— Многим, вы могли бы учить детей чему-то полезному, расширяя их кругозор и способности. «Кидс Рул» предполагает расширение прав и возможностей детей, чтобы они отказались от наркотиков, банд и алкоголя. Вам придется переговорить с Ланой или девушкой из офиса, но уверен, что вы двое сможете что-нибудь придумать.

София неуверенно хмурится, но сестра очень увлечена этой идеей.

— Я могла бы давать уроки фортепиано или советы по моде, которую изучила, когда была моделью, а София могла бы вести уроки вокала. Она всегда была лучшей певицей в нашей семье.

— Круто, — отвечаю я.

София с нетерпением переводит на меня взгляд. В ее лице читается некое возбуждение, которое она пытается скрыть, чтобы, видно, не быть потом разочарованной.

— Вы действительно думаете, что это хорошая идея?

Я ухмыляюсь. Не знаю почему, но мысль о Софии, приезжающей сюда в центр, заставляет все мое тело звенеть от предвкушения.

— Абсолютно. Насколько я знаю, никто не преподает уроки на фортепиано или вокал. А что касается советов по моде от бывшей всемирно известной модели, то у вас все девочки будут стоять в очередь.

— Спасибо, Джек. Мы поговорим об этом с Ланой, — отвечает Лена.

— Без проблем, — говорю я.

— Я понятия не имела, пока Лана не сказала мне сегодня, что вы и есть Джек Айриш, — говорит Лена.

Я пожимаю плечами, смущаясь. Она говорит это с таким видом, будто я знаменитость или что-то типа того.

Она улыбается.

— Должна сказать, ваше имя часто упоминалось, пока я работала в мире моды.

София с любопытством смотрит на сестру.

— Почему?

Она кидает на Софию загадочный взгляд.

— Джек — один из лучших пластических хирургов Великобритании. Он руководит самой известной клиникой на Харли-стрит. — Она делает паузу и морщит лоб. — Я даже знаю пару девушек, которым он сделал другую форму носа. Кстати, вы проделали потрясающую работу оба раза.

— Спасибо, — тихо отвечаю я.

Затем звонит колокол, и наступает время всем спуститься в столовую на праздничный обед. Лана и другие женщины поставили здесь огромную елку и украсили ее большим количеством мишуры, поэтому со всех сторон слышатся ахи и комментарии «злой человек» и «круто» от детей. *(Имеется в виду фильма о похитителях Санта-Клауса и маньяках-убийцах («Тихая ночь, смертельная ночь» 1984, «Плохой Санта» 2003), поэтому дети называют его злым. - прим. пер.)*

12.

София

Обед проходит весело, дети, кажется, определенно наслаждаются. Взрослым подают вино. И у меня тоже есть бокал в руке, который я тяну к своим губам.

Несколько раз, когда я поднимаю глаза, ловлю взгляд Джек на себе, но я тут же краснею и начинаю нервничать, поэтому быстро отвожу глаза, делая вид, что не замечаю его взгляда, хотя мы явно пялились друг на друга. Это глупо, но Джек Айриш почему-то оказывает на меня

безумное влияние.

Позже Санта начинает раздавать подарки, но снаружи с улицы доносится шум потасовки. Оказывается, там происходит драка между выпившими мужчинами, возвращающимися из соседнего паба. Джек и еще один мужчина выходят к ним, и я ловлю себя на мысли, что начинаю нервничать, ожидая его возвращения. Странно, но я гоню от себя мысль, что он может там пострадать.

Он возвращается, и я тут же замечаю, что рукав его пиджака порван. Но я все равно с облегчением выдыхаю. С одной стороны, мне отчаянно хочет подойти к нему, но мои ноги не готовы двигаться в его сторону. И хорошо, что я этого не делаю, потому что замечаю Сьюзан, сотрудницу этого центра, с которой меня познакомили, она направляется к нему и с особым вниманием осматривает его руку и порванную ткань.

Она так близко к нему стоит, что я у меня в глубине груди поднимается совершенно странное для меня чувство — негодования, как будто он принадлежит мне и только мне, а она вмешивается не в свое дело. Я вижу, как она смотрит на него выразительными глазами и что-то говорит, но он встряхивает головой, вытаскивает свою руку и уходит.

С его уходом, время после обеда мне кажется унылым, хотя я присоединяюсь к играм с детьми, мысли о нем все время крутятся у меня в голове.

Перед тем, как приходит время уезжать, Лена договаривается с женщиной за стойкой регистрации, что в ближайший четверг мы дадим уроки. Должна признать, следующие три дня я очень переживаю на этот счет. А что если никто не придет? Что, если я облажаюсь или еще хуже войду в ступор? Я до мяса сгрызла свои ногти, но, оказалось, что зря беспокоилась.

Джек оказался прав, толпа хихикающих девушек просто текла на урок Лены по основам модельного бизнеса, моды и советам по макияжу. Более сорока человек, нам пришлось воспользоваться залом, вместо класса, но Лена даже не беспокоилась по этому поводу, во всяком случае, я не заметила, она выглядела блестяще.

Она начинает с показа некоторых простых упражнений, как стоит ходить по подиуму, затем переходит к лекции, как в школе, заканчивая свой урок. Мне кажется, на самом деле, это было очень круто. Все девочки в этом центре приобретут гораздо больше правил этикета, чем дебютантки девятнадцатого века.

Ее урок интересен даже для меня. Она дает маленькие советы, по которым работают все модели. По-видимому, они не говорят сыр или секс, когда хотят, чтобы их фотографии выглядели «надув губки» и сексуально. Они говорят «чернослив».

— Попробуйте, — просит она, и больше чем сорок маленьких девочек эхом вторят ей, смеясь и оглядываясь на выражение своей соседки.

К моему большому удивлению появляется Лори уже в середине занятия, она останавливается у входа в зал и ни с кем не разговаривает. В какой-то момент я замечаю ее хихикающую над одной из шуток Лены.

Час спустя Лена заканчивает урок, предлагая девочкам принести их косметику в следующий раз. Как только Лена говорит: «Увидимся на следующей неделе», Лори вскакивает и несется на выход, но она все равно ищет мой взгляд и расплывается в застенчивой улыбке.

Я улыбаюсь довольная, что она все же вступила со мной в контакт и обратила на меня внимание.

Большая кучка девочек тут же окружают Лену, поэтому я машу ей рукой и направляюсь в класс по соседству, чтобы начать свой урок вокала. Моя группа намного меньше, семь девочек, но они такие хорошенькие и милые, настолько готовые меня слушать, что я совсем забываю о своем волнении. Играя на пианино, я полностью наслаждаюсь занятием. В конце урока я так горда собой, даже не передать.

Маленькие шажки.

Я собираю свои вещи, надеваю пальто и иду в фойе. Открыв дверь, я наблюдаю, как Лена наклоняется к стойке регистрации, разговаривая с Джеком. Он, очевидно, только что с работы, потому что на нем белая рубашка и черные брюки. Он поворачивает голову, глядя на меня, и мое сердце пускается в безумный пляс, у меня даже нет сил поздороваться с ним.

— Как прошел урок? — интересуется он.

— Все было в порядке, — отвечаю я настолько безразлично, насколько могу.

На мне одет синий джемпер и джинсы, все мои формы скрыты, поэтому я не представляю для него никакого интереса, но его взгляд все равно с интересом проходится по мне. Потом он переходит к моему лицу, и улыбаясь говорит:

— Хорошо. Теперь кто хочет присоединиться ко мне и что-нибудь съесть?

— Не я, — тут же отвечает Лена. — У меня позже будет свидание с мужем, — с улыбкой добавляет она. — Кроме того, я не видела свою дочь целый день, мне нравится урвать пару часов с моим ребенком до того, как она уснет. Почему бы вам, ребята, не поесть вместе?

— Нет, я пойду с тобой, — тут же отвечаю я.

Полностью игнорируя меня, она смотрит на Джека.

— Ты же забросишь мою сестру к нам, когда вы закончите ужинать, не так ли?

— Конечно, — заверяет Джек.

— Это будет здорово. Пожалуйста, позаботьтесь о ней, потому что она очень дорога мне, — отвечает она, улыбаясь ему.

Он переводит глаза в мою сторону.

— Да, я согласен. Она, действительно, очень дорога.

13.

София

На улице влажно. Дует холодный ветер, и я сильнее запахиваю края своего твидового пальто. Мы машем отбывающей моей сестре на автостоянке, Джек поворачивается ко мне.

— Ты сильно хочешь есть?

— Очень.

Он ухмыляется убийственной сексуальной улыбкой, отчего у меня скручивается желудок. Прекрати София. Он не для тебя и это не свидание. Он же предложил поужинать Лене, а не мне, но Лена отказалась.

— Что бы ты хотела съесть? — спрашивает он.

— Может что-нибудь в МакДональдс?

Его лицо вытягивается.

— Ты же понимаешь, что я врач и не могу потворствовать пище, которая напоминает пластмассу?

Я ухмыляюсь.

— Мне все же хотелось ее попробовать.

— Ты никогда не была в МакДональдс? — с недоверием спрашивает он.

— Нет. — Я не собираюсь ему объяснять, что большую часть своей жизни я была заперта в борделе. — Моя сестра и ее муж, как правило, предпочитают ужинать в хороших ресторанах, так что у меня не было возможности попробовать.

Он странно посматривает на меня.

— Что? — тут же, становясь в оборонительную позу, спрашиваю я.

Он отрицательно качает головой.

— Ничего. Но у меня имеется идея получше. Мой друг владеет небольшой забегаловкой, которая делает бургеры. Я отвезу тебя туда, если ты попробуешь и тебе не понравится, мы отправимся в МакДональдс дальше по улице, и ты попробуешь там все эти ужасные блюда, которые захочешь.

— По рукам, — соглашаюсь я с широкой улыбкой.

— Тогда пошли, — сказал он, легко положив руку мне на спину и направляя к убийственному черному Ламборгини.

Я смеюсь.

— Ты уверен, что эта штука не кусается?

Он придерживает для меня переднюю дверь.

— Машина не кусается, — подтрунивает он, косясь на меня.

Я чувствую, как у меня начинаю гореть щеки. Он флиртует со мной. Никто никогда в жизни не флиртовал со мной. Никогда. Я даже не знаю, что нужно делать в такой ситуации. Я проскальзываю в машину, он закрывает дверь и обходит сзади, направляясь к водительскому

месту. Я с любопытством оглядываюсь вокруг — я в машине Джека.

Внутри все из черной кожи. Холодное кожаное сиденье, я чувствую его своими джинсами, холод, как бы покусывает мою кожу. Как только он садится, атмосфера в салоне становится напряженной. Запах его одеколона ударяет мне в нос. Свежесть с оттенком специй, может, гвоздики или шафрана. Я вздыхаю и чувствую, как у меня сжимается грудь. Не могу сказать, чем он так влияет на меня. Но от этого я нервничаю.

Машина ревет, и мои глаза скользят к его рукам, большим и грубым. На костяшках виднеются шрамы. Его руки совсем не похожи на руки пластического хирурга, скорее напоминают руки рабочего.

Я поднимаю взгляд выше по его руке, к его шее, туда, где заканчиваются его прямые черные волосы, словно приглашая женщину зарыться в них пальцами. Прежде чем он ловит мой взгляд, я отворачиваюсь и ничего не замечая смотрю в окно. Я до конца не могу понять, что со мной происходит. Я понимаю, что никогда не смогу иметь такого мужчину, как он, поэтому мне стоит перестать фантазировать. Это полная бессмыслица, в конце концов, я разобью себе сердце.

Оказывается, забегаловка находится в нескольких минутах езды, поэтому мы очень быстро прибываем. Он припарковывает машину на желтой полосе.

— Ты не боишься штрафа?

Он подмигивает.

— Никто здесь по близости не посмеет выписать мне штраф.

— Почему?

— Они все приходят ко мне на прием и понимают, что я могу навсегда изменить их внешность, если они это сделают.

— А ты так можешь?

— Не знаю. Но моя машина очень мне дорога, — поддразнивает он.

Мы идем к маленькой закусочной под названием «Эрл Бургерс».

Еще до того, как Джек открывает дверь грубый голос раздается из открытой кухни:

— Во имя Господа, это же Джек чертовый Айриш. — Секундой позже ухмыляющийся мужчина с очень короткими ярко-рыжими волосами и татуировками, ползущими вверх по шеи, подходит к нам. Он восторженно хлопает Джека по спине. — Привет, чувак.

— Привет, приятель, — отвечает Джек.

Бледно-голубые глаза мужчины скользят по мне.

— А кто эта красавица, Младший?

— София, это Пэдди. Пэдди, это София, — представляет нас Джек.

Он наклоняется вперед и берет меня за руку. Руки у него грубые и горячие.

— И почему она тусуется с такими как ты?

— Она работает волонтером в центре «Правят дети», — объясняет Джек.

Глаза Пэдди становятся нежными при нежных.

— Ой... ты моя дорогая, сладкая.

— Поосторожней, приятель, — предупреждает Джек, и в его голосе слышатся стальные нотки, Пэдди даже резко отпрыгивает.

Он поднимает обе руки и на длинный шаг отходит назад.

— Ах, Джек. Не стоит откручивать мне голову из-за того, что твои холостяцкие дни сочтены.

Я вспыхиваю до корней волос.

— Боже, ты перестанешь или нет? — резко спрашивает Джек.

Пэдди смеется, бьет его от души по спине и проводит нас к столику.

— Не обращай на него внимания, — резко говорит Джек. — Он пропил свое IQ до уровня комнатной температуры.

Пэдди весело смеется, совершенно не реагируя на его оскорбления.

— Он хочет троих детей, — восклицает он, показывая три пальца, и направляясь в сторону кухни. Затем он перепрыгивает через прилавок и приземляется на кухне.

— Ну. Он веселый парень, — мимоходом замечаю я.

Джек хмурится.

— Бог знает, что на него нашло. Обычно он не такой... веселый.

Я улыбаюсь.

— Он мне нравится.

Он сердито зыркает на меня.

— У Пэдди все в порядке, я полагаю.

К нашему столу подходит пышная официантка в плотной розовой футболке и такого же цвета стрейч-джинсах. Она вручает мне меню.

— Привет, Джек? — говорит она, улыбаясь ему ярко-розовой улыбкой.

Его губы дергаются в приветствии.

— Здравствуй, Шеннон.

Я заказываю Большой Мерфи бургер с беконом и сыром, чипсы и колу.

— Как всегда с добавлением салата из шинкованной капусты и сладкий картофель фри, — говорит Джек девушке.

— Отлично, — отвечает Шеннон, и забрав у меня меню, плавно удаляется.

Я не могу оторвать от нее глаз, у нее потрясающая фигура, но когда я перевожу взгляд к Джеку, то вздрагиваю, он внимательно наблюдает за мной. Его взгляд настолько глубокий, что практически у меня перехватывает дыхание.

— Значит, ты пластический хирург, — нервно говорю я.

— Каюсь, виноват.

— Должно быть интересно, чувствовать себя Богом, переделывая лица и тела других людей.

Он пожимает плечами.

— Это всего лишь работа.

— Всего лишь работа? Тебе не нравится?

— Не очень.

— Не очень? Тогда почему ты занимаешься ею?

— Это не так лицемерно.

— Что ты имеешь в виду?

— Это долгая история, София.

Я наклоняюсь вперед.

— Мне нравятся длинные истории.

Официантка возвращается с двумя банками колы и двумя стаканами.

— Ну, первоначально я не хотел высасывать жир из людей, которые слишком ленивы, чтобы встать на беговую дорожку, или вводить жир в лица самонадеянных знаменитостей. Когда я был моложе, я был идеалистом. Я хотел исцелить мир. Я хотел совершить что-то великое, знаешь, многое изменить.

Он останавливается и хмурится.

— Но кое-что произошло в моей жизни, и я захотел уехать из Англии, поэтому я присоединился к «Врачам без границ» и отправился в Африку.

— О, вау, Африка! — восторженно прерываю я его.

Секунду он сидит мрачнее тучи.

— Да, Африка.

— Должно быть, это удивительно.

Он смотрит на меня совершенно пустыми глазами.

— Африка полностью уничтожила меня.

— Почему? — пребывая в шоке, спрашиваю я.

Он делает пару глотков колы прямо из банки.

— Я понял, что изменить мир невозможно. Мало того, что вся чертова система по своей природе полностью паразитарна, она специально создана таким образом, и мое маленькое (вау!) желание не способно изменить ее. Поскольку само мое существование — продукт этой же системы. На самом деле, я был винтиком в хорошо смазанной машине, которая безжалостно эксплуатировала бедных и угнетенных, чтобы сытый монополист, сидя где-то на Западе, смог заработать еще один доллар, который ему фактически не так уж и нужен.

Я с любопытством смотрю на него.

— Что ты имеешь в виду?

Он вздыхает. Я вижу, что эта тема для него не совсем приятна, она как бы угнетает его.

— Как врач, ты становишься невольным инструментом крупных фармацевтических компаний, которые сбывают просроченные вакцины и лекарства по сниженным ценам. Они хотели, чтобы я вкалывал этот яд в африканских детей.

— А ты не мог кому-нибудь пожаловаться? — в ужасе спрашиваю я.

— Политиков покупают, чтобы они закрывали глаза на такие дела, а аналитические центры и правительственные чиновники молчат, продолжая заниматься своими «насушными проблемами».

— Я не могу поверить, что такое возможно. — Господи, о чем я говорю? Стоит только взглянуть на круговорот коррупции, который удерживал меня в рабстве столько времени. Те же самые политики были моими самыми ценными и крупными клиентами.

— Пока я был там, так все и происходило и трудно представить, что сейчас что-то изменилось. Вопрос стоит о слишком больших деньгах.

— Так ты уехал?

— Не сразу. Я все еще думал, что смогу что-то изменить. Я начал просвещать народ. В Африке человеческая жизнь стоит очень дешево, фактически ничего. Несколько пуль. Одна в грудь и пара в живот. Меня сильно подцепило, и я бы умер, если бы Блейк не отправил военных, которые меня нашли и вернули назад в Англию.

— О Боже мой!

— Когда я вернулся, происходило то же самое дерьмо снова и снова. Представители крупных фармацевтических компаний постоянно крутились в моем кабинете, предлагая самые дорогие лекарства. В основном пытались подкупить меня своими откатами, чтобы я как можно чаще выписывал их лекарства. Мне было стыдно, что я давал клятву Гиппократата. Наш девиз стал уже не навреди, как говорил великий врач, а совсем наоборот, как можно дольше лечи больных, наполняя карманы фармацевтических компаний.

Он отклоняется на спинку стула, и я замечаю в его глазах, что шрамы прошлого еще не зарубцевались.

— Я решил, что больше не хочу быть врачом. Самой подходящей работой стало стать пластическим хирургом. По крайней мере, здесь я не притворяюсь, что делаю что-то важное. Я просто щекочу чей-то невроз и одновременно набиваю свои карманы.

14.

Джек

— Бургер выглядит таким огромным, что хватит на пятерых, — говорит она, как только приносят наш заказ. Я наблюдаю, как детская радость расплывается у нее на лице, и вдруг кровь начинает стучать у меня в ушах. *Моя. Она — моя.* Чувство настолько дикое, но я не собираюсь его гнать, наоборот оно укореняется во мне, словно так и должно быть.

— Что? — спрашивает она, ее глаза такие большие и яркие, пухлые губы раскрываются.

Какого хрена? Она, словно ангел, сошедший с небес, специально спустилась, чтобы искушать меня. Я вижу, как появляется ее язычок, и она облизывает нижнюю губу. Воздух покидает мои легкие, я со свистом выдыхаю. Черт. Похоже, у меня чертова уйма проблем.

— Попробуй, — хрипло говорю я.

Она откусывает, она знает, что я за ней наблюдаю. Сок бежит по уголкам ее рта, и она слизывает его языком, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не наклониться вперед и не попробовать ее рот на вкус. Сегодня ночью я, однозначно, буду лежать в холодной постели и мастурбировать, желая получить освобождение. Она невинно смотрит на меня.

— Ну как? — спрашиваю я с натянутой улыбкой. — Стоит нам пойти в МакДональдс?

Она отрицательно качает головой и радостно улыбается.

— Нет, это райское наслаждение.

— Отлично, — отвечаю я, и хотя у меня пропал аппетит, я откусываю свой бургер. — Расскажи мне о себе.

Она быстро глотает и пожимает плечами.

— По существу рассказывать почти нечего, — нерешительно отвечает она. — Я живу с сестрой, ее мужем и их дочкой.

Я киваю.

— Ты работаешь?

Она отрицательно качает головой, отчего свет от ламп колыхается в ее глазах, и они светятся, как разогретый мед с золотой пылью. Красивые. Я пристально смотрю на нее, и она краснеет.

— Как ты проводишь время? — спрашиваю я. Мне нужно перестать вести себя как подросток.

Она берет чипс, несколько раз макает его в кетчуп, потом кладет на край тарелки, поднимает бокал с колой. Но даже не отпивает, тоже отставляет его.

— Я понимаю, что со стороны кажется, будто у меня куча свободного времени, и я целый день скучаю, но на самом деле, это не так. У меня есть сестра и племянница, и еще щенок, и день пролетает незаметно. Я не успеваю оглянуться, как уже пора спать.

Я откусываю еще один кусок и пытаюсь представить ее жизнь, но не могу. Настолько все по-другому, совсем для меня чуждо. Жить в башне замка. И каждый день проводить с сестрой, ее ребенком и щенком.

— Вы, наверное, часто выходите куда-нибудь? — с любопытством спрашиваю я.

Она нервно смеется.

— Нет, редко. Я домоседка, мне не нравится покидать территорию замка. — Она вытирает рот салфеткой и быстро меня спрашивает. — А ты? Ты часто выбираешься из дома?

— Моя квартира — это всего лишь место, куда я прихожу спать. — Я не сообщаю ей, что в большинстве случаев, даже не добираюсь до своей квартиры.

— Оо, — шепчет она. — Мы такие разные. Я не могу себе даже представить возвращаться домой, чтобы только лечь спать. Наверное, я немного замкнута, поскольку предпочитаю проводить много времени в одиночестве.

— Ты не любишь людей?

— Дело не в том, что я не люблю людей. Я испытываю трудности в общении с ними. Они не похожи на животных или детей, не так ли? Часто говорят одно, а поступают совсем по-другому.

— На самом деле, София, людей очень легко понять. Ты должна иметь в виду, что 99,99% времени люди полностью подчинены своим эгоистическим потребностям. Если они ничего не получают от общения с тобой, то они не будут вокруг тебя суетиться.

Она прикусывает губу.

— Получается, что ты заранее знаешь, что те, которые крутятся вокруг тебя, преследуют личную выгоду, и ты не возражаешь против этого?

Я ухмыляюсь.

— Я же тоже общаюсь с ними исключительно для своей личной выгоды.

Она с подозрением поглядывает на меня.

— Тогда, что ты надеешься от меня получить?

Как гром среди ясного неба, мой член тут же упирается в крышку стола.

— От тебя? Я хочу тебя, — отвечаю я сквозь зубы.

Ее щеки тут же начинают пылать.

— Я... Я не могу иметь никаких отношений.

Она настолько напугана, что у меня возникает чувство прикрыть и защитить ее от меня самого.

— Почему?

У нее начинает дрожать подбородок, и ее длинные ресницы опускаются вниз.

— Это долгая история.

— Мне нравятся длинные истории.

Она пытается улыбнуться на мои слова, но у нее получается какая-то гримаса.

— Тебе не понравится мой ответ.

Я чувствую, что она тоже меня хочет, но что-то ее удерживает. Я протягиваю руку, чтобы взять ее в свою, и она дергается от моего простого движения, как будто я собираюсь дотронуться до нее электрошокером. Глядя в глубину ее глаз, я беру ее руку в свою и медленно начинаю поглаживать пальцем. Ее кожа — чистый шелк. Она с трудом сглатывает от моих медленных движений.

— Я... ты будешь разочарован, — наконец, заикаясь произносит она.

— С чего бы мне быть разочарованным?

— Я не та, какой ты меня считаешь.

— А какой ты думаешь, я считаю тебя?

— Ты думаешь, что я нормальная. Это не так.

Я горько улыбаюсь.

— Я такой же.

Она отрицательно качает головой.

— Я использованный товар. — Она делает паузу, в ее глазах отражается такая боль. — Я не совсем... психически уравновешена.

Я крепче сжимаю ее руку.

— С тобой все будет хорошо, ты станешь уравновешенной, София.

Я замечаю, как в ее глазах собираются слезы, которые она старается смахнуть.

— Ты не понимаешь. Я не могу быть с тобой, Джек. Я не могу быть ни с кем. — Она внезапно вскакивает. — Простите, но мне пора.

Я тоже поднимаюсь.

— Давай для начала я оплачу счет и отвезу тебя домой.

— Нет, я возьму такси, — говорит она, нервно оглядываясь вокруг. Я готов поспорить на деньги, что раньше она никогда не брала такси, и в данную минуту она чем-то адски напугана.

— Нет, ты, бл*дь, этого не сделаешь. Я привез тебя сюда и отвезу обратно.

— Хорошо, хорошо, — говорит она, обхватывая себя руками, словно резко замерзла. Лицо у нее бледное и выглядит как маска.

Я бросаю деньги на стол, и мы вместе выходим из ресторана, а Пэдди раздражающий идиот орет нам вслед: «Трое детей. Он хочет троих детей».

Мы молча идем к Ламбо, и я помогаю ей сесть в машину, потом сажусь на свое место. Она поворачивается ко мне.

— Спасибо за ужин.

Я поворачиваюсь к ней. Ее руки сжаты в кулаки, они кажутся такими маленькими на ее коленях.

— Ты почти ничего не ела, но тем не менее мне было с тобой приятно провести время.

Она расстроено смотрит на свои руки.

— Эй, расслабься. Все будет хорошо, — говорю я ей.

— Прости, — слово вырывается из ее рта.

— Ты ничего такого не сделала, за что стоило бы извиняться. Я заполучу тебя по любому.

По ее лицу проходит гримаса, глаза становятся стеклянными, зрачки просто огромными. Она напоминает мне испуганного кролика, желающего рвануть прочь со всех ног.

— Что ты сказал? — выдыхает она.

— То, что я тебе сказал? Я ни какой-нибудь, бл*дь, чертовый слабак. Если при первом моем натиске ты не сдашься, не надейся, что я уйду и спасую перед трудностями. Я добьюсь тебя, София Сигал, — рычу я.

— Мы не можем. Ты не можешь. Я имею в виду, я не могу.

— Я не знаю о тебе всего, но определенно могу и заполучу тебя.

Как только я завожу двигатель и присоединяюсь к движению на автостраде, мы, словно попадаем в напряженную, нескончаемую тишину, вплоть до ее дома. Я поворачиваюсь к ней, она прижимает ладони к своим побледневшим щекам.

— Ты мне очень нравишься, Джек. Разве мы не можем быть просто друзьями?

— Друзьями? — спрашиваю я ее с насмешкой. — Конечно, можем. Мы можем быть друзьями, когда ты окажешься подо мной.

Ее губы начинают дрожать.

— Ты злишься на меня.

Я проглатываю появившееся разочарование, которое своим когтем скребет внутри и стараюсь

ответить совершенно нейтральным голосом:

— Я не злюсь на тебя, поскольку знаю, что ты так же сильно хочешь меня, как и я, но почему-то решила, что мы не должны быть любовниками. Я хочу тебя, София. И я не приму отрицательного ответа.

— Нет, ты не понимаешь.

— Нет, это ты не понимаешь. Ничто не сможет остановить меня. Даже ты сама. И даже твое психическое состояние. Ничто.

Она открывает рот, чтобы высказать свой протест, и я совершенно неожиданно беру ее в объятия и опускаю свои губы на нее. Это второе прикосновение наших губ — чистая магия. Ее запах опьяняет меня. Сводит меня с ума, и моя душа дрожит, нуждаясь в ней. Мой язык пытается проникнуть в ее рот, который она открывает мне навстречу, как какой-то гребаный цветок. Настолько чистый. Между нами нет никаких препятствий. Она такая мягкая и теплая внутри. Я сосу ее язычок, она стонет и тает в моих руках. И звуки, которые она издает, заставляют мой член пульсировать, желая получить большего.

Каждая клетка в моем теле оживает, пока я сосу ее подрагивающий язык. У меня такое чувство, будто я засунул руку в розетку. Настолько интенсивное желание — полный шок для моей нервной системы. Мне кажется, что мое сердце не билось с такой быстротой с тех пор, как я был еще подростком.

Мои руки поднимаются к ее свитеру и... вдруг она отрывается от меня. Прижавшись спиной к двери, она с замешательством и удивлением смотрит на меня. Тяжело дыша, ее глаза горят. Также, как я поцеловал ее в первый раз, но тогда мне пришлось украсть у нее поцелуй, хотя говорят, что краденное всегда слаще. Я такой жесткий, что мне аж больно. Я с трудом делаю вдох, но воздух наполнен ее запахом, который так меня пьянит, что мне хочется уткнуться лицом между ее ног.

— Зачем ты это сделал? — наконец, выдыхает она.

Я провожу пальцами по волосам.

— Потому что мне хотелось.

— Ты думаешь, что хочешь меня, но я не та, за кого ты меня принимаешь.

Я хмурюсь. В какие игры, в кошки-мышки она со мной играет?

— Так какая ты тогда?

— Я не могу тебе рассказать.

— Черт возьми, София. Мы не дети. Я выясню, так или иначе. Просто, бл*дь, скажи мне, — рычу я с отчаянием и разочарованием.

Она скулит, словно связанное животное, от боли. А в следующую секунду, она хватается за дверную ручку и чуть ли не выпадает на тротуар из двери. Я пытаюсь поймать ее, но она выскальзывает в ночь.

Тяжело дыша, я вижу, как она бежит от моей машины, словно за ней гонится сам дьявол. Она

открывает ключом входную дверь и исчезает внутри здания. Мне тяжело дышать, грудь сдавило. Я протягиваю руку и закрываю дверь с ее стороны. Затем ударяю по педали газа, и машина срывается с места.

Она будет моей во что бы то ни стало.

15.

София

По поцелую можно сказать многое, Джек Айриш расколол меня надвое. Его тело подсказывало мне то, что не договаривали его губы. Он желал меня с таким отчаянием, которого я никогда не ощущала у другого мужчины. Я словно из фонтана пила его потребность. И ей не было предела, словно он хотел погрузиться и затеряться во мне. Я поняла, что должна буду держаться от него подальше.

Я улыбаюсь охраннику и быстро иду к лифту. В лифте я делаю парочку глубоких, успокаивающих вдохов и пытаюсь унять дрожь во всем теле. Когда я добираюсь до апартаментов, там стоит тишина. Видно, няня с Ириной до сих пор не вернулись.

— Это ты, София? — кричит Лена из ванной комнаты.

Я прочищаю горло.

— Да, это я.

— Иди сюда и расскажи мне, как все прошло.

Я вхожу в ее ванную комнату и присаживаюсь на угол ванны. Она кладет голову на бордюр, здесь пахнет ароматическими маслами. Сквозь пар она не видит выражения моего лица, как только присматривается, то тут же садится.

— Он поцеловал тебя? — испытывая шок, спрашивает она.

— Да, — шепчу я, дотрагиваясь до припухших губ.

Она внимательно меня рассматривает.

— Ты как?

Ее вопрос смущает меня.

— Вроде в порядке.

Она поднимается, и вода с мылом стекают с ее красивого тела, она выходит из ванны и опускается передо мной на колени.

— Ничего страшного, если ты напугана, — шепчет она.

У меня сжимается горло, я не в состоянии вымолвить ни слова. Поэтому просто киваю, а слезы начинают катиться по щекам.

Она начинает их стирать своей мокрой рукой, еще больше размазывая влагу по лицу. Я хватаю ее за руку.

— Я очень испугалась. — голос у меня звучит низко и хрипло.

— Знаю. Но я здесь, поэтому не позволю, чтобы что-то плохое случилось с тобой.

— Он ничего не знает обо мне. О моем прошлом.

— Конечно, нет, но ты будешь двигаться вперед, шаг за шагом.

— Он хотел со мной закрутить роман, я сказала ему, что не совсем психически нормальна.

Ее голова дергается.

— Зачем ты ему это сказала? Я даже более психически неуравновешенна, чем ты.

— Это неправда, Лена. Иногда мне кажется, что я катаюсь на коньках по самому краю пропасти. Один неверный шаг, и я могу рухнуть вниз.

Она с ужасом смотрит на меня.

— Нет, этого не может быть.

— Это правда. Ты с Гаем делаете для меня все. Не знаю, кем бы я была, если бы мне пришлось жить одной.

— Ну, в конце концов, ты окрепнешь. Шаг за шагом. На самом деле, я хотела бы, чтобы иногда ты оставалась здесь в квартире одна. А я с Гаем могла бы вернуться в замок, а ты пошла бы с Фионой или с другой девушкой из центра выпить или поужинать вечером. Утром ты могла бы пройтись по магазинам, а потом вернуться к нам в дом. — Она улыбается с надеждой. — Тебе это нравится?

Я утвердительно киваю.

— Хорошо. Что сказал Джек, когда ты сообщила ему, что психически неустойчива?

— Он сказал, что ему все равно.

Ее глаза светятся надеждой.

— Мне нравится Джек. Он хороший парень.

— Да, но даже хорошие парни не захотят иметь девушку бывшую проститутку.

Лена хлопает меня рукой по рту, причем так внезапно, что я даже дергаюсь. Она рассерженно поглядывает на меня.

— Чтобы больше я этого не слышала от тебя. То, что случилось с тобой, не твоя вина. Ты была тогда слишком молода, почти ребенок. Не ты выбрала ту жизнь. То, что случилось, могло также случиться и со мной.

Я бубню через ее пальцы.

— Но с тобой этого не случилось. Это случилось со мной. — Голос ломается на последних словах.

Лена обнимает меня.

— О, София, София. Мне жаль. Что я не могу забрать твою боль, — всхлипывает она.

Мы сидим, обнявшись и вдруг мне в голову приходит мысль, что я причиняю ей боль. Ей, которую я люблю больше всего на свете. Я — старшая сестра. Это я должна о ней заботиться. Я поднимаю руку и осторожно глажу ее по волосам.

— Я забыла многое из того, — вру я. — Скоро все забуду.

Моя сестра начинает рыдать.

— Ты всегда была ангелом. Всегда. Из всех нас ты всегда была самой доброй и самой нежной.

— Не плачь, Лена. Все будет хорошо.

Она отодвигается от меня и внимательно смотрит мне в глаза.

— Ты еще так молода. Ты должна ухватиться за жизнь обеими руками. Насладится высокими каблуками и мужчиной.

Я улыбаюсь сквозь слезы.

— Ты должна мне поверить, что твое прошлое не будет иметь никакого значения для мужчины, который тебя полюбит.

Я вспоминаю метку на спине и понимаю, что она как раз будет иметь значение. Валдислав безумно возбуждался, когда смотрел видео, как другие мужчины трахали меня, пока он таранил меня сзади. Он бесконечно смотрел то на экран, то на мою спину, на которой было выжжено его имя. Какой мужчина захочет увидеть метку Валдислава на спине своей девушки, занимаясь с ней сексом?

— Ты слышала, что я сказала? — спрашивает Лена.

— Да, может он слишком быстро форсирует события. — Я честна по отношению к Джеку, и в тот же момент ощущаю полную путаницу в своих мыслях, поэтому закрываю лицо руками. — Хотя дело не только в нем. Я просто теряю голову, когда нахожусь рядом с ним. Думаю, мне нужно больше времени, чтобы понять, чтобы разобраться в своих чувствах.

— Тогда не торопитесь. Не спеши. В конце концов, это не гонка.

Я киваю.

— Ты будешь разбираться в себе столько, сколько захочешь, ясно?

Я снова киваю. Не стоит мне беспокоить ее своими опасениями.

16.

София

Неделя ползет со скоростью улитки. Я все больше влюбляюсь в Мику и наслаждаюсь тем, как она растет прямо у меня на глазах, и я не чувствую себя больше одинокой. Каждая секунда, которую я трачу, наполнена мыслями о Джеке. Я миллион раз в голове прокручиваю его поцелуй. Каждый раз испытывая тягу к большему.

Когда наступает четверг, я в полной катастрофе. Я укладываю волосы во французскую косу и надеваю кремовый свитер. Лена говорит, что он очень мне идет, и я вынуждена с ней согласиться. Я даже наношу тушь и какой-то розовый блеск на губы.

Лена пожимает мне руку.

— Шаг за шагом.

Мы приезжаем к зданию «Правят дети», Лена отправляется на свой урок, вести моду, я не иду за ней. Вместо этого я присоединяюсь к Лане в офисе, которая предлагает выпить чай с морковным пирогом. Мне очень нравится Лана. Она добрая.

Мы вместе едим торт, потягивая чай и скрепляя листовки, которые будут раздаваться в новом филиале «Правят дети» в Манчестере.

— Мне сказала сестра, что ты выросла в этом микрорайоне, — говорю я.

Лана берет два листка бумаги и скрепляет их, улыбаясь.

— Да, но не только я. Джек тоже.

Я приподнимаю брови от удивления, меня разбирает любопытство, хочется узнать больше о прошлом Джека.

— Тоже?

— Да. Мы росли вместе. — В степлере заканчиваются скобы, она открывает ящик и достает коробочку. — Мой отец бросил мою маму, когда я была еще маленькой, и Джек взял на себя его «работу», став для меня защитником, хотя он ненамного старше меня.

Как ей повезло. Сначала она росла вместе с Джеком, который ее защищал, а затем она вышла замуж за миллиардера, который готов поклоняться земле, по которой она ходит. Я должна почувствовать зависть к ней, но понимаю, что не могу, невозможно по-настоящему ей завидовать. Она такая открытая, приветливая и добрая.

— Значит, ты хорошо его знаешь, — мягко говорю я, играя крошкой морковного пирога на тарелке.

Она морщит лоб, раздумывая над моими словами.

— Не знаю, София. Я не уверена, что кто-то вообще знает Джека хорошо. Он очень скрытный. Я знаю его почти всю жизнь, но не думаю, что смогла узнать его настоящего.

— Что ты имеешь в виду?

— Большую часть своего детства я знала его как верного, доброго защитника. Он был моей

опорой, но однажды поздним вечером он показал мне совсем другую свою сторону, которая меня так шокировала.

Я с любопытством наклоняюсь вперед.

— Какую?

— Мы с моей лучшей подругой Билли пошли в ночной клуб, и парни, выглядевшие не очень хорошо, захотели со мной потанцевать. Я не грубила им, но отказалась от их предложения. Они отошли, и я подумала, что все закончилось, но позже, когда мы вышли из клуба, они нас поджидали. Они окружили нас. У одного из них был нож. Джек улыбнулся мне и попросил меня выйти из круга, тогда они окружили его.

Лана от давних воспоминаний даже поежилась, словно они вызвали дрожь во всем теле.

— Это был первый раз, когда Джек меня шокировал. Я не узнавала его. Я словно видела перед собой незнакомца. Я все еще вижу его того. Он сорвал с себя с рыком рубашку, походя на дикое животное, словами: «Давайте. Кто первый?»

— Я была в таком ужасе. Ты не представляешь, насколько это было ужасно. Это было не похоже на фильмы, где плохие парни нападают один за другим, чтобы главный герой показал свое боевое искусство. Они двигались на него всей толпой, но Джек был быстрее молнии. Сначала он ударил того с ножом. Прямо в горло. Прежде чем парень рухнул на землю, он уже ударил следующего в нос. У него брызнула кровь. Все происходило с такой скоростью. Я только помню, как еще двое парней упали, как камни. Последний струсил и сбежал.

— Вау.

— Да, он был совсем другим, — прошептала она.

— Ты сказала, что тогда он впервые тебя удивил. А что он сделал во второй раз?

Ее глаза вдруг застилают печаль, даже лицо ее погрузнело. Она переводит взгляд на свои часы.

— О, дорогая. Уже столько времени! Мне пора бежать. Я записалась к парикмахеру, через тридцать минут должна быть у него. Не возражаешь, если мы продолжим наш разговор в следующий раз?

— Конечно, нет.

Она берет сумку.

— София, не делай больше листовок. Фиона все сделает позднее.

— Нет, все в порядке. Мне нечем заняться, пока не начнется мой урок.

Она улыбается.

— Хорошо. Спасибо, София. Увидимся позже, — говорит она, покидая комнату.

Пока я заканчиваю скреплять остальную часть листовок, я одержимо размышляю, что же может быть второе. Даже когда я иду в свой класс, я по-прежнему обдумываю эту мысль. Я открываю дверь, и все мои мысли, что мне не договорила Лана, исчезают. Лори ждет меня!

Увидев ее встревоженное лицо и непослушные локоны, заставляют мое сердце петь.

— Привет, — говорю я, радостно улыбаясь ей.

— Привет, — застенчиво отвечает она.

— Ты пришла присоединиться к моим урокам пения?

Она кивает.

Я знаю, что выгляжу глупо, но не могу перестать улыбаться.

— Потрясающе. Ты любишь петь?

— Только в своей комнате.

Я смеюсь.

— А я пою в душе.

Она улыбается.

В этот момент приходит один из моих учеников, и лицо Лори сразу же меняется. Она перестает улыбаться и опускает голову. На уроке она ни с кем не разговаривает, и когда мы заканчиваем, она мимолетно мне улыбается и выскользывает из класса.

17.

София

Я выхожу в фойе и вижу Лену, разговаривающую с Джеком, и мой желудок делает сальто-мортале. Я распрямляю плечи и иду к ним.

Сестра улыбается мне, а Джек окидывает меня взглядом с головы до ног. Его взгляд заставляет меня полностью покраснеть.

— Привет, София, — говорит он, его голос бархатный, наполненный желанием, как и в прошлый раз, когда мы были вместе.

— Лори пришла ко мне на урок, — тут же говорю я.

— Вот видишь. Она не сможет держаться от тебя далеко, — отвечает он, поблескивая глазами.

Дети после занятий из разных дверей начинают высыпать в коридор. Они приветствуют нас по именам, я испытываю острое чувство принадлежности к происходящему. Впервые в жизни я чувствую себя вполне нормальным человеком. Я не прячусь в замке и не являюсь одной из шлюх в борделе Валдислава.

Пока они выбегают на улицу, на нас троих опускается неловкий момент тишины.

— Почему бы тебе не присоединиться к нам на ужин? — чтобы прервать молчание предлагает Лена.

Джек опускает взгляд на часы.

— Куда вы собираетесь?

— Ну, мы хотели бы сходить в «Шуге». Муж опаздывает, и он встретится с нами там, примерно через два часа, — отвечает она.

Джек косится на меня, затуманенным взглядом.

— Конечно, — соглашается он.

Мы отправляемся в «Шуге», это самый странный ужин в моей жизни. Все странное. Я не чувствую вкуса еды. Моя сестра безуспешно пытается разговорить Джека. Потом появляется Гай, и на удивление прохладно относится к Джеку. А Джек? Он просто сидит, откинувшись на спинку кресла. Совершенно безучастный ко всему происходящему.

Перед десертом я извиняюсь и направляюсь в дамскую комнату. В зеркале я вижу женщину, которая похожа на загнанную в угол крысу. Я пытаюсь вспомнить слова Лены. «Ты еще так молода. Ты должна ухватиться за жизнь обеими руками. Насладится высокими каблуками и мужчиной». Ветер слегка растрепал мои волосы. Я забираю их обратно в косу и иду назад.

В коридоре навстречу мне движется Джек. Я останавливаюсь и нервно оглядываюсь за спину. Здесь никого нет. Он останавливается передо мной. Я отступаю на шаг, он делает шаг вперед. Я разворачиваюсь и прижимаюсь к стене, чтобы он смог пройти мимо, но он встает передо мной. За шириной его плеч и крепким телом, я не вижу ничего и от этого, чувствую себя такой хрупкой женщиной. Опасная сила исходит от него волнами, но я не чувствую страха.

Наоборот, мне хочется узнать его еще больше.

Мне хочется дотянуться до него.

Единственное, что меня страшит — мое собственное неудержимое желание к нему. Я смотрю на его широкую грудь и прикрываю глаза. Его зрачки такие огромные, что глаза стали почти черными. Картинки нашей последней встречи наполняют мои мысли. Сексуальное напряжение вихрится вокруг, словно густой дым. Множество чувств проносится по всему моему телу, но есть одно, настолько яркое — желание. Я никогда не испытывала подобного желания. Этот мужчина заставляет меня чувствовать то, что раньше у меня никогда не было. Мне казалось, что подобная страсть может существовать только в романах.

Он наклоняется к моему лицу, между нашими губами не остается и дюйма свободного пространства. Я замечаю небольшой белый шрам у него под правой бровью. Его дыхание согревает мне лоб. Мне нужно сказать ему, что он должен притормозить. Не так быстро, но я едва могу разжать губы от того жара, который подымается внутри меня.

— Ты выглядишь сегодня восхитительно, — шепчет он своими адски сексуальными губами, с милой улыбкой.

— Спасибо, — выдыхаю я.

— Ты же знаешь, что сводишь меня с ума?

Моя грудь поднимается и быстро падает. Я облизываю пересохшие губы, а он делает глубокий

вдох и прислоняется к моему лбу.

— Я хочу увидеть твои распухшие губы после целой ночи поцелуев.

Я с трудом перевожу дыхание, трепет возбуждения заставляет кровь побежать в венах.

— Ты не должен...

— Нет, я, бл*дь, должен..., — бормочет он себе под нос.

Я с трудом сглатываю.

— Ты действуешь слишком быстро.

— Я? — рычит он.

От его теплого дыхания все мое тело трепещет. Я так сильно его хочу, что даже чувствую, как покалывает мой язык от желания.

— Да. Мы едва знакомы.

Его глаза мерцают.

— Я знаю все, что мне нужно знать о тебе.

Его слова, как бегущий ток по электросети, затягивают меня, выбивая землю из-под ног.

— София, — окликает меня напряженный мужской голос.

И ощущение, что в мире кроме нас больше никого нет, внезапно пропадает. Я чуть не выскакиваю из кожи, но Джек даже не оборачивается на крик. Он не торопится обернуться.

Выражение лица Гаю суровое, подбородок крепко сжат. Мне не доводилось видеть такое выражение на его лице. С первого дня, когда он меня отыскал, он всегда был нежен и добр со мной. Полностью игнорируя Джека, он обращается ко мне.

— Тебя ждет твоя сестра.

С пылающим лицом я отрываю спину от стены и уверенно направляюсь к Гаю. Он еще раз бросает жесткий взгляд в сторону Джека, прежде чем вернуться со мной к нашему столу.

— Он был...?

— Нет, — тут же отвечаю я, не давая ему закончить вопрос.

— Ты в порядке? — обеспокоено интересуется он.

— Да. — Все мое тело все еще продолжает дрожать от желания. — Со мной все хорошо.

Он кивает, но хмурится и на лбу у него залегают морщины.

Стоит нам вернуться к столу, Лена посматривает на меня с любопытством. Опустившись в кресло, я улыбаюсь ей и качаю головой, показывая, что все хорошо. Она поворачивается к Гаю, который смотрит ей в глаза и осторожно проводит пальцем вниз по ее щеке. Этот жест настолько интимный и полон такой любви, что я чувствую, как у меня сжимается живот от

зависти и тоски.

Через несколько минут возвращается Джек, но не садится к нам. Он благодарит Лену за приглашение и высказывает пожелание, что десерт нам понравится. К сожалению, он должен уйти, так как рано утром у него прием, однако он позаботился о чеке. Я даже не поднимаю на него глаз, хотя чувствую, как его взгляд несколько раз скользит по мне.

— Спокойной ночи, София, — говорит он, намеренно обращаясь.

— Спокойной ночи, Джек, — бормочу я, кидая на него мимолетный взгляд.

Его лицо находится в тени от приглушенного освещения, но его глаза смотрят на меня, как глаза охотника, отслеживающего свою добычу. Я хватаюсь за край стола и поспешно опускаю глаза вниз.

Когда Джек уходит, мы через какое-то время покидаем ресторан, садимся в машину и едем в апартаменты в Кенсингтоне. Ирина уже в спит, ее няня желает нам спокойной ночи, прежде чем исчезает в своей комнате.

Лена хватается меня за руку.

— Хочешь поговорить? — спрашивает она.

— Не о чем говорить, — печально отвечаю я.

— Но ты же нравишься ему, — умоляюще произносит она.

Я отрицательно качаю головой и бегу в свою комнату. Я ни с кем не хочу разговаривать о Джеке. Меня переполняют такие сильные чувства к нему, что я не могу с ними справиться. Если честно, я поражена сама собой. Для меня все это слишком неожиданно и очень быстро.

Ночью я иду в туалет, проходя мимо спальни Гая и Лены, я слышу их тихий разговор. А потом Лены начинает плакать, и я понимаю, что они говорят обо мне. Единственная вещь в мире, которая вызывает слезы на глазах Лены — это я и мое состояние. Моя грудь заполняется чувством вины. Мне следовало с ней поговорить. Я поговорю с ней сейчас, поэтому поднимаю руку, готовая постучать в их дверь, но слышу, как Гай тихо пытается успокоить сестру, и я опускаю руку.

С ней все будет хорошо. Все будет хорошо.

Гай ради нее сделает все. Он всегда так делает.

Но я вдруг осознаю одну мысль. Я приношу душевную боль и слишком много беспокойства людям, которых больше всего люблю. Если уж на чистоту, у меня не может быть с Джеком отношений. Я должна смотреть правде в глаза и найти другой путь жить. Завтра я скажу Лене, что Джек меня не интересуется.

В следующий раз, когда я встречу с Джеком, я извинюсь за то, что произвела на него неправильное впечатление, но дам понять, что я недоступна. Единственные отношения с ним, которые у нас могут быть, дружба. Он не будет настолько уж сильно по мне тосковать. Вокруг него куча других женщин, желающих его заполучить. В ту же секунду нежелательный образ Фионы, хватающий Джека за руку, появляется у меня перед глазами.

Я решительно выталкиваю его из своих мыслей и продолжаю свой путь в туалет.

18.

Джек

Я наврал. У меня ни черта не было никакого утреннего приема. Мои дни как пластического хирурга вторники и четверги. Таким образом, когда мне необходимы твердые руки и ясная голова, всего два дня в неделю, в отличии от моих дней попок. Завтра я могу появиться на работе только к полдню.

Я выхожу из ресторана с членом, выпирающим из моих брюк. Я никогда не хотел так ни одну женщину, как хочу ее. С Ланой мои чувства больше напоминали инстинкт защиты и сохранения. Сейчас мне даже кажется, что на протяжении многих лет, у меня к ней были исключительно братские чувства. На самом деле, пока мы оба не повзрослели, мне даже не приходило в голову рассматривать ее в сексуальном плане. Даже тогда я испытывал к ней нежность и какую-то романтику. Я мечтал поцеловать ее под дождем. Я считал себя ее рыцарем в сияющих доспехах.

С Софией все по-другому, мне хочется сорвать с нее эту слишком «правильную» одежду и поиметь ее прямо в коридоре ресторана. Я не знаю, что с ней происходит, но это безумно меня злит. Она говорит мне, что я совсем ее не интересую, но я чувствую, что она хочет того же. Она чувствует то же самое, что и я. Я понятия не имею, откуда у меня взялось это безумное желание, но черт побери, оно сильнее меня.

Я останавливаю такси и называю адрес паба, усаживаюсь на сиденье, пытаюсь приспособиться к своей эрекции. Откидываюсь на спинку и думаю о Гае. Бл*дь, я с трудом сдержался, чтобы не двинуть ему. Кто он такой, бл*дь? Помпезная задница. Ему следует больше заботиться о сестре, на которой он женат. В следующий раз, когда он станет мне мешать, я не буду с ним таким вежливым. Вообще-то, я отверну ему голову, чтобы он не совал нос куда не следует.

Завсегдатаи уже валяют дурака в баре.

— Привет, Томми, — говорю я, опускаясь на единственный свободный стул за столом.

— А, это ты известный маленький ублюдок? — бормочет он нараспев, проглатывая окончания.

Мы не переставая пьем в течение следующих двух часов, но впервые я не напиваюсь. У меня из головы не выходят мысли о Софии. Особенно ее взгляд, когда она смотрела на меня со слезами на глазах. Он словно проник глубоко мне в душу, затронув сердца. Я даже не могу описать, как она выглядела в тот момент. Я не хочу находиться здесь, в этом пабе. Я хочу прикоснуться к ней, поцеловать ее, доставить ей удовольствие. Оказаться внутри нее.

Владеть ею.

Заставить ее жаждать меня.

Раздается звон колокольчика, извещающий последний заказ. Сейчас ребята покупают по три раунда для каждого, чтобы мы могли продолжать пить после того, как выпивка перестанет подаваться, я поднимаюсь из-за стола. Черт, я не могу встать на ноги, значит я выпил больше,

чем предполагал.

— Куда ты идешь? — пьяно кричит мне Янни.

Я поднимаю руку в прощальном жесте и направляюсь на выход. На заплетающихся ногах и покачиваясь, я открываю дверь. Делая первый вдох легкого морозного воздуха, я замечаю человека, выходящего из тени и направляющегося ко мне. Я пару раз мигаю, чтобы сфокусироваться на нем. Либо я слишком пьян, что у меня начались галлюцинации, либо это реальный Гай, который стоит передо мной.

— Откуда ты знаешь, где меня найти? — невнятно спрашиваю я.

— Все знают, где тебя найти во вторник, пятницу, субботу и воскресенье, Айриш, — с отвращением отвечает он.

Ух ты! Во мне подымается белая ярость. От кожи исходит жар. Он явно выбрал не того парня и не ту ночь.

— Я здесь не для того, чтобы драться с тобой, — тут же говорит он.

— Ну, тогда ты начал не с тех слов.

— Ты нравишься моей жене, Айриш, поэтому я готов поверить, что где-то внутри тупого пьяницы, ты возможно хороший парень, но я хочу тебя предупредить. Я не позволю тебе причинить боль Софии.

Весь мой гнев тут же испаряется от его слов. Я тупо моргаю, глядя на него. Он предполагает, что я могу навредить Софии. Какого хрена?

— Я не собираюсь причинять ей боль, — говорю я, слова выходят смазанными, даже я до конца не понимаю, что сказал.

Он трясет головой, словно я протестую и тычет пальцем мне в грудь. Я с трудом себя сдерживаю от безумного порыва, чтобы не схватить его за руку и не сломать его чертовый палец. Все же он муж сестры Софии.

— Посмотри на себя, — ухмыляется он. — Ты едва держишься на ногах. У тебя есть все — талант, внешность, деньги, мозги, слава, а ты так и будешь прожигать свою жизнь в пабах, не так ли?

Я ударяю его по руке.

— Кто ты такой, бл*дь? Бог? Это — моя жизнь. Если я хочу так ее проводить, тебе то что?

— Я скажу тебе, кто я такой. Я защитник Софии. Ясно? Отец Софии, брат и дядя в одном лице. Если хоть один волосок упадет с ее головы, или одна слезинка из ее глаз, клянусь, я уничтожу тебя. Ты понятия не имеешь, с кем имеешь дело.

Я начинаю смеяться.

— Да?

Его подбородок напрягается, и я замечаю, как его руки сжимаются в кулаки.

— Не играй с ней, Айриш. Она не похожа на других женщин. Она прошла через ад и вернулась, и если ты планируешь водить ее за нос, тебе лучше подумать еще раз, потому что провалится мне на этом месте, я не буду стоять и спокойно наблюдать, как пьяница, такой как ты, будет поганить такую прекрасную душу, как она.

— Я переживаю за нее, — кричу я.

Он смотрит мне в глаза.

— Тебе плевать на всех. Ты переживаешь? Ты даже не способен позаботиться о себе. Ты ходячее несчастье. Однажды какой-нибудь парень воткнет нож тебе в грудь, и наступит конец Джека Айриша. И мне будет жаль всех, кто тебя любил.

Он крупный парень, но я уличный боец, и разозленный, я смогу его уложить. Это будет сладкая победа, но я не хочу. Он говорит и делает то, что я должен сделать для Софии. Ей нужны люди, которые могут заботиться о ней. У меня появляется скупое уважение к нему за его слова.

Я падаю на стену позади себя.

— Хорошо. Я буду держаться подальше от нее.

— Я так и думал, — с горечью бормочет он и отворачивается.

Я хочу окликнуть его, хочу сказать, что мне совсем не безразлична Софи, но он прав. Даже полностью пьяный, я понимаю, что он прав. Я не могу ей никак помочь.

Такой мужчина, как я, даже не имеет права смотреть на такую женщину, как она. Такой, как она, нужен хороший, ответственный мужчина. Человек, способный любить. Не тот, у кого нет никакой надежды. Не ходячий мертвец.

Я смотрю в окно в пабе. На всех своих друзей, пьяных мужиков. Они смеются и о чем-то громко разговаривают. Но я впервые замечаю, насколько они несчастны. Каждый из них — потерянная душа. Конечно, у них нет моих миллионов, но я так же потерян, как и они.

Боже, как я оказался в этом месте?

Я встаю, пошатываясь и спотыкаясь иду в темноту.

19.

София

Как только я принимаю решение, что наши отношения с Джеком могут быть только дружескими, я немного успокаиваюсь. Не совсем то, что я хотела, но хоть какие-то отношения с ним. Что-то внутри меня отступает, и я начинаю думать о нем, как о недостижимом мужчине. Как князя в баснях, о которых нам читала мама.

Все свои дни я провожу с Микой и Ириной, а ранним утром на рассвете совершаю долгие прогулки. Пару раз хожу босиком по снегу, но это было так давно с мастером Йоши, я уже не могу так переносить холод, как тогда, поэтому вынуждена отказаться от этой практики. Должно быть тогда я была совсем другой.

Пока я выхаживаю по лесу или по полям, оставляя следы на первозданном снегу, я чувствую тяжесть на сердце от одной только мысли, что должна отказаться от Джека. Иногда я смотрю на небо, думая, как я изменилась и ощущаю благодарность за все, что у меня есть. Есть мудрые слова, который мне отставил мастер Йоши и попросил повторять их самой себе, когда с чем-то мне слишком тяжело справиться.

Это тоже пройдет.

Каждый раз, как только мои мысли возвращаются к Джеку, я повторяю эти три слова, как мантру, и это помогает в определенной степени.

Наконец, наступает четверг, словно прошла уже целая вечность. Одна только мысль, что я увижу его снова, заставляет мой желудок совершить кульбит, я пытаюсь подготовить себя к нашей встрече, рассматривая всевозможные сценарии, что я ему скажу в разной обстановке.

Мы выходим из дома, Лена берет мои руки в свои и обнадеживающе мне улыбается, ее глаза настолько яркие и наполнены любовью, что мое сердце перестает так бояться и трепыхаться, мне становится немного легче.

Что бы ни случилось, у меня всегда есть Лена.

Джек

Фактически меня это убивает, что я не появлюсь в центре в четверг. Но меня беспокоит другое, поэтому я отменяю все назначения и успеваю на последний рейс из Англии. Десять часов спустя я приземляюсь в солнечном Нассау. Одежда начинает прилипать к телу, как только я выхожу на улицу из здания аэропорта, быстро добираясь до такси с кондиционером.

— Куда? — спрашивает водитель.

— Пусть это будет для меня сюрпризом! — отвечаю я.

Он смеется и нажимает ногой на газ. Такси выезжает с обочины. Мне нравятся островитяне. Скажи так англичанину таксисту, и он посмотрит на тебя, как на сумасшедшего. Мы едем мимо старых колониальных георгианского стиля зданий, покрашенных в пастельные тона, переезжаем два моста и останавливаемся перед причалом. Водитель поворачивается ко мне широко улыбаясь, у него такие белые зубы, гораздо белее, чем на рекламе зубной пасты.

— На лодке до уединенного местечка Ашрама Шивананда Йога.

— Что...? — начинаю я.

— У тебя нет с собой багажа, — объясняет он.

Я понимаю, что это прекрасно. Это именно то, что мне нужно. Я добавляю огромные чаевые к тарифу счетчика и выхожу из такси. Мгновенно я чувствую запах соли в морском бризе и понимаю, что принял правильное решение.

Когда я приезжаю на курорт, меня встречает счастливый, услужливый персонал. Сейчас не сезон, поэтому здесь очень тихо, я заселяюсь в шале на берегу океана с прекрасным видом на пляж. Тихая энергия этого места распространяется и на мое жилище. Внутри чисто, кровать

удобная, кондиционер.

Я иду купаться в лазурный океан. Плавая в спокойной воде, я обращаю внимание на группу медитирующих людей, и других, которые делают ужасно сложные позы йоги. Наблюдая за их безмятежными лицами, я понимаю, что именно здесь я смогу вывести яд из своей души, исцелить себя, а потом вернуться, чтобы претендовать на мою женщину.

После удивительно хорошей вегетарианской трапезы из киноа и жареных овощей, запитых чаем (по крайней мере, они называют чашку с теплой водой, с ломтиком апельсина и парой гвоздик, брошенных в воду, чаем) я ложусь на прохладный песок. Слушая бесперебойный звук волн, накатывающих на пляж, я прихожу к поразительному выводу. Мне не нужно исцеление. Мне не нужно ничего, бл*дь. У меня уже все есть.

Мне нужна только София.

Я беру лодку, отправляюсь назад на материк, и напрямик иду в бар. Здесь царит живая атмосфера. Народу много, есть туристы в разноцветной пестрой одежде и шумный веселый обслуживающий персонал. Я заказываю пиво, и передо мной появляется бутылка, с которой скатываются капельки конденсата. Несмотря на количество фанатов в баре, здесь по-прежнему жарко. Я смотрю на бутылку и представляю, как обхвачу рукой холодное стекло, как сделаю глоток холодной жидкости, чтобы промочить горло после ужасного «чая». И тут я понимаю, что мне этого не нужно, я не хочу.

— Это пиво, а не змея, — рядом со мной произносит женский голос с сильным акцентом.

Я поворачиваюсь к ней. Молодая, даже слишком молодая. В беспорядке белокурые кудряшки. Загорелая, приветливые голубые глаза, белые шорты... и длинные спортивные ноги. Она, наверное, приняла меня за австралийского туриста, готового за небольшую сумму устроить ночь со бесплатной выпивкой и весельем. Она представляет из себя тот тип девушек, за которой в обычном состоянии я бы пошел.

— Я не уверен. Спасибо за совет, — говорю я и начинаю выбираться из бара.

— Если ты не будешь пиво, могу я его взять? — кричит она мне в спину, пытаюсь перекрыть шум толпы.

— Не отказывай себе, милая, — отвечаю я, не оборачиваясь.

Я знаю, чего хочу и поэтому возвращаюсь домой в Англию.

20.

София

<https://www.youtube.com/watch?v=ZNr2XyEawig>

(Не разбивай мне сердце)

Невозможно описать мое разочарование, когда я закончив свой урок, открываю дверь в коридор и вижу Лену, разговаривающую с Фионой. Она поворачивается ко мне и тут же видит мое разочарование. Я знаю, что всю неделю уговаривала себя, что не хочу иметь с ним никаких отношений, но все бестолку, похоже я все же разобью себе сердце. Но когда он не

появляется, мое сердце итак уже разбито.

Оставшуюся часть недели я занимаюсь обычными делами — гуляю, общаюсь, ем, но все мое существо ждет четверга. Я жду момента, когда у меня закончатся уроки, и я выйду в коридор и увижу Джека, пришедшего после работы, и приглашающего меня присоединиться к нему перекусить в ресторанчике его друга.

Наступает четверг. Я надеваю черный верх, синие джинсы, черные сапоги и пальто оверсайз. Сейчас это модно. Лена спокойно носит такое же, не знаю получится ли у меня также.

Но Лори в этот раз не пришла ко мне на урок, и для меня это плохое предзнаменование. Мой урок заканчивается, ученики расходятся, я надеваю пальто, собираю вещи и иду в сторону двери.

Впервые мне кажется путь в сторону двери бесконечным.

Я берусь за ручку, и мое сердце словно камень сжимается в груди. Я пытаюсь себя успокоить, говоря, что совсем не важно придет он или нет. Это не конец света. Возможно, для меня это будет своего рода благословением. Потому что наши отношения неправильные с самого начала. Поднимаю руку и толкаю дверь. Она медленно открывается, и я выхожу в коридор.

О. Мой. Бог.

Он здесь. Разговаривает с Леной. Смеется над ее словами. Как только я открываю дверь, он поднимает голову и смотрит прямо мне в глаза. И улыбается. Он как-то изменился. У меня подгибаются колени. Его глаза оглядывают меня с ног до головы. Я так счастлива, что сердце готово выскочить из груди.

Его взгляд ни на минуту не оставляет меня, пока я иду к ним.

— Привет, — тихо говорит он.

Я даже не могу произнести и слова, только улыбаюсь глупой, счастливой, сумасшедшей улыбкой.

— Ты голодна? — спрашивает он.

Я киваю, все еще слишком ошеломлена, чтобы открыть рот.

Вдруг моя сестра начинает шептать мне на ухо:

— Я с Гаем возвращаюсь в замок, а завтра к ланчу приедет за тобой Роберт и заберет тебя из апартаментов, хорошо?

Пару секунд я даже не понимаю, о чем она говорит, поэтому с удивлением просто пялюсь на нее. А потом до меня, наконец-то доходит. Это будет моя первая ночь, которую я проведу самостоятельно. Как любая другая женщина на свидании с мужчиной. Она хочет, чтобы у меня был выбор. Я могу попрощаться с ним у двери или пригласить его на чашку кофе.

Сестра удерживает мой взгляд, в ее глазах присутствует решительность. Боже, я так люблю ее, что мне хочется заплакать, вспомнив, что я доставляю ей столько беспокойства. Я улыбаюсь ей. Стараясь, чтобы моя улыбка казалась уверенной и беззаботной. «Со мной все будет хорошо», — как бы заявляет моя улыбка. Она медленно улыбается мне в ответ.

«Я люблю тебя», — произносит она одними губами мне по-русски.

Я отвечаю ей тем же.

Потом она обращается к Джеку:

— Ну, мне пора. Ты же позаботишься о моей Софии, не так ли? — с дрожью в голосе спрашивает она.

— Готово поклясться всей своей жизнью, — отвечает Джек.

Она кивает. И под действием сильных эмоций, разворачивается и направляется на выход. Я смотрю, как за ней закрывается входная дверь.

— Ей не стоит беспокоиться. Я никогда не причиню тебе вреда, — тихо говорит Джек.

Я перевожу глаза на него. Он смотрит на меня серьезно и напряженно. Он понятия не имеет, как я надеюсь молясь, чтобы это оказалось правдой.

— Ну же, — говорит он, осторожно положив руку мне на спину и направляя меня в сторону двери. Когда мы выходим на улицу, когда машина разворачивается, я вижу Лену, сидящую на заднем сиденье, задумчиво смотрящую прямо перед собой.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, направляясь к машине Джека.

— Увидишь, — загадочно отвечает он.

Он привозит нас на ту же улицу, что и первый раз, и мы идем вдоль домов по тротуару. Он не берет меня за руку, но для всех очевидно, что мы вместе, я обращаю внимание на женщин, которые проходят мимо нас. Они оценивающе разглядывают его, а потом переводят взгляд на меня. Через какое-то время я начинаю светиться гордостью от радости. Я до конца не верю, что такой красавчик Джек, может захотеть со мной куда-то пойти.

Мы проходим мимо ресторанчика с гамбургерами его друга. Я бросаю взгляд в окно и вижу, что там никого нет. Официантка сидит на столе и смеется, пока Падди что-то оживленно рассказывает ей, жестикулируя всеми своими длинными конечностями. Мы идем дальше, пока Джек не останавливается перед «МакДональдс».

Я смеюсь.

— Что правда?

— Да. Я готов отравиться вместе с тобой, — говорит он и толкает от себя дверь.

Здесь не многолюдно, только две молодые девушки-матери с колясками сидят за одним столиком и еще один стол занят школьниками.

Они машут Джеку, он улыбается и кивает им. Мы подходим к стойке и встаем в конец самой короткой очереди. Перед нами один человек. Я краем глаза кошусь на него, он рассматривает меню и у него сейчас взгляд «я-не-верю-что-делаю-это». На самом деле, он выглядит очень сексуально, и я невольно хихикаю. Человек за кассой перечисляет заказ перед тем, как клиент оплачивает, я тыкаю Джека в живот. Словно я тыкнула в поленницу дров!

— Последний шанс отступить, — поддразниваю я его.

Он улыбается мне.

— Не волнуйся по поводу меня. По крайней мере, я умру счастливым.

Как идиотка я тут же сильно краснею, оттенок красно расплзается по щекам и шеи.

Его глаза мерцают от удовольствия.

— Что я могу вам предложить? — спрашивает кассир.

Как ни странно, я делаю два шага, встав у прилавка.

Кассир смотрит на нас скучающим взглядом.

— Что я могу вам предложить сегодня?

— Чизбургер, чикен Макнаггетс, большую фри, Макфлури с печеньем и клубничный молочный коктейль.

— А вы, сэр?

— Биг Тейсти, средний картофель фри, салат и колу, — говорит он.

Наш заказ укладывают на два лотка, и мы направляемся к столику в углу.

Я тут же с радостью рассматриваю все в пакетах. Теперь, когда кто-нибудь заведет речь о «МакДональдсе» я буду в курсе, что они имеют в виду.

21.

Джек

Я наблюдаю, как она, словно маленький ребенок, осматривает все пакеты перед собой, и мне хочется выследить и убить тех, кто причинял ей столько боли. Как кто-то мог решить причинить столько боли и так покалечить невинную и уязвимую душу? Я понимаю, почему ее сестра и Гай с такой одержимостью охраняют и защищают ее.

Ее изящные ручки сначала достают маленькие коробочки с соусами. Она заказала три разных. Она открывает их и ставит в ряд на стол. Затем открывает коробку с куриными наггетсами.

— Бон аппетит, — ласково говорю я с любопытством поглядывая, каким образом все, что она заказала поместиться в ней, в ее настолько хрупком теле.

— И тебе, — отвечает она. Улыбаясь она берет первый наггетс, макает его в соус и аккуратно откусывает, и в эту секунду мой член становится каменным. Для меня это что-то новенькое. Я никогда не реагировал таким образом ни на кого раньше. Черт. Елозя на своем стуле, я наблюдаю, как она снимает упаковку с бургера.

— Ты не собираешься есть? — спрашивает она.

Я откусываю свой гамбургер. Для пластмассовой еды он на вкус неплох.

Она обмакивает картошку в кетчуп и быстро кладет ее в рот. Затем она вытаскивает соломинку

из упаковки и втыкает в стакан с молочным коктейлем. Она сосет через соломинку. Потом еще раз. Я смотрю, как ее полные губы оставляют соломинку, облизав их языком. Она напоминает мне женщину, у которой имеется определенная миссия, она открывает мороженое и погружает в него пластиковую ложку. Облизывает ложку. Черт, эта еда просто адски на меня влияет. Я нахожусь в отчаяние, мне необходимо отправиться в туалет, чтобы получить освобождение.

Она довольно вздыхает.

— Я закончила, — вдруг говорит она.

Я приподнимаю брови.

— Что? Ты только все попробовала.

— Ну, после того, как ты сказал про пластмассовую еду в «МакДональдсе», я порылась в интернете, ты оказался абсолютно прав.

Я отклоняюсь на спинку стула, посмеиваясь.

— Видишь этот чизбургер. Ты никогда не поверишь насколько длинный список химических веществ находится в нем. На самом деле, она покрашена фунгицидом. Мало того, что я ем консерванты, декстрозу, фосфат натрия, но также разнообразные ингредиенты, которые используются для производства огнестойких ковриков для йоги, спичек и взрывчатых веществах.

Она никогда не перестанет меня удивлять.

— Так зачем ты сюда пришла?

Она пожимает плечами.

— Я хотела попробовать, что я пропустила, теперь знаю.

— Тебе понравилось?

— Ну, не могу сказать, что я ненавижу эту еду, но предпочла бы бургер от твоего друга. — Она прикасается к моей руке, меня обдаёт жаром.

— Спасибо, что привел меня сюда. Я очень это ценю. Теперь мы могли бы пойти в другое место, пожалуйста?

Я смеюсь. Встав, я притягиваю ее к себе и обхватываю за бедра, близко прижав к своему телу. Она вздыхает и смотрит мне в глаза. Она такая маленькая и хрупкая. Я чувствую, как ее крошечные кости прижимаются к моему телу. Но она чертовски совершенна. Я хочу отвезти ее к себе, накрыть ее своим телом и трахнуть, пока моя сперма не будет вытекать из ее оттраханной киски.

— Черт побери, Джек, найди комнату, — кричит мне один из школьников.

Не волнуйся, малыш, я не собираюсь устраивать здесь игры. Я собираюсь сделать это немного по-другому. Я провожу дорожку пальцем по ее щеке.

— Пойдем, поедим нормальную еду.

В итоге мы оказываемся в итальянском ресторанчике. Он выглядит старомодно в своих красновато-коричневых тонах с желтыми стенами, бутылками «Фраскати» и окорачами, подвешенными на стропилах. Я знаю самого владельца. Сальваторе веселый и круглый, как колобок. Иногда он берет свою гитару и поет старинные итальянские песни. Он не очень хороший певец, но его клиенты не возражают. Есть что-то милое в его пении. Пока он поет кажется, будто время повернуло вспять, и мы находимся в trattoria в Италии.

Мы сидим, потягивая лучшее вино Gavi de Gavi от Сальваторе, пока ожидаем нашего спагетти вонголе. Сегодня особенное блюдо.

— Так ты выросла в России?

Почти тут же я чувствую, как она вся внутренне сжимается.

— Да, мы выросли в России, — отвечает она.

Я меняю тему, делая себе пометку держаться подальше от ее прошлого, хотя бы какое-то время. Я спрашиваю какую музыку она предпочитает. О, ей нравится классика. Она спрашивает, а что нравится мне. Я говорю, что люблю техно. Она любит шоколадное мороженое. Я нет. Ей не нравится приправа карри, а я не могу жить без нее. Ей нравится River Dance, а мне кажется, что они похожи на дергающихся кукол. Она любит горы. Мне нравятся пляжи. Я люблю смотреть бокс, она не может смотреть ни единый вид спорта, где есть насилие.

Наше спагетти с моллюсками прибывает. Мы окунаем вилки. Я спрашиваю ее, с кем бы она больше всего хотела поужинать, если бы представилась такая возможность.

— Умершим или живым? — интересуется она.

— Не важно.

Она называет принцессу Диану.

— Почему?

— Я хотела бы спросить ее, что, на самом деле, произошло той ночью.

— Ты не веришь в официальную историю?

Она опускает голос до шепота:

— Нет.

Я скрываю улыбку. Моя девушка — сторонник теории заговора.

Она спрашивает меня о том же. Мне не нужно думать.

— С тобой, — говорю я, и именно это и имею в виду. Я бы хотел поужинать с ней и узнать, что она скрывает. Почему она думает, что ее никто не может полюбить.

— Со мной? — спрашивает она.

— Да, с тобой.

Мы смотрим друг на друга. Ее глаза светятся золотом, и в них прячется огромная боль. Потом приходит официант, снова наполняет наши бокалы и уходит.

Я спрашиваю ее о любимом цвете.

— Синий, — говорит она, улыбаясь, отчего ее глаза начинают светиться по-другому. — А у тебя?

Я улыбаюсь.

— Синий.

— О Боже мой! Не могу поверить. Наконец-то мы совпали хоть в чем-то.

Сальваторе начинает петь, а в ее глазах появляются слезы. Потом нам приносят десерт. Кремовый тирамису. Я наблюдаю, как она ест и чувствую, как у меня сжимается живот. Это моя девочка. Я не остановлюсь, пока окончательно не сделаю ее своей. На всю жизнь. Мы заказываем кофе. Сальваторе приносит рюмки с пламенеющей «Самбукой». Мы дуем на пламя и выпиваем. Она смеется. Ее щеки окрасились в цвет, глаза сияют.

— Еще кофе? — спрашиваю я, с трудом сдерживая свои руки, чтобы не заключить ее в свои объятия.

Она счастливо кивает.

Когда мы встаем, чтобы уйти, она прислоняется ко мне. Я обхватываю ее за тонкую талию и крепко прижимаю. Она смотрит мне в глаза.

— Спасибо. Это был лучший вечер в моей жизни, — шепчет она.

22.

София

<https://www.youtube.com/watch?v=Z7oPHkqzPqA>

Я почти уже готова пригласить Джека подняться со мной наверх. Ну, это будет откровенная ложь, если скажу, что во время нашего свидания не хочу его, мое тело просто жаждет его прикосновений.

Он обнимает меня перед лифтом и с жадностью целует, словно затягивая в зыбучие пески. Мне требуется вся моя сила воли, чтобы оторваться от его губ и нажать кнопку своего этажа.

Двери лифта закрываются перед ним, моя кожа, тело, кости, кровь все призывают к нему. Но другая моя часть... замороженная... та часть, которая имеет расшатанную психику, но никогда не пьянеет или дуреет от сексуального желания, говорит мне — «Не порть лучшую ночь в своей жизни».

Пусть эта магия разрушится в другой день.

Пусть этот вечер останется для тебя особенным.

Я приезжаю на лифте и вставляю свой ключ в дверь. Здесь несколько странно и пусто без Лены, Гая и Ирины, но я не против побыть одна. Я парю, словно на прекрасном облаке. Я танцую по комнате, включаю свет и музыку, пятую симфонию Бетховена. Напевая и делая вид, будто сама играю на скрипке под льющуюся музыку, потом двигаюсь в сторону ванной комнаты. Готовлюсь ко сну, переодевшись в длинную хлопчатобумажную ночную рубашку и ложусь спать, продолжая мечтать.

Я влюбилась?

Совсем недавно такое было невозможно. Я пялюсь в потолок, полностью запутавшись в своих чувствах. Об этом я читала в книгах, такое всегда происходило с другими людьми. Я же знала только боль. И все же, наверное, я влюбилась. Иначе, какое чувство еще может быть таким совершенным, таким замечательным, таким удивительным? Я засыпаю в своих грезах.

Из глубокого сна меня вырывает звонок в домофон. Я замираю от страха, тут же перевожу взгляд на будильник. Уже почти двенадцать часов. Я закрываю глаза. *Не паникуй*. Никто, кроме Джека и моей семьи, не знает, что я здесь. Очевидно, кто-то ошибся или может пьяный перепутал номер квартиры. Он сейчас уйдет. Бояться нечего.

В домофон снова звонят. На этот раз настойчивее.

Я нервно прикусываю губы. А что, если это женщина, потерявшая ключи и ее необходимо выпустить, чтобы она не мерзла на улице? Несколько секунд я еще раздумываю, звонок опять звонит.

На этот раз я встаю с кровати и быстро иду в коридор. Если это женщина, я ее впущу. Если мужчина, я сделаю вид, что здесь никого нет. Не включая свет в коридоре, я иду к домофону и включаю видео. На секунду мне кажется, что у мен начались галлюцинации. Я все сжалась, но не от страха, а от восхитительного волнения. Внизу стоит Джек. Я нажимаю кнопку ответа.

— Что ты здесь делаешь, Джек? — спрашиваю я, и мой голос как-то странно звучит с придыханием.

— Впусти меня, — требует он, слегка покачиваясь.

— Ты пьян?

— А как ты думаешь? — вопросом на вопрос отвечает он.

— Думаю, что да, — осторожно говорю я.

Волосы спадают ему на лоб, и он дергает головой, пытаясь их поправить и хлопает в ладоши.

— Bravo. Открой мне, и я передам тебе твой приз, — бубнит он.

Он даже пьяный выглядит потрясающе. Я так сильно хочу, чтобы он дотронулся до меня, но как я могу? У меня достаточно причин, почему мне не следует его впускать. И не последнее место в этом списке занимает моя изуродованная кожа. Мои ужасные уродливые шрамы. Если он только увидит мою спину, он не сможет скрыть отвращения. И это будет конец.

— Мне кажется, тебе стоит пойти домой, Джек, — шепчу я.

— Я не хочу домой, София. Впусти меня. Пожалуйста.

Что-то внутри меня с болью сжимается.

— Я не могу, — чуть ли не плача отвечаю я.

— Мы ничего не будем делать. Я всего лишь хочу поговорить.

Я с трудом выдыхаю, кажется даже с хрипом.

— Поговорить?

— Да. Ты сможешь сделать мне кофе, чтобы я протрезвел, прежде чем поеду домой.

Я глубоко вдыхаю. Я бы не оставила собаку на улице в такую погоду, не говоря уже о Джеке.

— Обещаешь?

— Слово скаута.

Я нажимаю на зуммер и вижу, как он открывает входную дверь. Я включаю свет в коридоре и быстро бегу к зеркалу. Я заплела волосы в косу сбоку, прежде чем отправится спать. Она немного растрепалась. Локоны обрамляют мое лицо. Я быстро заправлю их за уши. Тру глаза, чтобы я не казалась такой сонной, и запахиваю пеньюар. Я не хочу поощрять его к тому, к чему не готова.

Я подпрыгиваю на месте, когда слышу стук в дверь. Вау, он быстро добрался сюда.

Слишком быстро, видно не на лифте. Должно быть, он бежал по лестнице. Я поворачиваю ручку и отступаю на шаг назад.

О боже! Джек на улице на экране домофона — это одно. Джек появившийся в моем коридоре — совсем другое дело.

Прежде чем я могу произнести хоть слово, он делает шаг вперед и хватывает меня в свои объятия. Совершенно неожиданно я льну к его широкой груди. Почти тут же я чувствую, что теряю все свое самообладание. Его тело твердое как камень. О Боже, это именно то, чего я больше всего боялась.

— Ты сказал... что хочешь поговорить... и кофе, — лепечу я.

— На х*й разговоры и кофе, София. Я пришел сюда, чтобы попробовать твою сладость.

Запах алкоголя ударяет мне в нос, но меня это не отталкивает. Я хочу, чтобы этот мужчина оказался внутри меня. Откуда взялось это желание? Я никогда не хотела ни одного мужчину в своей жизни, никогда даже не могла представить, что мне может захотеться, не говоря уже о сексе. Он кладет свою большую мужскую теплую руку мне на спину, другую под мои колени и поднимает меня вверх. Уткнувшись носом в его шею, я чувствую запах его одеколona.

— Сегодня я собираюсь тебя растлить и сделать своей, — рычит он мне на ухо.

Я чувствую его дыхание у себя на волосах, пока он несет меня по коридору к единственной открытой двери — моей спальни. Он кладет меня на кровать. Мое сердце скачет в груди.

Я смотрю на него, он возвышался надо мной. В тусклом свете из коридора его лицо в тени, и мне трудно рассмотреть его выражение. И хотя я не могу его рассмотреть, но его глаза блестят

от желания. Я стараюсь запомнить и оставить в памяти этот образ, как самый драгоценный момент, который у меня когда-либо был, прежде чем наша любовная связь закончится.

Я так долго скрывала и откладывала поведать ему всю правду, мне не хотелось увидеть, как эта жгучая страсть в его глазах угаснет, сменившись отвращением. Впервые в жизни я полностью наслаждаюсь вниманием со стороны мужчины, чувством своей значимости и необходимости ему. Но сегодняшней ночью, через несколько минут все закончится.

Он тянется ко мне.

— Сначала мне нужно тебе кое-что сказать, — говорю я. Мой голос до странности спокоен.

— Ты сможешь сказать мне потом, когда я возьму тебя, — отвечает он, обхватывая меня за щиколотки.

— Нет, — настаиваю я. — Это важно. Сначала я должна тебе кое-что рассказать. А потом ты решишь, захочешь ли меня.

Он отпускает свои пальцы, пристально прищуривается на меня.

— Давай, не тяни.

Я уже чувствую слезы на глаза, но я беру себя в руки. Как только я ему все расскажу, он убежит отсюда, как угорелый, но со мной все будет в порядке. Я переживу эту трагедию точно так, как пережила и все остальное.

Маленькими шажками.

Будет о чем вспомнить, да, было очень хорошо.

Приподнявшись, я перебираюсь на руках и заднице к изголовью кровати. Упершись спиной в изголовье, обхватываю себя руками и начинаю:

— Когда я была маленькой, мой отец продал меня торговцам людьми.

Его челюсть отпадает. Даже в темноте я вижу, как его тело замораживается от шока. Он моргает и смотрит на меня с недоумением.

— Они продали меня владельцу борделя в Брюсселе. Там я была на протяжении многих лет, — у меня срывается голос, но я прочищаю горло и продолжаю, — я жила с ним и обслуживала его клиентов. В основном, это были политики. Знаешь, депутаты Европарламента. Они находились в командировке, вдали от своих жен и им нужна была компания.

О Боже, почему я лепечу как полная идиотка? Поверить не могу, что рассказываю ему о людях, которые в большей степени издевались надо мной, обеляя их. *Им нужна была компания!* Я делаю глубокий вдох. Давай, быстрее. *Переходи к делу, София.*

— Год назад Гай выкупил меня и привез сюда, чтобы я жила с ним и Леной в Чeshire. — Я выдыхаю. — И в тот канун Рождества в прошлом году был мой первый выход в свет.

Он падает на колени. Словно слон, которого смертельно подстрелил охотником с дальнего расстояния. Победенный, не ожидающий этого выстрела. Я вижу его глаза, они полны ужаса. Ошеломленного ужаса.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Если ты хочешь уйти, давай. Я полностью тебя понимаю.

При звуке моего голоса он хватается за голову и начинает ей трясти, как будто пытается прочистить, чтобы переварить услышанное или выбросить из головы то, что услышал. Я молча наблюдаю за ним.

— О, бл*дь, — вдруг ревет он, и в голосе столько ярости, что я подпрыгиваю на кровати. Он разворачивается в сторону и с безумной яростью стучает кулаком по полу. Он продолжает стучать кулаком все сильнее и сильнее, и мне становится страшно за него. Он сознательно хочет себя покалечить.

— Прекрати, — кричу я.

Быстро, как молния, он взбирается на кровать, хватая меня за ногу и тянет к себе, мои ноги оказываются на полу, а я зажата между его коленями. Он сжимает мне плечи.

— И ты боялась сказать мне об этом, потому что думала, что я подожду хвост и сбегу? Какого хрена, София?

Мое сердце начинает учащенно биться, не от страха, а от радости и появившейся надежды. Но есть кое-что похуже.

— Я не знала, что думать. Мне кажется этого вполне достаточно, чтобы заставить любого мужчину убежать, — выдыхаю я.

— Не меня, — огрызается он.

Я вздыхаю. Нет смысла оттягивать неизбежное.

— Есть еще одна вещь, которую я должна тебе показать.

Он отпускает мои руки.

— Давай, — говорит он.

Я снимаю ночнушку и поворачиваюсь к нему спиной.

— Что это за х*йня? — медленно спрашивает он.

Я оглядываюсь через плечо. Он выглядит так, словно собирается упасть в обморок или начать блевать. Я сильнее прижимаю скомканную ночнушку к обнаженной груди.

— Он... заклеил меня.

— Своим именем? — спрашивает он, как будто не верит, что может услышать положительный ответ.

Я медленно киваю.

Он прячет лицо в руках.

— О. Бл*дь. На х*й. Бл*дь. Куда бы я ни пошел, я не могу. Я просто не могу убежать от

жестокости людей. — Его голос звучит хрипло от мучений. Я почти не узнаю его.

Я протягиваю руку к его склоненной голове. Но не могу дотронуться до него. Моя рука замирает буквально в дюйме от его шелковистых волос. Он с такой силой сжал руки, что побелели костяшки, и все его тело бьет дрожь от ярости и боли.

Я вижу, как слезы капают на пол.

Моя боль стала его, и он не может ее пережить. Я ощущаю такую волну любви к мучениям этого мужчины. Он не заслуживает таких страданий. Я осторожно прикасаюсь к его волосам.

И он медленно поднимает голову, как будто видит меня впервые.

23.

София

— Все в порядке, — шепчу я, вытирая его слезы. — Я знаю, что ты не можешь это пережить. Я понимаю. Как я уже сказала, мы можем остаться друзьями. Мы всегда будем друзьями. Ты можешь вернуться домой, и мы забудем, что ты приходил сюда. Сделаем вид, что этой ночи не было.

Мне кажется он целую вечность смотрит мне в глаза. Потом вздыхает, звук слышится громко в тишине спальни.

— Я не пойду домой, София. Я нахожусь в нужном месте, — говорит он.

У меня в голове пусто, наверное, от шока.

— Ты уверен?

— Ты создана для меня. Где бы ты не пряталась, я должен быть там же.

Я с удивлением смотрю на него. Тысячу раз я мечтала о таком моменте, но никогда не представляла такого мужчину, как он, произносящего мне эти слова с такой страстью и решительностью. Никогда. Слезы наворачиваются у меня на глазах.

— Не надо, дорогая девочка. Не надо, — с трудом произносит он.

Я с усилием моргаю. Мне не хочется плакать. Я должна побороть все свои страхи, мне не хочется, чтобы он думал обо мне, как о ребенке. Я хочу быть для него его женщиной. Сильной, сексуальной, желанной.

Он садится на пол и тянет меня к себе на колени. Я хватаюсь за его плечи и седлаю его бедра. Он расплетает мою косу, пальцами расчесывает волосы и оставляет их спереди, чтобы они обрамляли мне лицо.

— Именно так я и думал, что ты будешь выглядеть. Прекрасная. Просто красивая. — Его лицо покраснело от желания. Вот оно. О таком моменте я не смела и мечтать. Валдислав забрал у меня слишком много, но так и не получил мое сердце. Оно всегда оставалось только моим, но сегодня я готова отдать его этому прекрасному, красивому мужчине.

— У меня нет презервативов, — едва улыбаясь, шепчу я.

— У меня есть, но я не хочу использовать его с тобой.

У меня расширяются глаза от удивления.

— Не хочешь?

— Если хочешь мы можем воспользоваться им, но я хочу заполнить тебя своей спермой. Я хочу полностью покрыть твоё тело снаружи и изнутри. Своим запахом, своим семенем, потом, своей кровью, если потребуется. Я хочу, чтобы ты была моей женщиной. Я хочу уничтожить воспоминания о других мужчинах. С сегодняшнего дня для тебя не будет других, кроме меня.

— А если я забеременею?

— Тогда мы выберем имя нашему ребенку.

Мои глаза, наверное, расширяются ещё больше.

— Ты хочешь иметь от меня ребенка?

Он улыбается.

— Я даже не могу себе представить более лучшую мать, чем ты.

Я с изумлением смотрю на него. Я помню, когда я была маленькой то, мечтала о семье, своей семье, но когда со мной произошли все эти ужасные вещи, я выбросила эту мысль, как нечто невозможное, и все же... это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я не отношусь к тем людям, к тем счастливым, которым все время улыбается фортуна.

— Ты уверен? — выдыхая спрашиваю я.

— Большую часть своей жизни, я был полным дураком. Я умудрился запихнуть двадцать пожизненных сроков в свою жизнь, но счастья не прибавилось. Я знаю, чего хочу. Я хочу тебя.

Мне страшно, что я проснусь утром и окажусь одна в постели, потому что это был всего лишь прекрасный сон. Я в полном замешательстве опускаю глаза вниз, и мой взгляд тут же наталкивается на жесткую выпуклость в его штанах.

От чего у меня появляются воспоминания.

В течение многих лет я проводила дни и ночи в сексе. Вообще-то, я ничего другого и не знала. С тех пор, как меня продали Валдиславу, он учил меня быть проституткой. Мне приходилось обслуживать клиентов, или же меня ждало наказание. Для меня было вполне нормально сделать минет или заняться сексом по его требованию в любое время дня и ночи.

Прошедший год я очень старалась об этом забыть. Я никогда не думала и не хотел другого мужчину. Я стала носить свободную одежду и старалась не вступать с мужчинами в контакт. Я стала полной противоположностью той, кем была. Я стала бесполом существом, но счастливым. Я чувствовала себя чистой, незапятнанной и мне было хорошо.

Но один взгляд на эрекцию Джека, что-то переключает у меня в мозгу, и вдруг я снова чувствую сексуальное желание. Я тянусь к его ремню. Я знаю, что нравится мужчинам, и точно знаю, как им доставить удовольствие.

— Позволь я достану твой член. Я очень хороша в этом.

Его рука мгновенно перехватывает мою.

Я поднимаю на него взгляд.

— В чем дело?

Его глаза светятся яростью и дикостью. Он медленно качает головой.

— Все, что произошло с тобой до меня, было ошибкой. Ты была создана не для того, чтобы сосать члены. Ты была создана для меня, София Сигал, — шепчет он. Он целует меня в ухо, в шею, заставляя меня запрокинуть голову назад от удовольствия. — Ты была создана именно для этого, принцесса София, — говорит он, поймав мою нижнюю губу своими зубами.

Наши глаза так близко друг от друга, всего в паре дюймов. Его глаза темные, такие темные, что напоминают бездонные черные ямы.

Он посасывает мою нижнюю губу.

— И для этого.

Он проходится кончиками пальцев по моим соскам.

У меня тут же по позвоночнику проходит дрожь.

Он нагибается и целует затвердевший сосок у меня на груди.

Я урывками выдыхаю.

— Сегодня и каждую ночь я буду целовать и сосать каждый гребаный дюйм тебя, — говорит он, и берет его в рот.

Мое тело мгновенно реагирует, и между ног я тут же становлюсь мокрой.

Он тянется за спину и достает из-за пояса джинсов нож.

— Ты носишь с собой нож? — сглатываю я.

— Извини, старая привычка, — бормочет он.

Я с любопытством смотрю на него. Свет из коридора поблескивает на лезвии, как только он открывает его. Если бы это был кто-то другой, я бы так испугалась. Просто впала бы в ужас... и убежала бы отсюда как можно быстрее.

Но это Джек. Джек с черными волосами и грустной улыбкой. Джек, о чьем теле я мечтаю и жажду. Джек, который увидел метку, оставленную на моей коже, и рыдал из-за моей боли. Джек, который хочет, чтобы я обнажилась перед его голубыми, голубыми глазами. Я чувствую такое возбуждение. Я четко понимаю, что хочу, чтобы он увидел меня обнаженной.

— Не шевелись, — приказывает он, и я замираю.

Наши взгляды встречаются. Внизу из меня уже течет. Холодная сталь скользит по моим

трусикам. Я никогда не думала, что когда-нибудь позволю хоть одному мужчине взять над собой контроль. Он быстро разрезает ткань с одной стороны, затем с другой. Разрезанные полоски распадаются. Он бросает нож себе за спину и смотрит вниз на мои бедра. Инстинктивно, я пытаюсь прикрыть себя руками. Он останавливает мою руку и потирает большим пальцем мой подбородок.

— Мне нужно посмотреть на тебя, детка, — говорит он, его голос такой густой.

Я сглатываю.

— Это важный момент для меня, Джек. Я хочу тебя, но я боюсь.

— Если ты хочешь, чтобы мы двигались медленно, если тебе нужно немного больше времени, я подожду, я смогу быть терпеливым. Я сделаю все, что угодно, но ты должна понять, я никогда не сбегу.

Проходит много долгих минут, пока мы смотрим друг на друга, потом я медленно киваю.

Он хватается за запястья и поднимает их высоко над головой. Теперь я еще больше уязвима перед ним. Я смотрю ему прямо в глаза. Они темные и взгляд жесткий, напряженный, интенсивный, страшный. Он никогда так обычно не смотрит.

Он вытаскивает мокрые остатки трусиков и отбрасывает их. Я сижу голая, как новорожденная, у него на коленях. Поддерживая меня за спину, другой рукой он укладывает меня на пол. Полированная древесина отдает холодом на спине.

— Раскрой ноги и дай мне увидеть твою сладкую киску, — приказывает он.

У меня ноги ватные. Нервничая, я рассоединяю ноги и слежу, как его глаза медленно двигаются вниз по моему телу к моей открытой киски. Я вижу, как он с трудом сглатывает при виде моей наготы. Потом улыбается. Медленно. С большим удовлетворением. Он чувственно проводит руками вверх и вниз по моему телу.

— Ты не проститутка. Ты безусловно прекрасная и... ты моя.

Я закрываю глаза. Это должно быть сон. Самый красивый мужчина в мире говорит мне, что я его. Я?! Продажная проститутка.

Он кладет свою большую теплую руку на киску. Собственнически. Его глаза привязаны к моим, пока тепло от его руки согревает мою холодную плоть. Моя киска действительно течет, его рука становится мокрой. Сейчас для меня происходит всего слишком много. Я закрываю глаза.

— София, — шепчет он.

Я открываю глаза.

Склонив голову, он вздыхает запах моего возбуждения. Никто никогда не делал такого со мной. Я тихо стону.

— Как долго я ждал этого сладкого аромата. Я даже хотел, чтобы наш первый поцелуй был именно с моими губами на твоей киски.

Он мягко целует кожу моего лобка. У меня приподнимаются бедра с пола от ожидания. Он опускает губы ниже, и мне хочется закричать от дикого ощущения его бархатных губ.

— Мой первый вкус, — говорит он, раскрывая пальцами мои половые губы и облизывая. Его язык оставляет огненный след.

— О, Джек, — стону я, бедра беспомощно дергаются.

Он засовывает в меня свой палец.

Рот открывается от шока. Прошло два года с тех пор, как кто-то прикасался ко мне. Я читала о женщинах, которые наслаждаются своими пальцами и вибраторами, но я никогда не делала ничего подобного. Сама идея секса вызывает у меня отвращение. Но сейчас, лежа на полу, мне хочется, чтобы его палец находился внутри меня, а также его язык и я безумно хочу заполучить его член.

— Какая ты мокрая, — мурлыкает он, лениво вытаскивая из меня палец.

Потом я вижу, как его лицо пропадает между моими расставленными ногами.

— Ммм, — шепчет он. Дальше он что-то бормочет в мою пульсирующую плоть, я с трудом слышу его слова, чувствуя вибрацию воздуха на киске. — Я хочу, чтобы ты кончила мне в рот. Я хочу, чтобы твои соки текли у меня по горлу и подбородку.

Я чувствую, как клитор начинает пульсировать, когда он пирует мной, даже это слово не совсем подходит, чтобы описать то, что он делает со мной. Он пожирает меня так, как будто не может насытиться или не ел несколько месяцев. Я думаю, что вскоре он насытится, но чем больше он пирует, тем более голоднее становится. Я всем телом выгнулась на полу, тело дрожит и каждый нервный импульс жужжит, готовясь к чему-то большему.

Вдруг, впервые в своей жизни, я кончаю. Мощная вспышка жара, появляется буквально ниоткуда и с такой силой ударяет по всему телу и так глубоко, что я распадаюсь на кусочки, закручиваясь в спираль. Он отодвигается, и когда мое тело перестает сжиматься и дергаться, я с восторгом в упор смотрю на него. Чувствую ужасную слабость во всех конечностях, и до сих пор подрагивание в бедрах.

— Это мой первый оргазм, — говорю я.

Его глаза расширяются от удивления. И тогда он удивляет меня еще больше.

— А вот и второй, детка, — говорит он, дотрагиваясь языком до моего пульсирующего клитора.

24.

Джек

<https://www.youtube.com/watch?v=ZJL4UGSbeFg>

(Парень, я чувствую себя женщиной сегодня ночью)

Я полностью теряюсь в ее запахе и тепле. Только после того, как ее бедра неконтролируемо начинают сжиматься, и она кричит от экстаза, я неохотно поднимаю голову и смотрю на нее.

Черт возьми, она неописуемо прекрасна.

Ее длинные шелковистые волосы разметались по полу, грудь быстро поднимается и опадает. Чистая. Юная. Невинность. У меня в голове крутится единственная мысль, она напоминает мне ангела, сошедшего с небес, чтобы соблазнить меня.

— Боже мой! — шепчет она.

Я вытираю рот тыльной стороной ладони и наклоняюсь вперед, поднимая ее с пола. Она такая худенькая. Женщина не должна так мало весить, как ребенок. Я иду к кровати, осторожно кладу вниз, узкий прямоугольник света из двери, освещает ее.

Мой член тяжелый. Готов трахаться.

Я снимаю рубашку и расстегиваю ремень. Такое чувство, будто я всю жизнь ждал этого момента.

— Я хочу, чтобы ты развела свои ноги как можно шире. Очень широко, София, чтобы я смог увидеть все, что принадлежит мне. И только мне.

Она замирает на пару секунд, потом нервно подчиняется. Я помню наш первый поцелуй. Моя кровь бушевала из-за нее, но он был ничем по сравнению с тем, насколько безумно я хочу ее сейчас. Мне хочется упасть на колени и водрузить член в ее влагалище и сказать, что она принадлежит только мне. Я расстегиваю молнию на джинсах.

— Вот и все, детка. Все мое, — хрипло произношу я, разглядывая ее великолепную киску. Ее губы набухли и блестят в узком прямоугольнике света. Открытая, моля меня трахнуть. Красивая.

Я дергаю штаны вниз и выхожу из них. Член подскакивает от желания.

— Черт побери. Посмотри на свою киску. Она хочет, чтобы я взял ее. Хочешь мой член в своей киске, детка?

Она моментально кивает, но как только я окажусь внутри ее сладкой киски, я взорвусь за рекордно короткое время. Нет, я хочу снова услышать ее крики. Я залезаю на кровать. Стоя на коленях перед ее открытой киской, я начинаю поглаживать себя. Три быстрых движения туда-сюда — рекорд для меня, и я, бл*ть, кончаю, выплескивая свое теплое семя напрямиком ей на живот.

Ее тонкие руки медленно начинают размазывать мою сперму большими чувственными кругами по коже, как будто она роскошный крем для тела. Это безумно красиво и возбуждающе, пока она растирает ее по бедрам, талии, груди и шеи. Потом она переводит на меня взгляд, и толкает свой палец, покрытый спермой в свою киску.

Мой член опять становится твердым.

— Веришь или нет, но ты единственная женщина, которую я хотел бы с таким безумием, — говорю я, и опускаюсь между ее ног, мне хочется отведать ее сладкую киску в третий раз.

Она хватает меня за волосы, притягивая голову поближе к себе. Я неплохо ее обучил. Она понимает, я сделаю все, чтобы дать ей освобождение. И я открываю рот и начинаю сосать ее персиковую киску.

Мне, бл*дь, не достаточно, я не могу насытиться ей.

25.

София

Хотя я устала физически, но настолько взволнована, что не могу заснуть. Я закрываю глаза, уютно устроившись в тепле его уверенных рук, и жду, пока его дыхание не становится глубоким и ровным. Тогда я начинаю, не стесняясь рассматривать его, до конца не веря, что такой великолепный мужчина может обратить на меня внимание. Это кажется слишком невероятным.

Когда рассветает, я осторожно выскользываю с постели, надев рубашку, чтобы прикрыть свою наготу. Чувствую себя беспокойно и напряженно, стоя над ним. Как он отреагирует, когда проснется трезвым? Я не долго жду.

Вдруг он в панике распахивает глаза. Только что он безмятежно спал, и вдруг в следующую секунду его глаза широко открыты, и он дико озирается вокруг, подскочив на кровати, как перочинный складной ножик. Я так испугалась, что даже не могу двигаться. Его глаза наталкиваются на меня, узнавание отражается у него на лице, и он падает обратно на подушки.

— Тебе приснился плохой сон? — спрашиваю я.

— Да. — Он протягивает руку, и я сжимаю его пальцы. Мои дрожат.

— Ты мучаешься похмельем?

— У меня имеется только одно похмелье по твоей сладкой киски, — говорит он, закрывая глаза, и у него на губах появляется подобие улыбки. — Твой запах сводит меня с ума.

Я краснею чуть ли не до пальчиков ног.

— Так ты помнишь все, что мы делали вчера?

Он открывает глаза и притягивает к себе, поймав за талию, поднимает меня на кровать. Отбрасывает в сторону одеяло. Его эрекция говорит сама за себя. Он стягивает с меня рубашку через голову и оглядывает мое тело.

— Сядь мне на лицо, — приказывает он.

Я усаживаюсь на колени по обе стороны от него, приподнимаясь вверх над его телом, передвигаясь к его лицу. Медленно опускаюсь к нему на рот. Он сосет и лижет мою киску, толкая свой язык вглубь. Осторожно он прихватывает губами нежный клитор, прежде чем начать сосать, пока я не кончаю.

Схватив за бедра, он приподнимает меня от своего рта, говоря:

— Теперь сядь на мой член.

Я обхватываю его руками и подвожу к своему входу. Смело глядя ему в глаза, я дразню, проводя кончиком по своим опухшим, влажным складкам.

— Бл*дь, София. Ты убиваешь меня, — стонет он.

Я улыбаюсь. Я никогда ни над чем не имела власти. Никогда. Всегда все контролировали меня — мое тело, мои действия. Впервые в жизни я чувствую себя властной. С этим мужчиной.

Джек

Я с жадностью пробегаюсь пальцами вверх по ее бедрам, наслаждаясь насколько они гладкие. На внутренней стороне имеются еле заметные шрамы, но не снаружи, ее бедра, как самый лучший шелк. Я смотрю на ее тело, возвышающееся надо мной, она как мираж. Сияющий участок воды в засушливой пустыне, в которой я прожил много лет. Я до сих пор не могу поверить, что я в ее постели.

Мы не использовали прошлой ночью презервативы. И я не жалею об этом. Вообще-то, я рад, что ничто не стоит между нами.

Я наклоняюсь вперед и обхватываю губами ее сосок.

Мне хочется оставить метку на ней. Я хочу заклеить ее. Я хочу забыть ту мерзость у нее на спине. Она моя. Только моя. Неважно, что там написано. Она моя. МОЯ. МОЯ, МОЯ.

Она сжимает мой член и начинает опускаться своей горячей, тугой киской на него. Настоящий рай. Я не отпускаю ее сосок. Я всасываю его еще сильнее, она стонет, пока член движется все глубже и глубже. Думаю, что после вчерашней ночи, от жесткого траханья ее киска ноет и болит, и я знаю, что это вроде как примитивно и не эстетично, но именно так я хочу ее. Через боль и опустошение, чтобы она забыла всех других мужчин.

Вот что я сделал. Я трахнул ее грубо и заклеил собой. Джеком Айришем. Она пытается приподняться вверх, но я хватаю ее за бедра и опускаю на член.

Она вскрикивает.

— Хочешь его? — бормочу я, снова толкаясь вверх.

Она встречается со мной глазами, ее киска невольно сжимается.

— Да.

Я начинаю действовать. Да. Двигаться туда-сюда. Проникая глубже. Толкаясь сильнее. Более жестче. У нее начинается оргазм. Она сидит на мне с широко разведенными ногами, и я вижу, как происходит ее оргазм. Она непроизвольно начинает сжимать мой член своим внутренними мышцами, у нее начинается эякуляция. Ее киска обильно отдает свои соки, я продолжаю трахать. Член блестит, покрытый ее соками. И видя, как она теряет контроль, у меня сносит крышу. Я собираюсь кончить опять внутри нее. Я хочу заполнить ее всю.

Последний раз я толкаюсь вперед.

Из меня потоком льется сперма, и у меня такое чувство, будто я запускаю в нее чертовую кучу сперматозоидов. Несколько секунд я удерживаю ее на себе, потом лениво двигаюсь еще пару раз туда-сюда. Затем я приподнимаю ее, и вижу, как сперма медленно длинными белыми нитями вытекает из ее киски. Это чертовски красивое зрелище.

София

От его взгляда я становлюсь смелой и живой, словно я что-то ценное для него, и он очень хочет это получить. Раньше я никогда не была чем-то подобным, кроме как предметом, с помощью которого мужчина мог удовлетворить свою похоть. Причем, эта «дырка» могла также хорошо использоваться ими, как и любая другая.

— Иди сюда, — говорит он. Я знаю, что ему хочется, чтобы я легла на него. Первая мысль, которая тут же возникает у меня в голове, что он обхватит меня руками и почувствует на спине шрамы от выжженных слов, поэтому я хватаюсь за рубашку. Он протягивает руку и отбрасывает ее в сторону.

— Почему ты хочешь прикрыться от меня? — хмурясь, спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой.

Он внимательно минуту разглядывает, а потом говорит:

— Не надо.

Я поднимаю на него глаза.

— Прикрываться.

— Нет, — с трудом выдыхаю я. Я боюсь, что если он дотронется до низа моей спины, разрушится то, что у нас только что было. Я бы предпочла, чтобы он больше этого не видел. Сейчас светло, свет струится сквозь жалюзи, поэтому все выглядит гораздо хуже.

Он обнимает меня за талию, его глаза странно поблескивают.

— Все твоё тело принадлежит мне. И эти шрамы тоже мои. Теперь покажи мне мои шрамы, — приказывает он, и его голос звучит с силой, не терпящий возражений.

Несколько долгих секунд я выдерживаю его непререкаемый взгляд, потом поворачиваюсь к нему спиной и прикрываю глаза. Его пальцы дотрагиваются до кожи, и я невольно подпрыгиваю. Он медленно проводит по букве Н. Я напрягаюсь, все мышцы тела становятся как одна струна.

— Расслабься, — говорит он, крепко удерживая меня за верх руки, пока проводит пальцем по глубокому следу буквы И. Мне хочется, чтобы он перестал это делать.

— Хватит, — ляпаю я, дергаясь вперед всем телом, но он крепко держит меня.

— Почему? Это всего лишь шрамы от обгоревшей кожи и плоти.

— Он изуродовал меня этим. Я ненавижу, — начинаю плакать я.

Его палец проходит по завитку следующей буквы.

— Это уродливо лишь в том случае, если ты так думаешь сама. Он не имеет власти над тобой. Сейчас ты моя и ни один человек не дотронется до тебя своим грязным пальцем, пока я хожу по этой земле.

Я не могу остановиться и продолжаю рыдать.

Он разворачивает меня к себе и приподнимается с подушки.

— Ты хочешь, чтобы я убрал его имя с твоей кожи?

Я перестаю рыдать и с недоверием смотрю на него.

— Ты можешь его удалить? — с удивлением спрашиваю я. Мне никогда не приходило в голову, что это уродство можно каким-то образом удалить. Я думала, мне придется вечно с ним жить.

— Да. Я превращу его имя и память о нем в маленькие шрамы, которые со временем исчезнут.

— Конечно. Да, я хочу, очень этого хочу. Очень-очень, — вскрикиваю я.

Он улыбается.

— Я запланирую операцию на следующую неделю.

Я обнимаю его. Я не могу поверить, что со мной может случиться нечто такое прекрасное.

Звонок телефона заставляет вздрогнуть. Боже мой, оказывается мир за окном до сих пор существует.

— Это Лена, — говорю я. — Мне лучше ответить, иначе она будет сходить с ума от волнения.

26.

София

Он отпускает меня, и я пулей вылетаю из спальни голой и босиком. Вчера такое бы было невозможным. Я хватаю трубку.

— Доброе утро, — говорит Лена.

— Доброе, — отвечаю я.

— Ты хорошо провела время вчера вечером? — спрашивает она.

— Да, просто прекрасно.

Наступает короткая пауза, а потом Лена спрашивает:

— Он все еще у тебя, не так ли?

— Да, — признаюсь я, и мое сердце заходится от счастья.

— Ты счастлива? — Ее голос звучит как-то странно невыразительно, как будто она боится услышать мой ответ.

— Да, да, счастлива, — с восторгом вскрикиваю я.

Она вздыхает с облегчением.

— О, София. Я так тебя люблю.

— И я, — и у меня на глазах появляются слезы. — Лена, я должна кое-что тебе сказать и показать, когда увижусь с тобой.

— В чем дело? — тревожно интересуется она.

— Все не так плохо. Я думала, что все плохо, но на самом деле это не так. Все хорошо.

— Ты уверена? — с неуверенностью интересуется она.

— Да, уверена.

— Во сколько ты хочешь, чтобы я прислала Роджера за тобой?

— Могу я тебе перезвонить, сначала поговорю с Джеком?

— Хорошо. Позвони мне на мобильный, потому что я собираюсь в деревню. Хочешь чего-нибудь оттуда?

— Нет. — Пока я ничего не хочу, кроме Джека, поджидающего меня в постели.

— Как насчет пирожных с кремом из пекарни?

— Ладно, — смеясь отвечаю я.

— Шоколадное или клубничное?

— Шоколадное.

— Хорошо. Позвони мне, когда будешь готова.

— Хорошо. Лена?

— Да.

— Мика скучала по мне прошлой ночью?

— Ужасно. Она все время скулила. Мне пришлось забрать ее к себе в спальню, но когда я проснулась сегодня утром, она свернулась калачиком в ногах нашей кровати и спала.

Я смеюсь.

— В следующий раз я возьму ее с собой.

— Блестящая идея, — соглашается она.

— Вот и хорошо. Я тебе скоро перезвоню.

— Ой, подожди-ка. Ирина хочет поздороваться с тобой.

Ирина берет трубку и начинает что-то лопотать, я отвечаю ей. Я опускаю трубку и чувствую, как мое сердце переполняет от любви.

Я подхватываю покрывало с одного из кресел и заворачиваюсь в него, направляясь обратно в спальню. Останавливаюсь в дверном проеме. Джек лежит голый на одеяле. Его член находится под прямым углом. Он приподнимает брови.

— Что? — спрашиваю я.

— Что за покрывало? — спрашивает он, и его глаза сверкают.

Я пожимаю плечами.

— Ты не хочешь, чтобы я видел твою киску?

Мое сердце начинает учащенно биться от возбуждения. Я киваю.

— В таком случае... — Он манит меня пальцем, и я иду к нему, остановившись рядом с кроватью. Он скользит рукой под покрывало, вверх по бедру. — Расставь ноги, — приказывает он.

Я расставляю ноги, и он проскальзывает пальцем. У меня вырывается стон. Он начинает двигать пальцем.

— Ты хочешь со мной подраться из-за покрывала? — тихо спрашивает он.

Я отрицательно трясую головой.

— Хорошо. Сбрось его.

Я стягиваю его со своего тела.

У него вырывается стон удовольствия, он с жадностью осматривают меня, пока его палец движется у меня между ног. Потом он облизывает его и сосет, у него на головке члена появляется предэякулянт. Я слизываю его, мне нравится. Он улыбается.

— Садись на задницу и покажи мне себя, — говорит он.

Я все делаю, как он просит. Схватив член, он пару раз проходится головкой по моим мокрым складкам, а потом погружается внутрь. Я вскрикиваю от внезапного резкого вторжения.

— Бл*дь, ты такая тугая, — рычит он.

Он замирает, чтобы я привыкла к его размеру, наклоняется ко мне и целует, погружая язык ко мне в рот. Мои бедра сами собой дергаются вверх, чтобы вместить его больше, и он начинает двигаться в своем такте. Изголовье кровати с каждым жестким толчком ударяется о стену, из меня же вырывается стон.

— Тебе нравится, когда я кончаю в твоей маленькой киски, принцесса?

Я еще громче издаю какие-то нечленораздельные звуки, торопливо приподнимая бедра ему на встречу.

Кровать раскачивается и бьется о стену, как лодка в океане. Из меня льются какие-то непонятные однозвучные странные, звериные крики, но я не могу ничего с этим поделать, да мне и все равно. Сейчас у меня будет пятый оргазм. Мои стенки влагилица начинают пульсировать, сжимаясь вокруг него, тело выгибается над кроватью. И верхушка айсберга с

треском ломается, и вся эта чертова штука рушится в океан в одном гигантский момент ожесточенной жары и чистого экстаза.

Он еще сильнее начинает вбиваться в меня, и кульминация наступает его, когда он находится глубоко внутри, наполняя меня своим теплым семенем.

27.

Джек

Я уже слишком стар, чтобы так сходить с ума по девушкам, но я не могу отпустить ее. Я чувствую себя готовым постоянно трахать, несмотря на то, что только что занимался с ней сексом в душе. Я хочу, чтобы она была у меня в постели сегодня ночью и каждую следующую ночь, начиная с этого момента, но она заявляет, что ей нужно вернуться.

Ее щенок соскучился по ней!

Черт возьми, я скучаю по ней.

Мы приходим к общему решению, что она вернется забрать собаку, и мы втроем проведем выходные вместе. Но мне совсем не нравится мысль, вернее я даже ее ненавижу, что она вернется в Чешир. Я имею в виду, что любой случайный мужчина может пялиться на нее, как бы прикасаясь к ней. Красная дымка заполняет мои мозги от одной только мысли о другом мужчине, прикасающемся к ней.

Бл*дь, неужели я схожу с ума по девушке.

У меня назначен прием на одиннадцать часов, я уже опоздал, и мой секретарь/администратор бьет тревогу по этому поводу.

— Да, да, я буду к 11.30, — говорю я ей.

Я позволяю ей высказаться мне в трубку. Она заслуживает этого, поскольку ей приходится нелегко с некоторыми из наших пациентов, и вероятно, она немало дерьма выслушила из-за моих пропущенных утренних приемов. Кроме того, сегодня с утра у меня отличное настроение.

— Мне кажется, тебе стоит повысить зарплату, — говорю я.

Она останавливается на полуслове.

— Насколько?

Я смеюсь. Она ирландка.

— Мы поговорим об этом, когда я приеду.

— Я буду ждать тебя, — кричит она.

Я заканчиваю разговор, все еще улыбаясь.

— Кажется ты *хорошо ладишь* со своей секретаршей, — замечает София.

— Да, неплохо.

— А сколько ей лет?

Она, бл*дь, ревнует? Мне нравится эта мысль.

— Ммм... точно не могу сказать, — тихо отвечаю я, — но она хорошо выглядит для своего возраста.

Ее глаза расширяются, и я вижу вспышку ревности, которую ей не удастся скрыть. Мой член рывком поднимается. Ненавижу (другими словами, я бы предпочел живьем свариться в кипятке), чем иметь дело с ревнивыми женщинами, цепляющимися и проверяющими меня на каждом шагу, но сейчас я не могу заставлять ее ревновать. Ее боль причиняет боль мне.

Из ее глаз уходит блеск, она быстро опускает голову и ее красивые волосы скользят вперед, прикрывая ее лицо и в то же мгновение мне становится не по себе, что я поддразнивал ее. Одна мысль, что я могу своей шуткой причинить ей боль, делает меня больным. Она достаточно уже настрадалась за свою короткую жизнь.

Я притягиваю ее к себе, она вся напряжена. Я приподнимаю пальцем ее подбородок и смотрю ей прямо в глаза.

— Карен счастливо замужем, и она не в моем вкусе, — говорю я.

И тут же блеск возвращается в ее глаза.

— Да?

Я целую ее милый носик.

— Да.

— А какой твой тип женщин? — спрашивает она, облизывая нижнюю губу. Господи, моя девушка флиртует со мной.

Я повожу бедрами, чтобы она почувствовала жесткий член.

— Я смотрю сейчас на нее.

— Я никогда о таком не мечтала, — шепчет она.

— И я тоже, — признаюсь я.

Она смотрит на меня с приоткрытыми губами, и Бог знает, что есть такого в этой женщине, но я с трудом борюсь, чтобы не бросить ее на пол и не трахнуть, или лучше взять у стены. Секс стоя. Мы этого еще не делали. Столько всего мы еще не делали. Но у меня имеется прием в 11.30 с тупой знаменитостью, нетерпеливо поджидающей меня.

Она прикусывает нижнюю губу. Маленькая шалунья делает это специально.

— Прекрати, — выдыхаю я.

Она смотрит на широко открытыми невинными глазами.

— Что? — спрашивает она, снова прикусывая губу.

О, бл*дь. У меня большие, при большие проблемы. Единственное, что мне хочется сделать это водрузить свой член в ее пышный рот. И пусть катиться на х*й мой прием в 11.30. Я перенесу время на ланч понедельника или еще на другой день. Да, что угодно.

Я сжимаю бедра принцессы и отталкиваюсь от нее.

— Что ты делаешь? — невинно интересуется она, но ее глаза уже в поволоке от желания. Она так возбуждена, что я чувствую запах ее возбуждения. И он сводит меня с ума.

— Это твоя вина, что у меня эрекция. Так что вставай на колени и соси, — говорю я, расстегивая ремень и освобождая член из боксера.

С хитрой улыбкой, она опускается на колени и смотрит на меня сквозь ресницы. Очень, очень кокетливо и очень, очень сексуально.

— Открой ротик, принцесса.

Она открывает рот, и я погружаю свой изголодавшийся член в ее сладкий рот. Со стоном я погружаю пальцы в ее длинные шелковистые волосы. Она нежно посасывает, закрыв глаза, постанывая. Я еще больше возбуждаюсь от одного ее вида, то, что она проделывает со мной, моментально подводит меня к грани, я почти готов кончить. Я сжимаю ее волосы. Мне не хочется, чтобы все так быстро закончилось.

Медленно, но верно, она берет меня все глубже, пока головка не задевает заднюю часть ее горла, каждый дюйм меня находится у нее внутри. Я смотрю на нее сверху вниз и готов поклясться — это самое красивое, что я когда-либо видел. Мой член полностью у нее во рту. Она идет дальше и начинает двигать своим языком, и у меня такое чувство, будто она выдаивает меня полностью. Наверное, из меня выплеснется столько спермы, но она все проглотит.

О, бл*дь. Никогда в жизни мне не делали такой минет. Я хочу, чтобы он длился вечно, но поскольку он настолько хорош, вечно длиться не может. Я откидываю назад голову и чувствую, как вены начинают пульсировать на члене, готовые дать мне необходимое освобождения, как бы разгружая меня. Я пытаюсь отсрочить кульминацию, но меня колотит сильная дрожь.

Я точно схожу с ума, отчего она начинает сосать еще сильнее.

— Я хочу, чтобы ты проглотила все, и когда я уйду отсюда, я буду знать, что у тебя в желудке есть моя сперма, — с трудом произношу я, сильнее сжимая ее волосы и притягивая к паху.

Я освобождаюсь, находясь полностью у нее во рту, она глотает все до последней капли. Мне все равно хочется повалить ее на пол и полакомиться ее киской, но она в следующее мгновение оказывается на ногах, и мне приходится засунуть свой х*й обратно в штаны.

— Ты не должен пропускать прием в 11.30, — шепчет она.

Я пожираю ее губы, а потом выбегаю из квартиры, словно за мной несется дьявол, наступая на пятки, потому что я безумно хочу затащить ее в кровать и трахать ее сладкую киску снова и снова.

София

Я покидаю замок с Мики, свернувшейся у меня на руках, Лена осторожно меня предупреждает, чтобы я не влюблялась слишком быстро. Поскольку я никогда не видела ничего хорошего от мужчин, она считает, что я скорее всего поддамся этому чувству. Я не говорю ей, что она опоздала. Я уже влюбилась. Серьезно и сильно.

Я не в состоянии полностью описать наши волшебные выходные с Джеком и Микой. После всех ужасов, через которые я прошла, не могу поверить, что мне так повезло. Идеально. Я никогда не была так счастлива. Я приезжаю к Джеку днем. Его квартира выглядит нежилой, хотя очень современная, но на самом деле, какая-то холодная. Кухня полностью новая. Похоже, ей никогда не пользовались. На всех полированных поверхностях ни царапинки. Я открываю холодильник — пусто, только давнишний пакет молока, упаковка из шести бутылок пива и брусок масла.

Мы идем в маленький угловой магазинчик. Милая полька обслуживает нас. Мы покупаем молоко, яйца, бекон, хлеб, клубничное варенье, хлопья, попкорн и мороженое.

Вечером заказываем пиццу, мы едим все втроем, как свинюшки. Я давно столько не ела, поэтому даже не могу пошевелиться. Джек укладывает меня к себе в постель и опускает голову между моих ног, Мика сидит у кровати и смотрит, видно до конца неуверенная, как реагировать на животные звуки, которые я издаю. Затем она опускает голову вниз и довольно закрывает глаза.

Каждый раз, когда Джек будит меня, находясь в половой охоте, она с любопытством приподнимает голову, но не пытается залезть на кровать. Утром я предлагаю приготовить завтрак, но Джек говорит, что он предпочел бы, чтобы я сэкономила свои силы для трахания, поэтому сам направляется на кухню.

Он возвращается с двумя тарелками сгоревших яичниц. Я смеюсь, и мы в результате едим хлопья, попкорн и мороженое в постели. Что я могу сказать? Мороженое в кровати с Джеком, заканчивается испачканными простынями. Это адская комбинация.

В душе с его ресниц и носа стекает вода, пока он наливает гель для тела на ладонь. Я вижу, как он растирает ладони, а потом начинает растирать мне грудь. Вода, шелковая мыльная пена, его горячие руки. От этого у меня начинает кружиться голова. Он моет мне волосы, его руки меня завораживают, они настолько чувственные. Оставляет засосы по всему моему телу.

— Мне нравится оставлять на тебе метки, — говорит он.

— Почему? — спрашиваю я.

Он берет сосок в рот и сосет некоторое время.

— Мужчины похожи на собак. Они любят метить свою территорию.

— А я твоя территория?

— Как будто ты не знаешь.

Затем мы идем гулять в парк с Микой. Пока мы гуляем, я стараюсь не думать о его твердом теле и как быстро отреагирует его член, если я всего лишь протяну к нему руку.

Женщина с питбулем проходит мимо нас, и Мика останавливается, чтобы понюхать его. Я в ужасе, потому что именно Мика проявляет к нему агрессию. Она прыгает ему на спину, потом рычит. Женщина всего лишь смеется. Ей кажется, что это весело. Но я знаю, что ее собака запросто может перегрызть Мике шею. В ужасе я хватаю Мику и прижимаю ее к себе.

— Мика, ты такая глупая, — ругаюсь я. — Не смей так делать.

Мика скулит и смотрит на меня своими жалостливыми глазами. Глядя на нее, я не могу злиться. Я покрываю ее голову поцелуями.

— Извини, что накричала на тебя, — тихо шепчу я в ее теплое шелковисто-мягкое ухо.

— Ты так сильно любишь ее, не так ли? — тихо спрашивает Джек.

— Да, она мне как дочь.

Он кивает, и мы продолжаем свою прогулку.

Мы останавливаемся в кафе блинной, садимся за маленький, шаткий столик снаружи. Мой нос от холода, наверное, покраснел, но Джек смотрит на него так, как будто это самая красивая вещь, которую он когда-либо видел. Когда он смотрит на меня такими глазами, я чувствую, словно очутилась в каком-то фильме про королевство. Приходит официантка, и Джек заказывает чуть ли не половину всего из меню. Она приподнимает брови.

— Одного блина обычно достаточно одному человеку, — напоминает она.

Я смеюсь.

— Мы все это съедим?

— Конечно, нет. Но мне кажется, будто я сплю. А во сне всего должно быть в избытке.

Я точно знаю, о чем он говорит, поскольку чувствую тоже самое. Как будто я во сне и могу проснуться в любой момент.

Нам приносят наш заказ. На подносе тарелки с горячими блинчиками. Официантка подтаскивает еще один столик к нашему. Я окидываю взглядом все тарелки. Мне кажется, жаль тратить время, но я не могу отказаться от такого момента, вот так посидеть на прохладном воздухе с Джеком, Микой, людьми, проезжающими мимо, и совсем не обращающими на нас внимания, словно нас не существует. Я никогда не была в такой обстановке. И это прекрасно.

У Джека завтрак состоит из блина с яйцами и беконом, а я пробую с инжиром, медом и грецкими орехами. Я заливаю все это сиропом, отрезаю кусочек и кладу в рот. Очень вкусно. Часть сна, о котором можно только мечтать.

— Давай попробуем все понемногу, — говорю я.

— Все, что хочешь, детка.

Я тянусь к блину с черничным кремом, отрываю уголок и кладу в рот, жую.

Он молча наблюдает за мной. Как будто смотреть, как я ем — самое большое для него удовольствие.

— Хватит пялиться, — смущенно говорю я.

Он пробегает пальцем по моему запястью.

— Я мог бы наблюдать, как ты ешь весь день, Принцесса.

— Почему ты называешь меня Принцессой?

— Ты же живешь в замке, не так ли?

Я киваю.

— Единственная сказка, которую я помню из детства «Красавица и Чудовище». Это я и ты, детка.

Я хихикаю.

— Ты не Чудовище.

— Пусть только кто-нибудь попытается тебя забрать у меня. — На его лице нет улыбки, он говорит вполне серьезно.

— Никто не захочет меня, — шучу я.

Он хмурится.

— Лучше бы для них так и было.

Я смеюсь и ем, пока пояс на моих джинсах не начинает мне жать.

— Я не могу двигаться, — произношу я, потирая живот.

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

Я смеюсь, потому что никогда не была так счастлива в своей жизни.

— Если я буду так есть, то стану очень толстой, — жалобно произношу я.

— Хорошо, — радостно соглашается он. — Мне нравится, когда на моей женщине есть мясо.

Моя женщина. Мне нравится, как он говорит.

Начинается дождь. Официантка бешено машет нам руками, что-то не так с механизмами у тента, под которым мы сидим, поэтому она хочет, чтобы мы перешли во внутрь вместе со своей едой.

— Нет, — отвечаю я.

Она смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Еда вся промокнет.

— Принесите нам счет, — говорит ей Джек.

Он оплачивает счет, прячет Мику под пиджак, и мы идем под дождем обратно к нему домой. Стоит нам войти в квартиру, начинаем срывать друг с друга одежду. Как будто три часа, пока мы не чувствовали наших обнаженных тел были слишком долгими. Мы занимаемся сексом прямо на полу. Я открыта для него полностью, в каждом его движении я стремлюсь к нему навстречу, и он кончает в меня. Я рада его члену, который находится глубоко в моей желающей его киски.

Джек поднимает меня с пола.

— Ну же, Принцесса. Давай сделаем все правильно на кровати.

29.

София

Я лежу на больничной койке в своей палате, ожидая, когда меня подготовят к операции, входит Джек. Я окидываю его взглядом. Странно видеть его в врачебной одежде. Я никогда не думала, что такое возможно, но он выглядит еще красивее, чем обычно. Бабочки начинают порхать у меня в животе.

— Ты нервничаешь? — спрашиваю я его.

Он уверенно улыбается.

— Нет. А ты?

— Нет. Я доверяю тебе безоговорочно.

— Хорошо. Могу я попробовать?

У меня глаза расширяются.

— Что?

— Один последний раз попробовать тебя, пока они не увезли тебя.

Я качаю головой от его наглости.

— Это не очень профессионально, ты не находишь?

— Нет. Так будет вечно между нами.

Он запирает дверь и подходит ко мне, в его глазах светится озорство. Он приподнимает мою больничную белую рубашку.

— Ну же, давай. Побудь для меня неприличной девушкой.

Я колеблюсь лишь секунду. Пошло все к черту. Я хочу этого так же, как и он, поэтому развожу ноги, и он тут же ныряет вниз. Он наслаждается моей киской, кстати только Джек Айриш

знает как, до тех пор, пока у меня перед глазами не начнут плясать звезды, и я не распадусь на сотню маленьких осколков, кончив ему на язык.

— Я оставлю мокрое пятно на кровати. Медсестры заметят его, — говорю я.

— Не волнуйся, Принцесса. Они привыкли ко всем видам жидкостей, которые могут остаться на кровати.

Я прикусываю губу, меня беспокоит кое-что. А вдруг я не проснусь после наркоза? Может, это будет последний раз, когда я была с ним. Я ловлю его за руку. Я хочу сказать ему, что люблю его. Он должен знать. Он с нетерпением поглядывает на меня, но слова, которые выходят из моих уст, совершенно другие:

— Ты не думаешь, что когда-нибудь тебе наскучит пробовать мою киску?

— Мне не легко наскучить. Я пью молоко с детства и все еще люблю его, — говорит он, подмигивая.

Я нервно улыбаюсь. Мне очень хочется сказать ему, что я люблю его. На всякий случай, если я не проснусь, но прежде чем я набираюсь мужества, в дверь стучат.

Джек открывает дверь и появляется медсестра.

— О, доктор, — взволнованно восклицает она.

Он нахально улыбается ей.

— Доброе утро, сестра.

Он целует меня в макушку.

— Я вернусь повидаться с тобой, прежде чем тебя отвезут к анестезиологу.

Пока медсестра меряет мне давление, входит Лена. Я широко улыбаюсь ей. Она уже не будет прежней с того момента, когда я показала ей свою спину. Она завывала, как только увидела ее, жалобно завывала, от чего стала напоминать нашу мать. Так та плакала, когда потеряла ребенка. Это единственный раз, когда она плакала, но ее плач тогда, остался у меня в памяти навсегда. Она не плакала так, даже когда отец сломал ноги или в тот раз, когда он облил ее руку кипятком.

Я обняла Лену, но не могла остановить ее слез. Я узнала в тот день, что независимо от того, насколько сильной она кажется, мы обе непоправимо внутри повреждены, и требуется лишь чуть-чуть нажать на больное место, чтобы растеребить нашу неизлечимую рану. На нее ничего не действовало — ни слова, которые я говорила, чтобы ее успокоить, ни мои действия. Когда она стала звонить нашему умершему брату, я испугалась. Я тут же позвонила Гаю. Он уехал в Манчестер на встречу. Он бросил все и сразу же вылетел обратно. Только когда она оказалась в его объятиях, она постепенно успокоилась. С того дня она еще больше стала меня защищать.

— Ты готова? — спрашивает она меня с нежной улыбкой.

Я ухмыляюсь.

— Да.

Она подходит к кровати.

— Хорошо. Все будет хорошо. Джек один из лучших.

В этот момент у меня наворачиваются слезы на глазах. Она переплетает свои пальцы с моими и переходит на русский:

— О, дорогая, не плачь. Все будет хорошо. Я буду ждать тебя здесь.

Сглотнув, я киваю.

Она вытаскивает платок из клатча и промокает мне глаза.

— Я так горжусь тобой. Ты так далеко продвинулась. Ты самый храбрый человек, которого я знаю.

— Я совсем не храбрая. Я бы ничего не сделала без тебя и Гая.

Она отрицательно качает головой.

— Мы дали тебе нож. Но ты сама перерезала веревки. Сама. Теперь ты свободна. Лети, как ты всегда хотела.

Я хватаю ее за руку и целую.

— Вам пора идти, мэм, — говорит медсестра.

Лена обхватывает руками меня за щеки и нежно целует в лоб.

— Я буду ждать снаружи. Все будет хорошо.

Я наблюдаю за ней, как она уходит. Заходят медбратаы и выкатывают меня в коридор. В операционной, которая забита каким-то оборудованием, меня встречает Джек, у него уже надета маска на лицо, через которую сверкают глаза, как голубые яркие камни.

— Просто расслабься, Принцесса, — говорит он.

Мне надевают маску на лицо, анестезиолог просит меня считать, начиная с десяти в обратном порядке. Я не считаю, я смотрю Джеку в глаза и говорю ему своими глазами, что люблю его... пока не проваливаюсь в темноту.

Просыпаюсь от того, что у меня пересох рот, я лежу на животе. Первое, что вижу Джека, сидящего неподалеку на стуле, но он смотрит не на меня. Он смотрит в темное окно, находясь мыслями где-то далеко. Несколько секунд я удивленно рассматриваю его. Конечно, его выражение лица нельзя назвать счастливым. Мне казалось, что он будет доволен мной. Будто он чувствует, что я внимательно разглядываю его, поворачивается ко мне и выражение на его лице мгновенно меняется. Он улыбается.

— Привет, — шепчет он.

Я наблюдаю, как он поднимается и идет ко мне.

— Операция прошла успешно, и думаю, ты будешь очень довольна результатом.

Его голос звучит как у обычного врача, беседующего со своим пациентом. Потом он гладит меня по волосам и снова становится моим Джеком. Я прошу попить. Он внимательно следит за мной, пока я пью воду.

Хотя я улыбаюсь и отвечаю на все его вопросы о моем самочувствии, отстраненное, несчастное выражение лица, которое я увидела, когда он думал, что его никто не видит, остается у меня в голове и немного царапает мое счастье.

30.

Джек

Когда последний пациент, которого я консультирую, уходит из моего кабинета, Карен говорит в селектор, что у стойки регистрации меня ждет Лена.

— Пусть войдет, — отвечаю я, потирая затылок. Я не должен находиться здесь, но мне приходится работать, чтобы восполнить перенесенные часы приема, которые я все время менял, потому что больше не могу вовремя приходиться на работу утром.

Лена заходит и садится передо мной. Она кладет сумочку на стол и улыбается.

Я отклоняюсь назад в кресле и с любопытством рассматриваю ее.

— Как дела, Лена?

— Прежде всего я хочу поблагодарить тебя за то, что ты сделал для Софии. Я так благодарна тебе.

Я чувствую, что она пришла не поэтому.

— Ты не должна меня благодарить, Лена. Любой на моем месте сделал бы то же самое.

Она немного елозит в кресле.

— Я имею в виду не только операцию. Ты сделал ее счастливой.

Я киваю. Я знаю, что сделал Софию счастливой, но она сделала меня счастливым тоже. Очень счастливым.

— Чувства взаимны, — мягко говорю я. — Это взаимно.

Она снова улыбается.

— Вы с Софией решили, что на следующей неделе она останется у тебя, чтобы ты с мог заботиться о ней?

Я наблюдаю за выражением ее лица, не проявляя эмоций.

— Да, и что?

— Но тебе придется работать днем, верно?

— Угу.

— Кто будет тогда ухаживать за ней?

— Завтра я не пойду на работу, чтобы побыть с ней, но как только я сниму бинты, она сможет передвигаться и ухаживать за собой сама. Кроме того, я буду всего в тридцати минутах езды от дома. Если ей что-то понадобится, то всего лишь нужно мне позвонить.

Она прочищает горло.

— Вот, о чем я подумала. Тебе стоит переехать в нашу квартиру на пару недель. Таким образом, я смогу помогать ей в течение дня, а когда ты вернешься с работы, я буду возвращаться в Чешир.

Я с удивлением смотрю на нее. Должен признаться, я никогда в своей жизни не сталкивался с такой самоотверженной любовью между двумя сестрами. Одна часть меня возмущается тем, что мне приходится делить даже унцию Софии с кем-то еще, а другая — не может нарадоваться таким редким и добрым отношениям.

— В этом нет особой нужды. Ты можешь приезжать и оставаться с ней у меня дома в течение всего дня, — предлагаю я.

— У меня есть ребенок и все ее вещи у нас в квартире, но я готова приходить к тебе, если ты не хочешь оставаться у нас. Вы оба можете переехать в нашу комнату, так как она гораздо больше и имеет отдельную ванную. Для тебя это тоже будет лучше. Будет удобнее ходить на работу. Ты сможешь экономить десять минут, — с убеждением говорит она.

Я задумчиво потираю подбородок.

— А как твой муж относится к этой... идеи?

Она улыбается.

— Вообще-то, это была его идея. Я была одержима прошлой ночью, как решить эту проблему, и он предложил такое решение.

У меня непроизвольно поднимаются брови. В прошлый раз, когда мы познакомились с Гаем, он не слишком был мной впечатлен. На самом деле, я отчетливо помню, что он даже немного озверел, увидев меня и пытаясь пообщаться.

— Ну что, ты согласен? — спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Я могу переехать к вам на неделю.

Она выдыхает с облегчением.

— Спасибо, Джек. Я так рада. При обычных обстоятельствах я бы предпочла отвезти ее обратно в Чешир, но поскольку я верю, что она быстрее поправится с тобой, я с удовольствием буду каждый день приезжать и ухаживать за ней.

Я провожу первую ночь в больнице с Софией. После того, как она засыпает, я выхожу в коридор, чтобы выпить неплохой кофе из автомата и сажусь на один из диванов. Уже поздно и вокруг никого. Странное чувство находится в больнице в это время. Я смотрю на стеклянные

двери и вижу людей, проходящих мимо.

Медсестра, подготавливающая Софию к операции, выходит из-за стойки регистрации, но увидев меня, направляется ко мне.

— Какой ужас у нее был на спине. Какой ублюдок мог такое с ней сделать? — спрашивает она.

— Не знаю, — говорю я.

— Я бы убила его, если бы увидела, — гневно бормочет она. — Это ужасно неправильно, что он остался живым и здоровым. Мысль, что мужчина может так поступить с женщиной и свободно ходить по земле, меня выводит из себя, — говорит она.

Я молчу, потому что не в состоянии ответить. Я сжимаю зубы, чтобы сдержаться. Она даже не может себе представить, что я чувствую к этому монстру. Я бы не просто убил его. Я бы бросил его живым и заставил страдать дни напролет.

— В любом случае, это меня вымотало за ночь. Моя дочь прилетела из Германии, поэтому я закончила смену. — Она выглядит счастливой.

— Отлично провести время, — говорю я.

Медсестра отходит, а я плююсь в свой кофе. Опять накатывают воспоминания об Африке. Там было тоже самое, все, что я мог делать, но при этом ничего не мог изменить. В заключении, вот такая произошла х*йня — оказывается я был всего лишь нанят, чтобы залепливать пластырем и бинтами гниющие раны. Мне хочется выпить, чтобы не чувствовать эту боль, раньше всегда помогало, но я знаю, что сегодня не поможет. Ничего не поможет.

Я поднимаю голову и смотрю на стеклянную стену. Небо бархатное и на нем полно звезд. Если там есть Бог, тогда пусть этот зверь с садистскими наклонностями найдет свое возмездие. Я специально выпиваю кофе, чтобы укрепить свое желание, выбрасываю пластиковый стаканчик и возвращаюсь в комнату Софии.

Я открываю дверь, она уже проснулась.

— Я думала, ты уехал домой, — говорит она.

— Не без тебя, Принцесса. Я никуда не поеду без тебя.

31.

София

Техника Джека называется коррекция рубцов в геометрически закрытые линии. Мне назначили обезболивающие, но я не принимаю их, потому что слишком счастлива и не чувствую никакой боли.

Через сорок восемь часов после операции Джек в ванной комнате снимает повязки.

— Хммм... , — говорит он.

— Как там все выглядит? — с беспокойством интересуюсь я.

Джек ставит меня перед зеркалом.

— Закрой глаза.

С замирающим сердцем я следую его указаниям.

— А теперь открывай.

Я тут же открываю, Джек держит перед собой еще одно зеркало. Я смотрюсь в него и резко выдыхаю. Несмотря на то, что кожа по-прежнему опухшая и покрасневшая, но то уродство исчезло! Все рубцы, покрывающие спину и ужасные красно-коричневые слова исчезли. Кожа стала такой, словно никогда ничего и не было. Я прикрываю рот руками и встречаюсь с его взглядом в зеркале.

— Нравится? — спрашивает он.

Я разворачиваюсь и беру его лицо в ладони, целую. Я теряюсь в нашем долгом поцелуе, в его свежем ощущении губ, вкусе, запахе, чувствах моего мужчины. Потом я отстраняюсь.

— Выглядит... просто потрясающе, — шепчу я ему в губы.

Он удерживает меня в нескольких дюймах от себя.

— Это еще не конец, а только начало. Через две недели ты начнешь носить силиконовый пластырь. Когда твои швы окончательно заживут в течение примерно четырех недель, я увеличу объем жировой ткани в оставшихся выемках. После этого я буду заново шлифовать оставшиеся шрамы с помощью лазера Фракселя.

Я улыбаюсь ему.

— Но это тоже не конец, потому что потом тебя ждет микрошлифовка кожи. После этого шрамов не будет видно вообще, даже если усиленно присматриваться.

Я с трепетом смотрю на него. Он мой Спаситель, мой защитник, мое все.

Он покачивает головой.

— Как тебе удастся выглядеть такой сладкой и милой после всего, через что ты прошла? Это просто невероятно, что ты не поддалась злу и жестокости, в которой вынуждена была жить, — удивляется он.

Я смотрю в глубину его красивых глаз.

— Спасибо.

— Отблагодаришь меня должным образом, — шепчет он.

У меня перехватывает дыхание.

— Как?

Он запускает пальцы в мои трусики и стягивает их вниз. Они падают к моим ногам. Джек подхватывает меня под задницу и поднимает. Я обхватываю его талию ногами, прижимаясь

влажной промежностью к его животу. Наши тела ничего не разделяет, только его тонкая рубашка. Я приподнимаю ее. И моя открытая промежность начинает медленно тереться по его коже. Я хочу оставить на нем свой запах, чтобы он окончательно стал моим.

Его глаза становятся темными, в них светиться сумасшедшее желание, он подносит меня к столешнице рядом с раковиной и усаживает на нее.

— Откройся, моя красавица, — приказывает он хриплым голосом.

Я развожу ноги. Взглянув мне в глаза, он проскальзывает двумя пальцами внутрь и умело двигает ими, расширяя мои внутренние стенки. Я хнычу, он опускается на колени между моими бедрами. Я чувствую его горячее дыхание на открытой киске, а потом его рот прихватывает мой клитор и начинает жадно сосать, словно он сильно проголодался, словно для него все мало и мало, и он никак не может насытиться.

Я опускаю взгляд вниз, другой рукой он двигает грубо и бешено по своему члену. Одна из его любимых вещей — пробовать меня. У меня никогда не было мужчины, который бы так любил пробовать меня на вкус. Я раздвигаю ноги еще шире, чтобы предоставить ему больший доступ, он рычит от страсти и удовольствия.

Мы не на минуту не отводим наших взглядов друг от друга.

Меня с силой накрывает оргазм, причем быстро.

Секунду назад я смотрела на него, а потом на меня накатывает волна, и глаза западают куда-то в мозг. Я кричу, как баньши, и бью рукой по его руке, рту и подбородку. Мне до сих пор стыдно и непривычно, что он насыщается моими соками, но с другой стороны — это выглядит неописуемо сексуально.

Его пальцы все еще внутри меня, Джек поднимается. Убрав руку, он восьмью дюймовым большим, горячим членом наполняет меня до краев. Я запрокидываю голову назад и стону от удовольствия.

— Это. И. Есть. Твоя. Благодарность. Мне, — рычит он, толкаясь туда-сюда сквозь мои сжимающиеся мышцы.

— Жестче, — с каждым хлопающим звуком прошу я.

Он накрывает мои губы, пробираясь в рот, глубоко толкая язык, заставляя меня его сосать. Движение одновременно агрессивное, доминирующее и полностью собственническое. Как только он увеличивает темп, отстраняет свои губы от меня.

— Скажи мне, что ты моя, — приказывает он.

— Я твоя, — отвечаю я.

С хриплым рыком он изливает свое горячее семя.

— Иногда я не могу поверить, что ты настоящий, — произношу я.

— У меня такая же гребанная проблема, — бормочет он.

Улыбаясь, я наклоняюсь вперед и опускаю голову ему на грудь. Он обхватывает своими огромными руками меня за талию, и его член опять дергается внутри меня. Это так

великолепно.

32.

София

В четверг Лена вместо меня проводит урок. Я интересуюсь, как все прошло, она говорит, что приходила Лори, но увидев, что меня нет, сразу же развернулась и выбежала из класса. Лена также сказала, что она выглядела испуганной и бледной.

Интересно, что с ней не так, но я абсолютно ничего не могу поделать, только дожидаться своего следующего урока с надеждой, что она появится. А пока моя жизнь — огромная чаша самой красной, спелой, сладкой вишни. Постоянная еда, смех, радость и секс. Боже мой, секс.

Даже несмотря на то, что на мне еще имеются повязки, они не останавливают Джека. Единственная поза, которую мы не пытаемся освоить, когда я лежу на спине, а в остальном нет предела его творчеству. Я очень часто сижу с разведенными ногами. На кровати, столах, стульях и на конце ванны. О, и иногда он заставляет меня подняться и положить ногу ему на плечо, пока он сам себе помогает. Как я уже сказала, мы ограничены только его творчеством.

Обычно Лена прибывает к десяти утра и остается, пока не приходит время уезжать домой. Мы беседуем, читаем, играем с Ириной, ходим на небольшие прогулки. Поэтому время пробегает быстро, и наступает четверг. Мне удастся убедить Джека и Лену, что я чувствую себя достаточно хорошо и в состоянии вести уроки по музыке, но меня больше заботят не мои музыкальные уроки, сколько волнует Лори.

Меня не покидает чувство, что я должна с ней увидеться. После стольких лет в борделе, моя интуиция отточена на такие вещи. Я просто чувствую, что что-то не так. Я чувствую это всем своим нутром. Поэтому, когда мы приезжаем в центр, я поджидаю ее в своем классе. Все девочки приезжают вовремя, Лори по-прежнему нет. С разочарованием я начинаю занятия без нее. Когда мы уже почти заканчиваем, она появляется в дверях. Она тяжело дышит, видно бежала, и глаза полны ужаса.

— В чем дело? — спрашиваю я, поднимаясь с табурета у рояля.

Она бросается ко мне и моментально выпаливает:

— Пожалуйста, помоги мне, София. Моя мать очень больна. Боюсь, она может умереть.

Я беру ее за руку.

— Отведите меня к ней. — Она тянет меня к двери. Я знаю, что мне нельзя бежать, швы натягиваются на спине, но ничего не могу поделать. Я понимаю, что ситуация чрезвычайная. Мы бежим по коридору, открываем дверь, ведущую к стойке регистрации. Джек с Леной поджидают нас там.

— Ого, ого, ого, — предостерегает Джек, поднимая руки, как бы показывая мне, что не следует этого делать.

— С матерью Лори совсем плохо. Мы должны помочь ей, — говорю я им.

Он поднимает руки.

— Сначала просто успокойтесь вы обе. — Он переводит взгляд на Лори. — Что случилось?

— Мама болеет две недели, но сейчас ей стало хуже.

— Не волнуйся, Лори. Мы поможем твоей маме. — Он смотрит на меня. — Я пойду. Оставайся с сестрой.

Я тут же чувствую, как Лори сжимает мне руку. Я опускаю на нее глаза, она умоляет меня своим взглядом.

Я перевожу взгляд на Джека.

— Я тоже пойду.

— Не надо.

— Пожалуйста, — умоляюще произношу я.

— Хорошо, — говорит он. — Но ничего не будешь делать.

— Роберт отвезет вас. И если вам придется отвезти ее мать в больницу, Роберт сможет помочь перенести ее и высадит вас прямо у входа неотложной скорой помощи. Вам не нужно будет парковаться.

— Хорошее решение, Лена. Спасибо, — отвечает Джек.

Мы быстро идем к машине и подъезжаем к ее дому. Она живет в одной из четырех высотных башен за зданием центра. Мы входим в разрисованный граффити подъезд, замечаем Эндрю, мальчика, который приходит к нам в центр, у железной двери. Он улыбается нам как-то растерянно.

Интересно почему, но потом я замечаю более старших ребят рядом с ним. Я могу сразу сказать, что они маленькие дилеры, поставляющие наркотики. Я узнаю эти бегающие глазки за милю. Много лет я наблюдала, как они шляются по борделям.

Мне становится грустно из-за Эндрю, который бродит с толпой таких ребят, это всего лишь вопрос времени, когда он станет одним из них. Мне нравится Эндрю. Он умный и милый мальчик. Джек тоже заметил его, потому что он хмурится, когда нажимает кнопку лифта.

— Твоя квартира тоже в этом доме? — спрашивает Джек, пока мы ждем лифт.

— Шестьдесят четыре, — говорит он, двери лифта открываются.

Джек кивает, и мы спешно заходим внутрь. Внутри лифта пахнет мочой. Мы выходим на четвертом этаже. Лори ведет нас к зеленой двери по коридору. Она открывает дверь ключом. Вонь бьет в нос, вызывая рвотный рефлекс.

— Сюда, — говорит она, и ведет нас в холодную спальню, окна закрыты занавесками. Бледная женщина лежит на кровати.

— Мама. Я привела кое-кого, чтобы тебе помочь, — рыдает Лори.

Ее мать настолько слаба, что едва может открыть глаза. Она дышит с трудом.

— Лори, — немощно стонет она, потом начинает что-то говорить на незнакомом мне языке.

— Мама, они не скажут папе. Я знаю их. Они — хорошие люди, — говорит Лори.

Джек проходит вперед.

— Твоя мать может говорить по-английски? — спрашивает он Лори.

— Немного.

— Расскажи мне ее симптомы. Что с ней?

— У нее температура и боль в желудке, и она все время чувствует себя очень усталой. И она не может есть.

— Сколько уже времени?

— Две недели, но ей становится только хуже.

Джек передвигает одеяло. Он поднимает ее ночнушку вверх, открывая живот. Дотрагивается до нижней части живота поближе к пупку, она стонет. Он нажимает на область справа, и она кричит от боли.

Он поднимает голову на Лори.

— Лори, иди и вызови лифт. Затем попроси Роберта подогнать машину, как можно ближе к подъезду.

— Что случилось с мамой? — спрашивает она испуганно.

— Сейчас нет времени все объяснять. Шевелись и делай то, что я сказал. Поговорим позже.

С рыданиями Лори выбегает из квартиры.

Он оборачивает мать Лори в одеяло и подсовывает руки ей под голову и колени.

— Открой входную дверь и держи двери лифта открытыми, чтобы я смог зайти, София, — говорит он, поднимая ее вверх.

Я быстро выполняю его приказания. Лифт быстро поднимается, и я ставлю между дверьми стул, чтобы они не закрылись. Он выбивает стул, как только подходит ко мне.

Мать Лори что-то бессвязно бормочет.

Я захожу в лифт и нажимаю кнопку первого этажа.

— Что с ней? — спрашиваю я, как только двери закрываются.

— Думаю, у нее лопнул аппендикс.

Я в шоке пялюсь на него. Я слышала о людях, которые умирают от разрыва аппендикса. Двери со скрипом открываются, и я иду вперед, удерживая входную дверь. Эндрю по-прежнему находится здесь, поэтому подбегает к нам.

— Помочь, Джек? — спрашивает он.

— Спасибо, Эндрю. Вот так.

Осторожно Джек кладет женщину на заднее сиденье. Затем он просит Роберта выйти из машины, Лори сесть вместе с матерью, чтобы держать ее голову на коленях, потому что для нее поездка будет не легкой. А потом говорит мне сесть рядом с водителем.

Сам он садится на место водителя и заводит машину.

33.

София

— Что с моей мамой? — испуганно спрашивает Лори.

— Похоже, у нее разорвался аппендикс, но хорошая новость в том, что мы вовремя успели. После того, как ей удалят его, она будет чувствовать себя лучше.

Как и предсказывал Джек, поездка была очень тяжелой для матери Лори. Движение автомобиля вызывает гримасу боли у нее на лице, и каждый крохотный бугорок заставляет кричать от боли. Я ничего не могу с этим поделать.

Как только мы оказываемся в больнице, мать Лори сразу же увозят. Пока мы с Лори сидим в приемной, Джек уходит с ней, чтобы оказать какую-то помощь. Он возвращается и говорит нам, что ей срочно будут делать операцию.

Потом он отводит меня в сторону и говорит, что ее аппендикс начал гноиться.

— Аппендикс и гной были удалены, и все вычистили и продезинфицировали. К счастью, другие органы не были затронуты, особенно кишечник. Ей предстоит пройти курс убойных антибиотиков, чтобы окончательно ликвидировать инфекцию.

— Она справится? — с ужасом шепотом спрашиваю я.

Он кивает.

— Я думаю, что да.

Мне кажется, что мать Лори увезли уже целую вечность назад. Наконец, ее переводят в палату. Операция прошла успешно, но ей придется остаться в больнице на некоторое время.

Этой ночью Лори остается с нами. Я укладываю ее в комнате няни. Когда прихожу, чтобы сказать ей спокойной ночи, она с грустью смотрит на меня.

— С ней ведь все будет хорошо, правда?

— Да. Худшее уже позади. Через несколько недель она вернется домой.

Похоже, она начинает волноваться.

— Несколько недель?

— Боюсь, что так, милая.

— Завтра я могу вернуться к себе домой, да?

Я в ужасе смотрю на нее.

— Что? Одна?

Она смело кивает.

— А как же твой отец? Не хочешь остаться с ним?

Она тут же закрывается и в ее глазах появляется страх.

— Ты же не скажешь моему папе?

— Нет, нет, если ты не хочешь, чтобы мы ему сказали, конечно, нет, — поспешно уверяю я ее.

Она качает головой.

— Не надо. Пожалуйста.

— Хорошо. Не буду.

Она опять кивает.

— Ты с матерью прятаться от него? — тихо спрашиваю я.

— Да. Он бил нас. Мы сбежали из Румынии. В прошлом году мы спрятались здесь, но он пошел к моей бабушке и сказал ей, что знает, что мы в Англии и что найдет нас.

— Поэтому ты ни с кем не разговариваешь?

— Да. Мама сказала, чем больше людей узнают, где мы, тем легче ему будет нас найти.

— Ты и твоя мать очень храбрые, — говорю я ей.

— Моя мама, — отвечает она. Я думаю о своей матери. Если бы у нее было мужество сделать то, что сделала мать Лори. Убежать со всеми нами. Насколько другой бы стала для нее жизнь, и не только для нее, но и для всех нас. Но как было, так и было, ничего уже изменить нельзя.

— Может нам стоит сказать твоей бабушке? Как думаешь, она захочет узнать?

— Да, ей мы должны сказать.

— Ты знаешь, как с ней связаться?

— У меня есть ее номер телефона.

— Хорошо. Мы можем позвонить ей завтра.

— Согласна.

— Она живет одна?

— Да.

— Понятно. Возможно, мы сможем пригласить ее приехать.

— Она не сможет себе этого позволить, — с грустью отвечает Лори.

— Я заплачу за ее билет. Она приедет, как гость. Ты можешь остаться с нами, пока она не приедет. Если захочешь, можешь даже подняться в замок и остаться на ночь в башне с бабушкой. Хочешь?

Ее глаза тут же загораются.

— Правда?

— Завтра я пришлю кого-нибудь убраться у тебя в доме, чтобы когда приедет бабушка, он был чистым.

Она смущенно посматривает на меня.

— Я пыталась там убраться.

— Эй, ты проделала отличную работу.

— Спасибо, София.

— О, милая. Я ничего не сделала. Как и ты, я не знала бы, что делать в данной ситуации. Все это сделал Джек.

Она трясет головой, отчего ее локоны разлетаются в разные стороны.

— Нет, это все ты. У меня не хватило бы храбрости подойти к кому-то другому.

— Ну, к счастью, это все в прошлом. Как насчет того, чтобы поблагодарить Джека?

Она кивает.

Я улыбаюсь ей.

— Теперь, пришло время закрыть свои милые маленькие глазки и заснуть.

— Мика может остаться со мной на ночь?

Я прикасаюсь к ее маленьким носику.

— Конечно, может.

— Спасибо.

— Запрыгивай, Мика, — говорю я, и она сразу же прыгает на кровать.

— Оставайся и охраняй маленькую Лори этой ночью, — говорю я, поглаживая ее шелковистую морду. Она облизывает мне руку, а я целую ее в голову.

— Спокойной ночи вам обоим, — говорю я, оставляя дверь слегка приоткрытой.

Я иду по коридору в спальню. Джек просматривает сообщения на своем телефоне. Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней.

Он кладет телефон и улыбается.

— Все хорошо?

Я киваю.

— Запри дверь и иди сюда, — приказывает он.

— Сегодня мы должны быть очень тихими, — говорю я ему.

— Черт, тихими, — замечает он, поднимая что-то с кровати и крутя на пальце.

Я начинаю хихикать.

— Ты купил кляп?

— Были бы мозги, а шанс представится.

34.

Джек

<https://www.youtube.com/watch?v=PNc278W45ck>

В какой-то из дней, когда Лори с бабушкой переехали из башни Софии в квартиру ее матери, я возвращаюсь домой с работы и обнаруживаю Гая в гостиной. Он тут же подходит ко мне, кладет руку на плечо, а другую начинает трясти в рукопожатии.

— Я ошибался насчет тебя. Чтобы ни случилось в будущем, ты сделал очень многое для Софии. Она стала совсем другим человеком, — искренне говорит он.

Я пожимаю плечами, но ничего не могу с собой поделать, поскольку испытываю внутри настоящую гордость. Я знаю, что для нее сделаю и сделал все хорошо.

— Нет, правда, — настаивает он. — С каждым днем я вижу, как она еще больше расцветает и сияет. Иногда я смотрю на нее, и мне кажется, что она совсем другой человек, чем когда-то была.

Я улыбаюсь и ничего не говорю о своих глубоких переживаниях. Да, ее тело залатано, но это всего лишь одна победа. Война еще далеко не закончена. Настоящая проблема с Софией заключается в том, что занимаясь сексом, смеясь, поглощая пищу, танцуя, мы никогда не говорим о ее прошлом. Никогда. Даже когда я пытаюсь рассказать ей о своем прошлом, она подается вперед и с нетерпением слушает меня, поглощая каждую мелочь моей речи, но никогда ничего не рассказывает о себе, вместо этого она скажет что-то вроде: «Угадай, что у меня надето под этим платьем», или «Боже, так хочу, чтобы ты сейчас был внутри меня».

Это словно махать красной тряпкой перед быком. Моя реакция предсказуема. Мы занимаемся сексом, и момент упущен. Конечно, мне не хочется слышать обо всех этих мужчинах. Для меня даже достаточно одной только мысли о них, и у меня сжимается живот и хочется кого-то убить, но я не хочу, чтобы ее прошлое было пустым местом, белым пятном.

Я остро чувствую, как собственник, что ревнив, и она это тоже ощущает, но я хотел бы, чтобы

она мимолетно хотя бы бросила в мою сторону малюсенькое замечание о своем детстве. Я понял уже, что ее отец был жестоким садистом, но нельзя жить полноценной жизнью, не разобравшись и не вспоминая свое прошлое.

Иногда мне хочется расспросить Лену о том, что на самом деле произошло, чтобы разобраться во всем. Тогда бы у меня сложилась картина ее детства, и я бы многое понял. Я знаю, что владею ее телом, но для меня этого мало. Я хочу ее всю — разум, тело и душу.

— Выпьешь со мной? — предлагает Гай.

— Конечно. Пиво.

Он достает бутылку из мини-холодильника под баром и наливает себе виски.

— Налить в стакан? — спрашивает он.

— Нет.

Он отдает мне бутылку. Я улыбаюсь ему в ответ и делаю глоток.

— А где девочки?

— Лена помогает Софии наряжаться.

Я хмурюсь.

— Есть какая-то причина?

— Это своего рода сюрприз.

Я настороженно поглядываю на него.

— Хорошо.

— А вот и они.

Лена появляется первой, улыбаясь во весь рот, как у чеширского кота. А потом появляется София, и я испытываю удар под дых. Я смотрю на нее огромными глазами, с челюстью, упавшей на пол. Господи Иисусе! На ней — красное платье из какого-то обтягивающего материала и туфли на высоком каблуке. Ее волосы уложены волнами, спускающимися по спине. Она выглядит чертовски потрясающе.

— Привет, — тихо произносит она.

— Поразительно! Просто вау, — только и могу я сказать, голос хриплый с придыханием. Она никогда не наряжалась для меня.

София краснеет, отчего выглядит еще прекраснее.

— Ну, мы пойдем, — говорит Лена.

— Пока, — только и могу я вымолвить, даже не повернув голову в их сторону.

Входная дверь закрывается, и в квартире устанавливается слишком тихая тишина.

Я подхожу к ней и беру ее за руку, медленно кружа вокруг.

— Как женщина может быть такой красивой! — шепчу я.

— Я не красивая. Моя сестра — настоящая красавица в нашей семье...

Я опускаю палец ей на губы.

— Не надо. Не пренебрегай нашим счастьем. Мы самые счастливые люди на земле.

Улыбка дрожит на ее губах.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я.

— Мы идем на концерт классической музыки.

У меня вырывается стон.

— Не говори мне, что отвезешь меня в место, где мне придется несколько часов сидеть твердым рядом с тобой в темноте.

Она хихикает.

Я в восторге. Насколько прекрасна моя девушка.

— Ты выживешь. Я хотела на свои деньги, которые впервые раз получила от аренды квартиры, сводить тебя на концерт. Гай и Лена подарили мне квартиру, чтобы я смогла ее сдавать и у меня были бы свои деньги.

— В таком случае, для меня это честь.

Она ведет меня на концерт Ванессы Мэй, и я вынужден признать, что эта женщина удивительна. Она прекрасно смотрится со своей скрипкой, с которой управляется настолько виртуозно, наверное, как любая рок-звезда, и играет так, что можно только мечтать.

Потом мы отправляемся на ужин в модный ресторан. И первый раз мы ссоримся, когда приносят счет. Я очень рад, что у нее имеются свои собственные деньги, и она чувствует себя более уверенной и счастливой, но будь я проклят, если моя женщина сама будет оплачивать счет в ресторане. Мы заканчиваем нашу ссору на автостоянке с моим языком у нее во рту.

И я никогда не забуду стрип шоу, которое она мне устроила потом до конца дней своих.

35.

София

<https://www.youtube.com/watch?v=eJSik6ejkr0>

(Сбежавшая)

Через десять дней после операции я возвращаюсь в апартаменты Джека. Каждый день я встаю перед зеркалом и заглядываю на свою спину. С каждым днем я вижу улучшения. Краснота спадает. Отек может еще держаться полгода, потом исчезнет, но он все равно постепенно

сходит.

Иногда я оставляю волосы распущенными и хожу голой. Раньше я не могла такого себе позволить, потому что кончики моих волос застревали в выжженном клейме, раздражая и напоминая о шрамах у меня на спине.

Это, несомненно, самое счастливое время в моей жизни. В один из дней мы идем на свадьбу знакомого Джека, Ноя Абрамовича, у него поразительно красивая невеста.

— Мы просто покажемся на свадьбе, а затем уедем, — говорит мне Джек, но когда мы попадаем на мероприятие, нас встречают как почетных гостей, поэтому наши места за столом на самом видном месте. На свадьбе присутствует очень знаменитый пианист Александр Маленков. Я чуть ли не умираю, когда он направляется к нам, чтобы поприветствовать. Я так взволнована, пожимая ему руку, что Джек начинает ревновать.

— Может мне стоит немного приглушить его звездность? — рычит он.

Я смеюсь.

— Он мне не нравится, просто невероятно талантлив.

— Ну, тогда больше не смотри на него так, как ты смотрела.

— Конечно, нет. Кроме тебя для меня нет другого мужчины, детка.

Он втягивает воздух носом.

Мика быстро подрастает. Иногда я просыпаюсь утром и вижу, что она за ночь еще подросла. Как и я, она влюблена в Джека. У нас наступает настоящий сумасшедший дом, когда Джек возвращается с работы. Лай, вой, скулеж, прыжки, поцелуи и обнимашки.

На пятый день моего пребывания у Джека что-то случается с отоплением, температура в квартире резко падает. Лена советует мне поехать в квартиру в Кенсингтоне, но я отвечаю, что дождусь Джека, и если он не сможет починить, тогда мы вместе пойдем в наши апартаменты. Я убеждаю ее, что не так уж холодно, но включаю духовку и оставляю дверцу открытой.

Но когда я кладу трубку и захожу в гостиную, чувствую, что температура упала еще на несколько градусов, поэтому я решаю закутаться в одеяло и свернуться калачиком на диване с книгой.

Войдя в спальню, где совсем холодно, открываю шкаф. Я видела одеяла на нижней полке. Присаживаюсь на корточки и вытаскиваю три одеяла. Что-то твердое падает с мягким стуком на пол. Я роюсь в одеялах, выискивая что выпало и вижу фотоальбом. Темно-синий с коричневым картоном, выпирающим по краям из-под обложки, на которой остались царапины и отпечатки пальцев.

На несколько секунд я замираю, пялясь во все глаза, как будто это какой-то инопланетный объект из космоса. Инстинктивно, я чувствую, что этот альбом не совсем обычный. Если бы он был совершенно обычным, его бы не спрятали в одеяло и не затолкали к задней стенке шкафа. Я с трудом выдыхаю, наклонившись, чтобы поднять его с пола.

Я держу его в руках, но не открываю. Провожу пальцем по отпечаткам пальцев. Они

принадлежат Джеку. Они больше, чем мои и принадлежат моему любовнику. Мужчине, за которого я готова отдать жизнь. Я пробегаю большим пальцем по корешку.

Наверное, неправильно открывать его?

Да, но это же не дневник. Это всего лишь альбом. Если бы у меня был фотоальбом, я была бы не против, чтобы его посмотрели, так ведь? А почему нет? В нем же были бы фотографии моей семьи.

Я открываю обложку. Мое сердце усиленно начинает колотиться в груди. Стук. Стук. Стук. Я заглядываю внутрь. Удерживаемый воздух вырывается из легких наружу со свистом.

О сладкий Иисусе!

Я медленно переворачиваю страницы. Страницу за страницей. В полном оцепенении. Я не верю своим глазам. Как я глупа. Насколько слепа. Конечно. Здесь собранно именно то, что давно можно было понять. Я не хочу больше его смотреть. Дрожь от отвращения пробегает по всему телу. Руки дрожат от шока, когда я переворачиваю последнюю страницу и закрываю альбом.

Я сажусь на пол и аккуратно запихиваю альбом обратно в одеяло. И убираю его туда, где нашла. Другие одеяла я кладу сюда же на нижнюю полку. Потом внимательно осматриваю их. Ммм... красное одеяло было сверху синего. Я меняю их местами. Да, именно так они и лежали.

Я закрываю дверь шкафа и поднимаюсь на ноги.

Я чувствую слабость от острого чувства потери, но всего лишь мгновение. Я вытираю руки о джинсы, словно они испачканы в чем-то. Пальцы заиндевели, но я не чувствую холода.

Мысли кружат, как при порыве ветра, закручивая листья в воронку. Боже. Боже. Когда моя сестра увидела мою клеймо, она впала в истерику. Теперь, заглянув в прошлое Джека, я нахожусь на грани.

Я выхожу из спальни и иду в гостиную. Сердце покалывает от боли. Боже, черт побери, как все плохо. Я никогда не чувствовала себя так, даже когда был шлюхой Валдислава. Тогда я вообще ничего не почувствовала. Ничего. Я была пустой, без единой эмоции. Ничего меня не интересовало. Тогда, словно время остановилось. Я хочу, чтобы сейчас стало именно так, словно время остановилось. Потому что боль просто невыносима. Я не могу ее терпеть. Слишком больно. Мне необходимо ее прекратить. Я выбегаю из квартиры без пальто.

Я чувствую, как у меня дрожат ноги.

Помню, как выхожу на улицу.

Голова гудит.

Уже темно. Пальцы онемели. Мимо меня проходит женщина в синем пальто, но она меня словно не замечает. Я завидую ей. Очевидно, она торопится домой, в тепло, к тому, кто ее любит. Она никогда не была грязной проституткой, как я. Она никогда не возвращалась к жизни, она даже не знает, что это значит.

Люди проходят мимо. Я, словно невидимка для всех. Сажусь в автобус и слышу приглушенные голоса вокруг. Их жизнь лучше моей. Я беспокойно отбиваю такт ногой. Внутри боль так и не

проходит, скорее решила укорениться навеки, сплеть себе гнездо, как птица. Слезы начинают струиться по щекам, но мне хочется выть. Так же, как Лена, когда она увидела мою спину. Я хочу выть от этой нестерпимой боли.

— Вы в порядке? — спрашивает меня кондуктор.

— Меня сейчас вырвет, — бормочу я.

Он звонит водителю, чтобы остановил автобус. Спотыкаясь, торопливо подхожу к обочине дороги. Автобус продолжает свой путь. Смутно чувствую ладонью грубую стену здания, пока стою рядом, выворачивая свои кишки.

— Мне холодно, — сама себе шепчу я, тело начинает знобить.

Надо было надеть пальто. Я вспоминаю Джека. Как он сегодня утром обнял меня, когда проснулся. Как он гладил мои волосы. Как он вошел в меня. А потом кончил.

Меня выворачивает опять вместе с рыданиями.

Но самое интересное, знаете что? Мимо меня проходят люди, много людей, но ни один человек не останавливается. Никто не хочет помочь. Никто. Потому что женщина без пальто в феврале. Наверное, думают, что она сумасшедшая. Я вытаскиваю платок из кармана и вытираю лицо. Оглядываюсь вокруг.

Перед глазами все расплывается, поэтому четко разглядеть предметы трудно. Мне не нужно было влюбляться в него. Лена была права. Мне нужно было не поддаваться его чарам.

Я иду к следующей автобусной остановке и сажусь на другой автобус. Я знаю, куда еду. Я знаю, чего хочу. Я хочу, чтобы время остановилось. Я не хочу чувствовать боль. Я устала от жизни. Я просто хочу спокойствия и мира. Я не хочу больше ни о чем переживать. И я знаю, как достигнуть пустоты.

36.

Джек

<https://www.youtube.com/watch?v=S4kzGhDEURA>

(Если завтра никогда не наступит)

Ключ поворачивается в замке, и я чувствую панику. Распахиваю дверь, шагнув в пустой коридор. Квартира вымерзла. Я толкаю дверь в спальню, и в жуткой тишине вижу ее прекрасный, душераздирающий, тоскливый, мрачный, разрывающий сердце взгляд, уставившийся в одну точку.

Вот мое сердце, моя любовь, моя жизнь.

Сидит на кровати. Замороженная. Хрупкая. Мягкий свет от прикроватной лампы освещает одну сторону ее лица. На ней белая блузку под кремовым свитером и синие джинсы. На свитере виднеются два темных пятна. Я удивляюсь, как они туда попали.

Ее волосы собраны сзади в косу, болтающуюся на спине, но несколько выбившихся прядей

обрамляют лицо и шею. Глаза красные и опухшие. Она плакала.

На прикроватной тумбочке горит свеча и лежит ложка. Телефонный шнур перевязан вокруг ее руки. И она держит шприц.

Если бы я пришел на несколько секунд позже, то... Эта убогая игла уже была бы в ее вене. Я чувствую, как у меня в животе начинается пожар.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она совершенно спокойным голосом, лишенным эмоций. Как будто мы чужие люди. Как будто я прервал ее, когда она пекла пирог или пришивала пуговицу к одежде. Я ее не узнаю, и озноб пробирает меня до костей.

Я делаю к ней шаг, боясь ее испугать.

Она смотрит на меня все с тем же выражением, никаким. Но в данный момент я единственный, кто способен ее защитить. Единственный, кто может спасти ее от когтей прошлого. Она смотрит на меня широко открытыми глазами. Я останавливаюсь напротив. Она напоминает мне маленькое животное. Может быть, лань. Совершенно невинную. Жалкую. Этот жестокий мир предал ее. Искромсал. Использовал ее для своих удовольствий. Появляются слезы у нее в глазах.

Боже, я так ее люблю, что мне хочется убить всех, кто когда-то причинял ей боль. Она выглядит такой потерянной. Она опускает голову, и на затылке я вижу маленькие косточки, которые выпирают из гладкой кожи. Это причиняет мне боль. Я исцелю ее. Я снова соберу ее по частям. Я оберну ее ноги вокруг себя и наполню ее тело любовью.

— Почему? — потрясенно шепчу я.

Она поднимает на меня глаза. В ее взгляде появляется ужасная боль, отражающая на лице. Кажется, целую вечность мы смотрим друг другу в глаза. Мир перестает вращаться. Существует только этот момент, застывший во времени. Затем у нее напрягаются плечи, взгляд ее глаз меняется. И у меня внутри слышится предупредительный звонок.

София

Я смотрю в его глаза и вижу самого прекрасного мужчину, которого знаю. Посмотрите на него. В свете лампы он сияет, как Бог. Прекрасный и идеальный. Великолепный. Такой мужчина не для меня. Он стоит надо мной дикий в своей целеустремленности. Он думает, что может меня спасти. Он никогда не сможет.

Никто не может. Как я могу забыть, что со мной делали? Я осквернена и загрязнена. С ним должна быть чистая женщина. Женщина, которая родит ему детей и будет идти рядом с ним с гордо поднятой головой, не боясь, что ее назовут шлюхой.

Ибо я знаю, что однажды войду в комнату, и незнакомый мужчина скажет: «Я видел тебя. Я видел видео с тобой. Ты звезда шоу притона. Как ты купалась в их сперме». Джека передернет. Он станет стыдиться меня. А вдруг какой-нибудь старый клиент вспомнит, как трахнул меня в задницу.

Нет, я не буду ждать еще один день, чтобы попасть в такой просак. Я все завершу сегодня. Я

буду храброй. Я внушу ему отвращение к себе, и он убежит от меня навсегда. Я точно знаю, как это сделать.

Джек

Замедленным движением она поднимает руку с белыми костяшками и протягивает мне шприц.

Я смотрю в ее красивые глаза.

София, София, София. Моя заколдованная, губительная сказка.

Я наклоняюсь, и она вздрагивает от страха.

— Тише... не бойся меня, София. Я никогда не причиню тебе вреда. — Улыбаюсь я ей.

Она не улыбается в ответ.

Я взбиваю подушки и осторожно толкаю ее на них. Она сопротивляется, но потом позволяет мне положить ее голову на подушки. И смотрит на меня. Удивляясь, что я задумал.

Запах ее шампуня наполняет мне ноздри, я беру шприц из ее трясущейся руки, развязываю шнур. Потом обхожу кровать и ложусь рядом с ней с другой стороны. Глядя в глубину ее глаз, закатываю рукав рубашки. Она в замешательстве смотрит на меня.

А потом ее глаза расширяются.

Я крепко перевязываю шнур вокруг своего бицепса. Она с трудом сглатывает. Я поднимаю шприц с кровати.

Она открывает рот.

— Нет, — хрипло восклицает она в ужасе. Как будто до этого она спала и только теперь поняла, что это не сон.

Я пробегаюсь пальцем по ее щеке. Чистый шелк.

— Я хочу. Смерть — это просто игра, — говорю я ей.

Слезы брызжут на руку. Ее. Вызванные сожалением.

— Прости меня, — рыдает она, цепляясь за мою руку. — Я не хотела этого. Ты он осквернен и прекрасен. Это убьет тебя.

— Я хочу умереть.

— Почему?

— Потому что я хочу знать, с чем я борюсь. С чем я конкурирую. Что здесь такого прекрасного, что ты выбираешь смерть, а не меня. Я хочу, чтобы ты знала, что нет глубины, в которую я не нырну, чтобы спасти тебя. Я лучше введу этот яд в свое тело, чем увижу его в твоём.

Она начинает тихо плакать. Она не предполагала, что все пойдет так далеко.

— Это уничтожит тебя. Я не хочу, чтобы ты умер.

Я нажимаю на вену, затем беру шприц и ввожу, выпуская всю отраву.

София

Я со страхом пялюсь на него. Я хочу его остановить, но все происходит настолько быстро и внезапно, так неожиданно, что кажется нереальным. Я замороженно наблюдаю, как убывает жидкость из шприца. Это не может происходить на самом деле.

Это Джек. Большой, сильный Джек. Джек, которого все любят.

Боже! Что я наделала? Все будут злиться на меня. Я вижу, как в его глазах появляется странный блеск. И чувство вины разливается в груди. Я прикрываю рот рукой.

О боже мой!

Он может умереть!

Он к этому не привык. Для него это слишком много. Он может умереть от передозировки. Дрожащими руками я вытаскиваю иглу из его вены. Мне срочно нужно кому-нибудь позвонить. Мне нужно позвонить Гаю. Он точно знает, что нужно сделать. Мне нужен телефон. Я пытаюсь подняться, но Джек хватает меня за запястье. Я смотрю на его руку. Он должен уже отключиться, в нем не может быть столько силы, но его хватка очень крепкая.

— Не уходи, — тихо говорит он, глаза смотрят напряженно. Зрачки такие большие, и глаза такие блестящие, что меня начинает трясти от страха.

— Я хочу позвать тебе на помощь, — объясняю я.

— Остайся. Мне не нужна помощь. Ты мне нужен. Я сделал это для тебя. Теперь ты знаешь, каково это, когда человек, которого ты любишь, делает такие вещи.

— Боже мой, а если доза слишком сильная для тебя?

— Нет ничего сильнее моей любви к тебе. Я пойду куда угодно, сделаю все для тебя. Пока ты рядом со мной ничто не может меня убить. Прикрой нас одеялом, ты должна согреться, и положи свою сладкую голову мне на грудь и жди меня.

Я тяну одеяло, накрывая нас, затем ложусь щекой ему на грудь, тепло от него начинает согревать мое промерзшее тело, и слушаю своим ухом его устойчивое сердцебиение, жду его. Он сказал, когда человек любит тебя! Человек, которого ты любишь!

Может это так? Может это, на самом деле, так и есть?

37.

София

Я обняв, лежи с ним следующие тридцать пять минут. Мы молчим, пока он не шепчет:

— Что за чертовая херня, София. Это не для тебя и не для меня.

— Это притупляет боль, — шепчу я.

— Нет никакой боли у тебя. Ничего нет, чтобы моя любовь не смогла бы излечить, Принцесса.

Я поднимаю голову и смотрю в глубину его глаз, все еще не веря его словам.

— Ты любишь меня?

— Всем сердцем и душой.

— А как же Лана?

Он хмурится.

— Лана? Вот в чем дело? Черт возьми, София. Да, я тайно был влюблен в нее, когда был мальчишкой. Она связалась с Блейком, да было сложно, но я справился. Давным-давно.

— Так вот, что имела в виду Лана, когда сказала, что ты удивил ее дважды. Что она никогда не знала тебя.

— Нет, она никогда не знала меня. Я не показывал ей настоящего себя. Только ты видела меня настоящего.

Он с интересом смотрит на меня.

— Кто тебе рассказал о Лане?

— Я не совала нос специально, куда не следует... мне было холодно, поэтому я решила взять одеяла из шкафа и, — она с трудом сглотывает, — я нашла твой фотоальбом. Каждая фотография — только она.

Он вздыхает с разочарованием в глазах.

— И из-за этого ты меня осудила?

— Все эти фотографии. Ты, должно быть, был одержим ею.

— Она была моей первой любовью, София, — говорит он, качая головой. — И я любил ее с отчаянной страстью подростка, но все взрослеют и излечиваются от своей первой любви. Это все в прошлом.

Я прикусываю губу. Мне так хочется ему поверить.

— Я вспомнила, как ты не захотел целовать ее на вечеринке в канун Рождества. Если у тебя не осталось чувств, ты бы ее поцеловал.

— Я не сделал этого по трем причинам. Во-первых, я не целую чужих жен. Во-вторых, сейчас она мне как сестра. Ее сын — мой крестник, я хорошо отношусь к Блейку, и последнее, что я хотел бы сделать в этом мире, совершить что-то подобное, что заставило бы всех нас чувствовать себя неловко. В-третьих, нужно быть дебилом, чтобы хотеть вернуться к тому, что тебе тогда кроме боли ничего не дало.

Я чувствую такое облегчение, которое мгновенно прогоняет все темные мысли.

— Почему ты не дождалась, когда я вернусь домой, и не спросила меня вместо того, чтобы бежать к Эндрю за пакетом наркотики? — спрашивает он мягко.

— Я не такая, как ты, Джек. Много плохих вещей со мной случилось, и я боролась так долго, что стала слишком хрупкой. Один маленький стук, и я разбиваюсь. Когда я наткнулась на альбом, я подумала, что все, что у нас было, было ложью, а без тебя моя жизнь бессмысленна.

— Я жил в вакууме до того, как встретил тебя. Будут происходить и другие потрясения в жизни. Ты должна научиться доверять мне. Прийти ко мне, точно веря, что для меня ничего важнее нет, чем ты.

— Откуда ты узнал, что я взяла наркотики у Эндрю?

— Он извинившись все мне рассказал. Он знает меня намного лучше, чем ему может обернуться то, что он продал наркотики моей девушке.

— Прости, что поставила тебя в такое неловкое положение.

Он сжимает мои запястья.

— Ты не поставила меня в неловкое положение. Меня ничто в тебе не может поставить в неловкое положение. Но то, что ты так глубоко скрываешь, ранит меня.

— Что? — шепотом спрашиваю я.

— Ты ничего не рассказываешь о своем прошлом. Ты можешь не вдаваться в детали, но расскажи мне что-нибудь. Я чувствую себя отстраненным от большей части твоей жизни.

Я вздыхаю.

— Дело не в том, что я хочу отстранить тебя, но почти все, что произошло в детстве, чревато болью и виной.

— Тогда расскажи мне, что не чревато болью. Расскажи мне о своей матери.

Я глубоко вздыхаю.

— Когда я была маленькой, и мой отец жестоко обращался с мамой, я хотела вмешаться. Я хотела остановить его, но мне не хватало мужества, чтобы решиться. Я была слабой. — У меня начинает дрожать голос, и он обнимает меня, крепко прижимая к своему телу.

— Все в порядке, моя любовь. Мне не нужно знать. Я просто хочу любить тебя. Вот и все.

— Есть одна последняя вещь, которую я не сказала тебе, хотя, действительно, должна была сказать еще в первую нашу ночь.

Он отодвигает меня от себя и улыбается.

— Ладно, давай послушаем еще одно «большое почему я не должен быть с тобой».

Я не улыбаюсь ему в ответ.

— Валдислав делал видео со мной... со многими мужчинами. Что, если однажды кто-нибудь, кто видел эти видео или были там, подойдет к нам и скажет тебе...?

— Сразу же произойдут две вещи. Во-первых, ему тут же придется отправиться к квалифицированному ортодонту. Если ему будет интересно, я смогу порекомендовать отличных специалистов. Во-вторых, я буду любить тебя еще больше.

Я смотрю на него, не смея дышать.

— Ты не будешь меня стыдиться?

— Стыдиться? О чем, мать твою, ты говоришь? Это последнее, что я буду чувствовать. Черт, я так горжусь тобой, я хочу закричать с крыши, что ты моя.

— Почему? Я же не особенная.

Он медленно качает головой.

— Я никогда не мог описать, насколько ты особенная для меня. Как птица не может сказать рыбе, как это чувствовать ветер в своих крыльях.

Я во все глаза смотрю на него. Это почти слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Я — та песня, которую ты никогда не пела, София. Ты не знаешь нот, мы можем попробовать вместе. Попробуй меня. Обещаю, ты никогда не пожалеешь об этом.

— А как же дети?

— А что с ними?

— Что мы им скажем?

— Мы научим наших детей всему хорошему, так что в один прекрасный день мы расскажем им, и они будут испытывать только большую любовь и сострадания к своей храброй матери.

Слезы начинают катиться у меня по щекам.

Он притягивает меня в свои объятия.

— Нет ничего, что мы не смогли бы пережить вместе. Ничего. Ты меня слышишь, София Сигал. Абсолютно ничего.

38.

Джек

«Бог подарил мужчине мозг и пенис, но, увы, когда работает один из них,

второму не хватает кровоснабжения.»

Робин Уильямс (1951-2014)

Я договорился с Софией, что мы встретимся с моей матерью. Она одевается в черно-зеленое платье, которое считает официальным и консервативным.

— Как я выгляжу? — озабоченно интересуется она.

Я не говорю ей, что нахожу ее умопомрачительно. Она надела чулки, и я вижу небольшие выпуклости на облегающем платье. Я точно знаю, что буду делать позже.

— Очень официально.

— Ты считаешь, что оно слишком официальное? — с беспокойством спрашивает она.

— Нет. Оно просто прекрасно.

— Уверен?

— Абсолютно.

Она разглаживает обтягивающий низ на бедрах, отчего кружево чулок выпирает еще больше. Мой член беспокойно дергается. Я бы убил, чтобы отнести ее в кровать, но она слишком нервничает.

— Ты бы сказал мне, если бы я была одета неправильно, правда ведь? — озабоченно спрашивает она.

Мои глаза неохотно отрываются от бедер и поднимаются вверх к ее глазам.

— Однозначно.

— Ты что, смеешься надо мной, Джек Айриш?

Я ухмыляюсь.

— Я бы не посмел.

Она смотрит на меня серьезно.

— Это очень важно для меня. Я хочу произвести хорошее впечатление.

— Не волнуйся, Принцесса. Она полюбит тебя.

— Как ты можешь быть так уверен?

— Моя мать упрашивала меня привести девушку домой в течение многих лет.

— И когда ты в последний раз приводил девушку к ней домой?

Я пожимаю плечами.

— Никогда.

— Правда?

— Да.

— Есть ли какие-то темы, которых мне стоит избегать или какие-то советы в последнюю минуту о том, как мне стоит вести себя с твоей мамой?

Я задумываюсь.

— Не говори ничего плохого о Бон Джови.

Она улыбается.

— Бон Джови?

Я приподнимаю брови.

— Она ужасно увлечена им.

— Еще что-нибудь?

— Мама любит свой дом. Я пытался перевезти ее в большую квартиру в лучшем районе, но она постоянно отказывалась, поэтому скажи что-нибудь хорошее о доме, если сможешь.

Она торжественно кивает, потом хмурит лоб от концентрации. Со стороны кто-нибудь сможет подумать, что я отдаю ей ключи от королевства.

— О, и похвали ее за приготовленные блюда. Ей это понравится.

— Хорошо. Что еще?

— И с имитируй ирландский акцент.

— Ты уверен, что ее это не оскорбит?

Я ухмыляюсь.

— Она станет твоей поклонницей.

София

Мы поднимаемся на второй этаж и идем по открытому коридору к квартире матери Джека. Джек бросает на меня взгляд.

— Расслабься, — говорит он.

Я нервно улыбаюсь, боясь, что могу не понравлюсь ей.

Джек вставляет ключ в замок и открывает входную дверь. Внутри тепло и вкусно пахнет.

— Мы пришли, — кричит он.

Тут же выглядывает женщина в дверной проем гостиной. У нее синие глаза, светлее, чем у сына, добрые. Она улыбается, как ребенок, и моя нервозность тут же проходит. Это женщина — мать Джека. Она очень сильно любит Джека и хочет ему только самого лучшего. Я хочу ей показать, что никто не сможет любить его больше, чем я.

— Какая ты хорошенькая, — говорит она, заходя в тесную прихожую. На ней красивое синее платье с брошью, приколотой на груди. Джек сказал, что она давно похоронила мужа, но до сих пор носит свое обручальное кольцо. Ее ногти покрашены светло-розовым лаком.

— Спасибо, — застенчиво отвечаю я.

Она с улыбкой посматривает на своего сына.

— Теперь я понимаю, почему твои мозги встали на место.

— София, познакомься с моей матерью, Флоренс. Ма, познакомься с моей девушкой, Софией.

Она наклоняется и целует меня в обе щеки.

— Ты даже не догадываешься, как я рада тебя видеть, София.

Джек помогает снять мне пальто, и его мать ведет меня в свою маленькую гостиную. Она очаровательная, здесь столько всего понаставлено, но так уютно.

— Какой у вас прекрасный дом, миссис Айриш.

— Зови меня Фло, дорогая. Джек сказал мне, что твоя мама умерла, так что я как мать тебе. — Она светится нежностью и добротой.

— Спасибо, Фло.

Она указывает на один из ситцевых диванов.

— Может по стаканчику шерри?

— Я готова убить за стаканчик.

Она улыбается.

— Что-то мне подсказывает, что у нас все будет хорошо.

Я улыбаюсь.

— Мне тоже так кажется.

И этот вечер становится настоящим вечером воспоминаний и смеха вместе с потрясающей едой. Флоренс приготовила баранью ногу с чесноком и розмарином.

Пока мы едим, она рассказывает, что весной дикий чеснок начинает появляться в тени лесов по всей Ирландии. Даже воздух вокруг наполняется запахом чеснока. И когда она была маленькой девочкой, она собирала листья чеснока со своей матерью, чтобы начинять баранину или добавлять в салат.

— В следующий раз я сделаю тушеную говядину в «Гиннесе». Это любимое блюдо Джека. И оно очень хорошо подходит для холодного зимнего дня, — говорит она, поднося вилку потрясающего ароматного картофельного пюре ко рту.

Десерт — шоколадный торт «Гиннесс», сверху покрытый толстым слоем белого шоколада и расплавленного сырного крема. Выглядит, как пинта «Гиннеса». Она смотрит на меня, как

ястреб, как только я кладу кусок в рот. На вкус он твердый и воздушный с отчетливым солодовым вкусом, крепким.

— Потрясающе вкусно, — правдиво произношу я.

Она тут же расплывается в улыбке, ее глаза светятся радостью.

Потом мы пьем кофе и едим шоколад из магазинчика деликатесов дальше по этой улице.

— Произнеси что-нибудь со своим ирландским акцентом, — просит Джек.

— Доброе утро, — громко говорю я, и мать с сыном падают от смеха.

39.

София

И это настоящая удача, что в то самое утро, когда я решаю приготовить тушеную говядину в «Гиннесе», мне звонит Флоренс. Когда я сообщаю ей, что нашла рецепт в интернете, ответ Флоренс вполне предсказуем:

— Ты не можешь доверять рецептам, которые выложены в Интернете. Никто не любит выдавать свои секреты, поэтому всегда что-то не досказывают, — хмуро говорит она.

Затем она говорит, чтобы я взяла бумагу и начинает диктовать рецепт. Она права. В блогах не сообщалось о том, что сначала нужно мясо как следует обжарить, за счет чего появится у рагу потрясающий вкус, в интернете ничего не говорилось об этом секрете. Мясо нужно тушить в кастрюле большими кусками, затем вытащить и нарезать. Флоренс говорит, что если мясо обжаривать маленькими кусочками оно станет жестким и его уже никак нельзя сделать мягким.

— Хочешь, я еще раз тебе всю повторю? — спрашивает она.

— Нет. Я все поняла, Фло. Спасибо.

— Хммм ... И ты должна использовать лопатку без кости.

— Я могу купить такое мясо в супермаркете, да?

— Да, дитя.

— Я сегодня же туда схожу.

— Я забыла сказать, — добавляет она, — что, также как и мясо, овощи ты тоже должна обжарить крупными кусками. И сделай это, когда мясо будет уже почти готово. Потом ты должна смешать их с мясом, чтобы они отдали свой вкус рагу. Отдельно они совершенно никакие и безвкусные, поэтому потом ты заменишь их свежими нарезанными овощами.

— Да, — говорю ей, — быстро записывая.

— Что еще? — бормочет она себе под нос. — Ах да, больше двух столовых ложек муки не клади,

иначе будет слишком густая подливка.

— Я запомню.

— И желтый лук. Не красный.

Я пишу желтый рядом со словом лук.

— Положу.

— Не слишком много, иначе он перебьет весь остальной вкус.

— Хорошо. — Замечаю я.

— Я сказала тебе, что нужно использовать куриный бульон, а не мясной?

Я просматриваю все, что записала.

— Эээ... вы не говорили, но хорошо, что сказали, потому что я бы точно использовала мясной.

— Если я еще что-нибудь вспомню, я тебе позвоню, — говорит она.

— Еще раз спасибо, Фло, — говорю я с улыбкой до ушей. Мне кажется, мне очень повезло, что она появилась в моей жизни. Она настолько искренняя и настоящая.

Приходит Лена с Ириной, и мы вместе отправляемся в супермаркет. Оставив Мику в машине, мы заходим в магазин, где я покупаю необходимые ингредиенты, Лена тоже покупает кое-что для себя. Лена остается со мной ненадолго. Мы кормим Ирину и укладываем ее спать, а сами сидим пьем кофе с пирожными с кремом, которые она купила у себя в пекарне в деревне.

— Ты счастлива, да? — спрашивает она.

— Очень, — отвечаю я со счастливой улыбкой.

Через час Ирина просыпается, Лена уезжает в Чешир, а я приступаю к приготовлению рагу. Когда я выкладываю все необходимые продукты на столешницу для готовки, звонит Джек.

— Что делаешь, куколка? — интересуется он.

— Ну, — говорю я, вываливая из полиэтиленового пакета морковь, — я готовлю для тебя сюрприз.

— Мой член уже напрягся.

Я смеюсь в ответ.

— Не такой сюрприз.

— А какой?

Я выкладываю овощи на разделочную доску.

— Знаешь, что означает слово сюрприз?

— Я знаю, что означает это слово, я не большой поклонник сюрпризов. Просто скажи мне, — уговаривает он.

— Ты можешь просить сколько угодно, но я не испорчу мой тебе сюрприз.

Он вздыхает.

— Хорошо, тогда хотя бы скажи мне, что на тебе надето.

Я окидываю себя взглядом — толстый свитер и старые джинсы.

— Честно, или мне стоит что-то приукрасить?

— Приукрась.

— Неужели ты относишься к тем парням, которые предпочитают секс по телефону, когда женщины на том конце провода имитируют оргазм, хотя, на самом деле, красят ногти на пальцах ног, а? — поддразниваю я его.

— Что за ужасные предположения в мой адрес? Я хочу, чтобы ты знала, что я никогда в жизни не пользовался сексом по телефону. Однако, я готов попробовать, если ты мне это устроишь.

Я хихикаю. Вот что мне нравится в моем Джеке. Он относится ко мне так же, как и к любой другой нормальной женщине. Чего никогда я не чувствую с Гаем и Леной. Они всегда ходят вокруг меня на цыпочках. Хотя на настоящий момент Лена совершила впечатляющий подвиг, на целый год напрочь убрав слова шлюха, проститутка или уличная проститутка с телевидения и откуда можно, в моем присутствии конечно.

Однажды, когда мы смотрели вместе телевизор, она щелкала по каналам и моментально переключила фильм «Красотка», как только он замигал на нашем экране. Она настолько страдала за мои прошлое и так боялась причинить мне боль, что даже не понимала, что своими действиями заставляла меня чувствовать себя еще более грязной и запятнанной женщиной.

Джек был совсем другим, он ничего не боится между нами и ничего не скрывает. Он полностью принял все, что со мной случилось, и ведет себя так, как будто ничего ужасного не было, как будто мне нечего стыдиться. Мы начали наши отношения с чистого листа, так он сказал. Если у него имеются фантазии, которую он хочет осуществить со мной, изображая моего клиента и оставляя на постели тысячу фунтов, мы обсуждаем это также, как его фантазии привязать меня к кровати или трахнуть в общественном месте. При каждом удобном случае он внушает мне, что мы вполне обычная пара, которая должна выяснять и обсуждать, что нам совместно нравится.

— Давай, — призывает он, используя свой бархатный низкий голос. — Мой следующий пациент будет через десять минут.

— Нет, — твердо говорю я, взяв нож. — Я не могу заняться с тобой в данную минуту сексом по телефону. Слишком занята, готовя тебе сюрприз.

— Что все так серьезно, да?

— Именно.

— Прекрасно. Видно это особенный сюрприз, — ворчит он.

Я кладу трубку по-прежнему улыбаясь, и начинаю обрезать хвостики у моркови. Все идет по плану, я уже налила куриный бульон и «Гиннесс» в мясо и овощи. Как раз собираюсь поставить тушиться в духовку, как звонит Флоренс.

— София, ты уже начала готовить рагу?

— Да, я собираюсь поставить его в духовку.

— О, слава Богу. Забыла тебе сказать нужно добавить маленькую чашечку крепкого черного кофе и кусочек горького шоколада.

— На каком этапе?

— Сейчас.

Я смеюсь.

— Вы вовремя, мне повезло, да?

Она начинает смеяться вместе со мной.

Я кладу трубку и заглядываю в холодильник. У меня нет темного шоколада. Я выключаю плиту и пишу записку Джеку, если он вдруг придет, а меня не будет.

Ушла за шоколадом. Люблю тебя. (поцелуйчики)

Затем я хватаю телефон и клатч, натягиваю пальто и свою дурацкую фиолетовую шляпу, потому что снаружи моросит дождь и шестую к входной двери. Мика скулит, желая пойти со мной погулять, но я не беру ее, она будет мокрой и грязной, и потом я уйду ненадолго.

— Жди меня. Я скоро вернусь, — говорю я и выскальзываю за дверь.

В лифте застегиваю пальто. А внизу встречаю старушку, которая живет в квартире этажом ниже нас, заходящую в подъезд, я придерживаю для нее лифт. Она улыбается, видя меня.

— Там ужасно.

— Я знаю.

— Я рада оказаться дома с чашкой чая, — говорит она.

Я выхожу на улицу. Люди уже возвращаются с работы. Я сильнее запахиваю пальто и спешу по тротуару. Вхожу в магазин, Кайя стоит за стойкой. В магазине больше никого нет, поэтому все внимание она уделяет мне, я расплачиваюсь за плитку шоколада. Она возвращает сдачу, и я слышу звон колокольчика над дверью магазина.

Разворачиваюсь и у меня останавливается сердце.

40.

Лена

Я стою у окна и смотрю на косой дождь, льет как из ведра. Не знаю почему чувствую

беспокойство и очень нервничаю. Еще с утра я чувствую, как у меня затянулся нервный узел в животе. Даже Гай похоже чувствует, что что-то не так.

Первая мысль — мое беспокойство каким-то образом связано с Софией, поэтому с утра я позвонила ей, она сказала, что с ней все хорошо. Но я все же решила к ней заглянуть. Она выглядела счастливой и здоровой. Мы вместе прошли по магазинам, но мое ощущение, что должно произойти что-то ужасное все равно никуда не делось, поэтому я прямо спросила ее, счастлива ли она.

— Очень, — ответила она, сияя, как лампочка. Такую радость и счастье изобразить невозможно. Я почувствовала себя немного лучше. Также, пока я была у нее, позвонил Джек, и от одного вида, как она растаяла при звуке его голоса, я убедилась окончательно, что с ней все хорошо.

С этим ощущением я вернулась домой, но узел в животе затягивался только сильнее, все становилось хуже, как только я оказалась дома одна. Должно быть я впала в паранойю. Может я не привыкла видеть ее такой счастливой. Я точно знаю, что Джек безумно влюблен в нее, но я все равно страшусь, что все слишком хорошо, слишком сказочно. Что-то очень плохое маячит на горизонте.

Я прижимаю руку ко лбу, может я заболеваю. Я вижу отражение Мэри в стекле окна, поворачиваюсь к ней и улыбаюсь.

— Хотите, я принесу чаю? — спрашивает она.

— Нет, спасибо, Мэри. Я пила чай с Софией.

— О, как она сегодня?

Я автоматически отвечаю:

— Она в порядке. Она готовит какое-то рагу для своего мужчины на ужин.

— Я рада, что она счастлива. У нее очень доброе сердце.

— Да. — Я поворачиваюсь к окну, струи дождя стекают по стеклу. — Почему бы тебе не поехать пораньше, Мэри? Хорошо бы тебе добраться до деревни еще до начала грозы.

— Да. Спасибо, миссис Хокс.

— Хорошего вечера.

— Спокойной ночи.

Она уходит, а я все смотрю в окно. Там темно и мокро. Молния рассекает небо. Безусловно, гроза только начинается, может стать все еще хуже. Странно, зимой и гроза. Помню, когда я впервые приехала в этот дом, ночью упало большое дерево. Я надеюсь, что поблизости нет огромных деревьев, которые смогут сегодня упасть. Для меня это всегда печальное событие, когда мы теряем деревья.

— Лена.

Я резко поворачиваюсь вокруг с удивлением. В комнате никого нет, но я могу поклясться, что

услышала, как меня позвала София. Замерев, прислушиваюсь, но только дождь барабанит за окном. Кухня находится далеко в доме, Ирина наверху со своей няней.

Мое сердце начинает биться быстрее.

У меня в животе еще больше сжимается комок страха, уже на физическом уровне я чувствую боль. Я прижимаю руку к животу, что-то не так, что-то случилось. Я знаю. Я бегу к столу, хватаю телефон и звоню Софии.

Тишина.

Я звоню ей домой. Иногда она оставляет свой мобильник и не слышит его с кухни.

Но ответа тоже нет.

Узел в животе затягивается сильнее, я с трудом дышу от накатывающего страха, когда звоню Джеку.

41.

Джек

Я пишу записку для Карен и вкладываю в досье пациентки, которая сидит передо мной, закрыв папку, с улыбкой поднимаю на нее глаза.

— Если вы отнесете это моей ассистентке, она сможет подобрать для вас время приема.

— Большое спасибо, док, — говорит она, забирая у меня тонкую папку.

— Без проблем. — Я встаю и обхожу стол вокруг.

Пациента тоже поднимается, и мы вместе направляемся к двери. Я открываю дверь и протягиваю руку, она кладет свою и тут начинает звонить мой телефон.

— Вы спасены звонком, — она усмехается.

Я вежливо улыбаюсь.

— Скоро увидимся, — говорю я, опуская руку.

Как только она выходит, я закрываю дверь и пересекаю комнату, поднимая телефон. Это Лена. Хмурясь отвечаю на звонок.

— Как дела, Лена?

— Ты не знаешь, где София? — тут же спрашивает она.

— Дома, — отвечаю я, хотя у меня тут же возникает мысль, что Лена уже звонила Софии, и та не ответила, иначе бы она не стала звонить мне.

— Ее там нет. Я звонила ей на мобильный и на домашний телефон. Она не отвечает. — Ее голос срывается от беспокойства.

В этот момент мой мозг отказывается верить, что что-то может случиться. Я прекрасно знаю, что Лена склонна чрезмерно беспокоиться и опекать Софию.

— Она должна быть дома, — мягко говорю я. — Она готовит для меня сюрприз. По крайней мере, я предполагаю, что она что-то готовит.

— Она собиралась, но я не могу связаться с ней, Джек, я действительно беспокоюсь. Я знаю, это звучит глупо, но что-то не так. Я чувствую это.

От ее слов у меня озноб проходит по телу.

— Я уже выхожу, — говорю я, подходя к двери кабинета.

Я выбегаю в приемную и в рубашке выскакиваю на улицу. Я бегу по улице к тому месту, где припаркована моя машина. Я сажусь и запускаю двигатель. Приходит смс-ка, снова от Лены.

«Пожалуйста, позвони мне, как только ты ее найдешь».

Я включаю зажигание и быстрым набором опять пытаюсь дозвониться до Софии. София никогда не выключала свой телефон, и он звонит. Я тут же попадаю в пробку, ругаюсь.

Дорога домой, несомненно, мне кажется самой длинной. Вдогонку мне несется ругань и проклятье дюжины взвинченных водителей, но мне на них насрать. Я просто использую свою «Ламбо», буквально тараня машины, прокладывая свой путь по пробке.

Они сигналият и злобно выплевывают ругательства, но все же пропускают меня вперед. Меня не волнует, что произойдет с моей стальной тачкой. Я наплевал на красный свет светофора два раза, но меньше, чем в квартале от дома я застреваю в глухой пробке. Поэтому съезжаю на двойную желтую полосу, мчась вперед, останавливаюсь перед домом и бегу.

Я влетаю в подъезд дома и ударяю по кнопке лифта. Двери открываются. Я беспокойно стучу ногой по полу, пока лифт поднимает меня на мой этаж.

Двери открываются, я бегу по коридору. Я слышу лай Мики, и несколько секунд, мне кажется, что на самом деле все в порядке. Должно быть она выбегала погулять с собакой, а теперь вернулась. Черт возьми, София. В этом и есть сюрприз. Я открываю дверь, и Мика не прыгает на меня, кружась, как обычно. Вместо этого она истошно высоко лает.

О, черт.

Я проношусь по квартире, окликая ее по имени, хотя понимаю, что ее здесь нет. На кухне я вижу наполовину приготовленное рагу. Я дотрагиваюсь до кастрюли, все еще теплая. В выключенной духовке стоит готовящееся блюдо.

Я осматриваюсь вокруг и вижу ее поспешно нацарапанную записку под магнитом на холодильнике. Я выдергиваю ее из-под магнита. Она пошла за шоколадом. Я опять набираю номер ее телефона, и пока раздаются гудки, я передвигаюсь по квартире. По крайней мере, я знаю, что телефона здесь нет. Она взяла его с собой.

Я бегу к угловому магазину. Кайя должно быть увидела меня, потому что выходит и останавливается под тентом у входа. Ее руки с силой тянут края кардигана, а в глазах паника и волнение.

— Ты видела Софию? — тут же спрашиваю я.

Она кивает и начинает судорожно махать руками, с такой же скоростью, как и вылетающие из нее слова:

— Да, она приходила сюда. Она купила шоколад, а потом пришли эти двое страшных мужчин. Они что-то сказали ей. Думаю по-русски. Она им ничего не ответила. Она только повернулась ко мне и спросила, смогу ли я передать кое-что для Джека. Она побледнела и выглядела немного странно. Она не была похожа саму на себя, говорила, словно робот. Я была так шокирована, что кивнула, и она сказала: «Скажи Джеку. Я буду любить его до самой смерти». А потом она ушла с ними.

Я в ужасе плююсь на Кайю. Я мог представить что угодно, что она упала, сломала ногу, может получила сотрясение мозга, но такого представить я не мог никогда.

— Мне жаль. Я не знала, что делать. Они называли ее по имени, и она по доброй воле пошла с ними, я даже не могла обратиться в полицию, несмотря на то, что эти мужчины были такими большими и глаза... их глаза не предвещали ничего хорошего.

— Как давно это было? — спрашиваю я.

Она опускает взгляд на часы на руке.

— Точно... двадцать семь минут назад.

— Можешь их описать?

— Да, — говорит она, и сразу же начинает описывать, подмечая все детали. — Они оба были одеты в черные кожаные куртки и очень блестящие черные туфли. Один был одет в синие джинсы и белую рубашку. У него коротенькая рыжая борода, маленькие бледно-голубые глазки и сломанный нос, он подстрижен коротко, почти налысо. Он огромный, больше, чем ты и толстый. У другого черные волосы, черные глаза, шрам здесь, — она проводит пальцем по правой щеке, — и он чисто выбрит. На нем была темно-синяя рубашка и черные джинсы. Он ниже и не такой толстый.

— Ты знаешь, куда они пошли?

— Да, — и сразу указывает на противоположную сторону.

Я смотрю в том направлении, которое она показывает, не ожидая особо ничего увидеть, но замечаю верх полиэтиленового пакета, в которые Кайя кладет покупки клиентов, в мусорном ведре, прижатым сверху крышкой. Он трепещет на ветру, как флаг. Даже с моего расстояния, я понимаю, что внутри пакета что-то есть. Я вытаскиваю его.

Плитка темного шоколада.

— Это ее шоколад, — говорит Кайя рядом со мной.

Я поворачиваюсь к ней. Ее глаза смотрят испуганно.

Я достаю телефон из кармана и набираю номер Софии. Закрываю глаза, как только слышу звонок телефон из мусорного ведра рядом. У меня вылетает вой ярости. *Они забрали ее.* Они просто пришли и забрали.

Они, блядь, забрали *мою женщину*. Мое сердце. Как, мать твою, я этого не заметил? Я должен был увидеть. Мне следовало лучше защищать ее.

Кайя рядом со мной говорит:

— Надо вызвать полицию.

42.

София

https://www.youtube.com/watch?v=W_rZ9rHFwGY

Я ничего не чувствую.

Я сижу на заднем сидении автомобиля полностью онемевшая и отстраненная. У меня нет желания что-либо предпринять. Я не пытаюсь привлечь внимание других водителей к тому, что меня похищают. Несмотря на то, что мои руки не связаны, я не пытаюсь открыть двери и не ударить ногами по затылку Горького и Богдана.

Горький сидит за рулем, Богдан курит сигарету. С его стороны открыто окно и холодный воздух дует в машину. Они так расслаблены, потому что знают, я ничего не буду предпринимать. Меня предупредили, если я попытаюсь совершить какую-нибудь глупость, пострадает Джек.

На светофоре милая девочка с косичками на заднем сиденье внедорожника ухмыляется и машет мне рукой. Я молча смотрю на нее. Я вижу, как с ее личика исчезает улыбка, и мне становится плохо. Наша машина едет вперед, и девочка исчезает навсегда.

Я всегда чувствовала, что все слишком хорошо, чтобы так продолжаться.

Праздник закончился. Я возвращаюсь к Валдиславу.

В час пик на дороге много машин, и мы едем больше часа прежде чем, прибываем к пункту назначения. Горький паркует машину на обочине, и мы поднимаемся по дорожке к террасе дома со стороны сада. Они стучат и огромный, устрашающего вида лысый, которого я не знаю, открывает дверь.

— Что так долго? — лает он.

— Пробки, — говорит Богдан.

— Он ждет тебя.

Внутри пахнет также, как в любом борделе, в котором я была. Духами и сексом. Молодая женщина в шортах и коротком топе выходит из дверного проема с прозрачными синими занавесками. Она видит меня и сразу же ныряет обратно в комнату.

Через прозрачные занавески я вижу гостиную с красными диванами. Мы не заходим туда, а поднимаемся по лестнице и выходим в коридор. Здесь пять дверей, все они закрыты. Они ведут меня к самой дальней. Горький стучит, и я слышу голос, о котором молилась, что я больше никогда его не услышу.

Горький открывает дверь и толкает меня во внутрь.

Комната такая же, как и многие, которые я уже видела раньше. Здесь имеется крест для порки, кровать с металлическими орудиями, прикрепленными к ней. Есть клетка в углу комнаты. Да, я была в такой комнате много раз раньше.

Он стоит у окна, курит сигарету. Окно открыто и мягкий бриз задувает внутрь, заставляя колыхаться занавески. Он поворачивается и смотрит на меня.

Он выглядит точно так же, как и тогда. Волосы смазаны гелем, глаза темные, горят жестокостью, но я не боюсь. Я больше никогда не буду бояться. Ведь меня любят. Ведь меня, действительно, любят. Я молча смотрю на него. *Ты можешь делать все, что угодно с моим телом, но меня ты никогда не получишь, потому что Джек научил меня. Я гораздо больше чем то, что ты можешь сделать со мной и с моим телом.*

Ты можешь делать все, что угодно с моим телом, но уничтожить меня ты не сможешь. Никогда. Я была красавицей для Джека.

— Привет, София, — говорит он, голос звучит, как наждачная бумага.

Я молчу.

— Свободны, — говорит он мужчинам.

Они закрывают за мной дверь. Темно-коричневый ковер заглушает их шаги.

— Хорошо выглядишь, — замечает он.

Я опять молчу.

— Ты скучала по мне? — спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой.

Он приподнимает бровь.

— Даже совсем немножко?

Я снова отрицательно качаю головой.

Его губы расплываются в саркастично-уничижительной улыбке. Я никогда не видела его таким. Он всегда был очень жестоким и безжалостным. Достаточно было совершить малюсенькую ошибку и... я начинала дрожать от страха.

— Хорошо, — произносит он. — А я скучал по тебе. Очень. Мне не следовало тебя продавать. Это была ошибка. Ты моя.

У меня автоматически отрицательно трясется голова. Я не принадлежу ему. Я никогда не принадлежала ему. Я принадлежу Джеку и только Джеку.

Тут же вспыхивает гнев в его глазах.

— Снимай одежду, — жестко приказывает он.

Я во все глаза смотрю на него.

— Я сказал, снимай свою гребаную одежду, — кричит он, и я дергаюсь от давнего страха. Что-то внутри меня встает на свои места. Джек больше не сможет меня здесь защитить. Моя грудь превращается в гнездо, куда как черные дрозды слетаются старые воспоминания. Спрятанное прошлое возвращается к жизни. Как я могу их забыть?

Как я приседаю между его ног. Задыхаюсь, пока сосу его член. Слезы текут у меня по лицу. И все это время он зажимает мне нос и плюет мне в лицо. Мои глаза готовы выскользнуть из орбит. Легкие лопаются от нехватки воздуха. Я падаю в обморок на холодный пол в его спальни. Он бьет меня ногой, чтобы привести меня в чувство.

Храбрость — это для неопытных. Ребенок с любопытством ползет к ярко окрашенной змее или попытается схватить открытый огонь, потому что он не понимает, что ему угрожает.

Я перенесла яд и пережила ожог.

Я опускаю глаза на его руку. Она расслабленно похлопывает бедро. Медленно я поднимаю руки вверх. Они такие тяжелые. Я снимаю пальто, позволяя упасть ему на пол. Я снимаю свою глупую фиолетовую шляпу, мешковатый свитер, футболку, ботинки, черные джинсы и новое нижнее белье, которым я планировала удивить Джека. Холодный воздух из окна покрывает кожу мурашками, отчего она покалывает.

Он продолжает сосать сигарету и с жадностью осматривает мое тело. Он выдыхает, и дым затемняет его глаза.

— Ты жила с мужчиной?

Я киваю.

— Не веди себя, как дурочка, София. Говори, — приказывает он, едва сдерживая свое раздражение.

Я вздрагиваю. Здесь холодно, я начинаю дрожать. Я сжимаю зубы, чтобы они не стучали.

— Как ты нашел меня? — спрашиваю я.

Его рот жестоко изгибается.

— Дурочка. Ты присутствовала на свадьбе *Братвы*. Кто-то узнал мою шлюху, одетую как королева. — Он выбрасывает окурки в открытое окно и поворачивается ко мне. — Разве я не говорил тебе раньше, что ты не обычная женщина, милая София? Ты шлюха. Проститутка. Твоя жизнь не для того, чтобы выходить замуж, заводить детей и толстеть. Твоя жизнь посвящена доставлять удовольствия мужчинам. Многим мужчинам... а я буду смотреть на это.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Нет, я не шлюха.

Он сужает глаза, поддразнивая:

— Ты не сказала ему, кем ты была?

— Он знает, — говорю я, защищаясь.

Он смеется своим маниакальным смехом, который эхом отражается от стен.

— Тогда ты не будешь возражать, если он найдет завтра утром в своем почтовом ящике кассету с непослушным маленьким сюрпризом? Хм.

Я замораживаюсь от ужаса.

— Нет. Пожалуйста. Не надо. Пожалуйста, - прошу я.

— Что случилось, моя маленькая шлюха? Ты не хочешь, чтобы он увидел, насколько ты талантлива? Сколько членов ты можешь обслуживать одновременно. Прошло так много времени, даже я забыл. Сколько, София?

— Пожалуйста, не надо. Пожалуйста.

— Если ты не будешь делать то, что я хочу, я отошлю ему видео. И от большой щедрости могу послать даже целый набор.

— Я сделаю все, что захочешь.

— Хорошо. Теперь ответь мне. Сколько человек ты можешь обслужить одновременно?

— Пять, — кричу я. — Пять.

— Он не знает этого, не так ли?

Я отрицательно качаю головой. Слезы льются у меня из глаз. Зубы стучат, и кожа уже покраснела.

— Повернись, — приказывает он.

И у меня появляется первый толчок настоящего страха.

— Давай, — шелковым голосом говорит он.

Медленно, с трудом я поворачиваюсь на негибаемых ногах. Сердце стучит так сильно, что я чувствую себя слабой. Слово вечность проходит, в комнате стоит абсолютная тишина, я только слышу рев собственной крови в ушах. Потом его шаги по комнате.

— Ну, что ж, моя мазохистская шлюшка, — шепчет он мне в волосы. — Думаю, придется клеймить тебя снова.

43.

Джек

<https://www.youtube.com/watch?v=v0nmHymgM7Y>

(Я готов, Господи)

Я смотрю по обе стороны улицы в каком-то беспомощном оцепенении. Мой ум пуст. Я не могу думать. Такое чувство, что я во сне. Нереально медленном и страшном. Монстр идет за мной. Я

даже слышу его шаги, но не могу пошевелиться. И весь трясусь от страха.

Кайя что-то еще говорит, но я не могу разобрать слов.

— Мы должны позвонить в полицию, — повторяет она уже громче.

Капли холодного дождя падают мне на лицо и впитываются в ткань рубашки. Кайя с тревогой поглядывает на меня, и люди, проходящие мимо, удивленно оборачиваются на нас, но я ничего не могу поделать. Я замер от паники. Внутри меня все рушится. Мурашки бегут по коже от ужаса и отвращения. Я сжимаю пряди волос, и мой мир сужается вокруг меня. Этого не может быть, бл*дь, этого просто не может быть.

Глухо слышится какой-то звук. Пару секунд я даже не понимаю, что это такое.

— Ваш телефон, — кричит Кайя.

Мой телефон. Я роюсь в карманах куртки, потом вытаскиваю его. Капли дождя падают на ресницы, и мне приходится коснуться экрана, чтобы увидеть кто звонит. Лена. На автопилоте я нажимаю ответ и прикладываю телефон к уху.

— Ты уже нашел ее? — спрашивает она.

Беспокойство в ее голосе, как вспышка молнии на темном небе. Я выскакиваю из своего сумасшедшего погружения в ад. Голос звучит хрипло:

— Еще нет. Я буду искать ее.

— Почему ты собираешься искать ее? — плачет она. Настолько пронзительно, что ее крик проходит сквозь меня.

— Лена. Просто присядь и позволь мне найти ее, хорошо? Я позвоню, как только у меня будет какая-то информация.

Лена продолжает мне что-то говорить своим на грани истерики голосом, но я прекращаю вызов. Сейчас я не могу тратить на нее время. Мне нужно найти Софию. Мне нужно подумать. Я поворачиваюсь к Кайе. Ее волосы прилипли к голове, и она обеспокоенно смотрит на меня.

— Возвращайся в свой магазин, Кайя. Я найду ее.

— Вы уверены?

Я киваю.

Да, я чертовски уверен. *Они связались не с тем парнем.*

Кайя прикасается к моей руке и отворачивается. Я звоню Гаю.

— Да, — резко отвечает он.

— Софию похитили.

— Что? — взрывается он.

— Похоже, ее забрали те мужчины, у которых ты ее купил.

— Откуда ты знаешь?

Я делаю глубокий вдох.

— Просто доверяюсь своим инстинктам, Гай. У меня мало времени. Ты можешь рассказать мне все, что знаешь о них?

— Дай мне несколько минут, я сделаю несколько звонков, — говорит он и вешает трубку.

Я прокручиваю свою адресную книгу и нажимаю на номер Ноя Абрамовича. Я никогда не думал, что когда-нибудь обращусь к нему за помощью.

— Джек, — говорит своим глубоким голосом, снимая трубку на втором гудке. — Что я могу сделать для тебя?

— Я ищу владельца русского борделя по имени Валдислав.

— Валдислав? — медленно переспрашивает он. — Что ты хочешь от него?

— У него моя женщина, и я хочу ее вернуть.

Наступает небольшая пауза.

— Ты должен рассказать мне хотя бы предысторию.

— У меня мало времени, так что будет короткая версия. Она принадлежала ему. Потом он продал ее мужу сестры, но по какой-то причине сегодня днем прислал двух бугаев похитить ее.

— Понятно. — Опять короткая пауза. — У Валдислава есть бордель на Кинг Кросс, но если он похитил ее, он отвезет ее в свою неофициальное место на Тауэр Бридж. Это место более безопасное и вряд ли кто-то знает о его существовании. Тебе придется поторопиться, потому что он, скорее всего, не будет ее долго держать здесь в стране. Его влияние здесь слабое, поэтому он постарается вернуть ее в свою маленькую вотчину в Брюсселе при первой же возможности. Он подкупил там местных копов и вернуть ее оттуда будет намного сложнее.

— Дай мне адрес его борделя здесь.

— Ты не можешь пойти туда один, это место слишком хорошо охраняется. Подожди вечера, и я договорюсь о том, чтобы ребята пошли с тобой.

Мой мозг останавливается на одной вещи:

— А зачем ему очень сильно охранять бордель?

— Это место для людей со склонностями к извращениям. Женщины там все проданы. За разумную цену ты даже можешь убить ее во время сеанса.

— Черт. Я больше ни секунды не буду ждать. Просто дай мне адрес, — кричу я.

— Джек, ты понятия не имеешь, с чем имеешь дело. Эти люди безжалостные. Они убьют тебя.

— Жестко говорит он.

— Понятно. Просто дай мне адрес.

— Это глупо. Ты пойдешь на бой с ножом против оружия.

Я хмурюсь.

— Откуда ты знаешь, что я ношу нож?

— Ты забыл, Джек? Мои люди следили за тобой месяцами после того, как ты меня спас. Прошу тебя. Дай мне шанс придумать хороший план. Обещаю, все будет сделано сегодня.

— Однажды я спас тебе жизнь. Ты сказал, что если мне нужна будет помощь, только скажи. Я говорю тебе сейчас, ты должен мне. Дай мне его адрес, и мы будем квиты.

Он очередной раз пытается отговорить меня, но я непреклонен и нетерпелив, поэтому он с неохотой дает мне его адрес.

— А теперь расскажи мне как можно больше об этом месте и системе безопасности, — прошу я.

— Я не так много знаю об этом. Дай мне пять минут, и я перезвоню тебе со всей информацией.

— Спасибо. Можешь прислать мне его фото?

— Конечно.

Я возвращаюсь в свою квартиру совершенно холодную и тихую. Я не думаю о Софии, потому что мысли о ней сделают меня слабым. Я думаю о том, что мне нужно сделать и стараюсь с максимальной тщательностью составить свой план. И план Б на всякий случай.

На кухне я выключаю духовку. Мика жалко скулит у меня под ногами. Я беру ее, смотрю в ее невинные глаза и чувствую боль. Я больше никогда не увижу эту милую собачку. Я глажу ее по голове и кладу еду в миску. Все время мои мысли крутятся о том, как лучше все повернуть.

44.

Джек

Раздается звонок телефона. Это Гай.

— Да, — отвечаю я.

— Я ничего не смог найти. У него есть бордель здесь, в Лондоне, но, насколько всем известно, он все еще в Бельгии. У меня есть люди, работающие на полную катушку, чтобы попытаться узнать больше.

— Хорошо, дай мне знать, если ты получишь больше информации.

— Разве мы не должны позвонить в полицию?

— Еще нет. Позвони в полицию, если я не свяжусь с тобой утром.

— Джек, что ты задумал?

— У меня нет времени объяснять, Гай.

— Мне нужно что-то сделать?

— Нет. Просто приходи утром и отвези Мику обратно к Лене, если я тебе не перезвоню к тому времени. Я оставлю ключ под ковриком. У меня еще один звонок, мне нужно идти.

Я отключаюсь от Гая и принимаю звонок от Ноя.

— Говори, — отвечаю я, входя в спальню.

— Есть как минимум два питбуля и ротвейлер, они патрулирует территорию и три-четыре хорошо обученных мужчины, которые находятся там постоянно. Сессии начинаются позже, так что там будут девушки, но не более одного или двух клиентов в течение следующих нескольких часов. В каждом номере есть система охранной сигнализации и камеры. Шансы попасть и выйти живым равны нулю.

Я пропустил последний его комментарий мимо ушей, отключился и позвонил своему другу ветеринару Гарри. Мы вместе учились. Я его давно не видел, но он всегда меня боготворил. Он был отличником, примерным парнем, а я — крутым гангстером.

— ДжекМатьтвоюАйриш, — орет он в трубку. — Как дела, дружище?

— Ты еще на работе? — спрашиваю я, снимая мокрую одежду.

— Я женат на своей работе, мужик, — говорит он со смехом.

— Я могу заехать к тебе за кое-какими припасами?

— Припасами?!

— Скажи, когда могу подъехать.

— *Mi casa, Su casa*, — говорит он со смехом. (*Мой дом — твой дом. - исп.*)

Я прерываю связь и звоню маме.

— Чем ты занимаешься, мам? — спрашиваю я, хватая полотенце и вытираясь.

— Разбираю шкаф. Ты не поверишь сколько здесь всего накопилось. Здесь еще есть вещи с твоей школы.

— Да? — Я ее почти представляю, как она в фартуке и синих резиновых перчатках копается в шкафу. Волосы завязаны в платок.

— Рагу получилось хорошо? — спрашивает она.

У меня рука сильнее сжимает телефон.

— Не знаю. Еще не готово.

— Ей удалось добавить шоколад?

Сердце сжимается.

— Думаю да.

— Хорошо, что я вовремя вспомнила.

— Спасибо, что помогла Софии, ма. — Я бросаю мокрое полотенце в корзину для стирки белья, обнаженный, направляюсь к шкафу.

— Вауу. Я полюбила эту девушку. Когда ты наденешь ей кольцо на палец?

Я сглатываю ком в горле.

— Как только смогу, мам. Как только смогу.

— Она хорошая девушка.

У меня все замораживается внутри от того, что жизнь так несправедлива.

— Мне пора, мам. Я позвонил, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке и поблагодарить тебя за все.

— Поблагодарить за что?

— За то, что ты так добра к Софии. Приняла ее как собственную дочь.

— Не говори глупостей, — резко говорит она.

— Пока, мам.

— Пока, сынок.

— Мам? Я люблю тебя.

— О, Джек. Я тоже тебя люблю.

Я отключаюсь и открываю дверь шкафа. По моему завещанию, все чем я владею, все перейдет к ней. Она будет богатой женщиной. Конечно, она не захочет получить богатство таким путем. Думаю, она все раздаст.

На телефон приходит смс-ка с фото Валдислава. Я смотрю на него, и желудок наполняется кислотой. Во мне вспыхивает ненависть. Хитрые глаза, самодовольная улыбка. Скоро встретимся, больной убудок. Очень скоро. Тогда посмотрим, как ты будешь усмехаться.

Я выхожу из чата. Руки действуют уверенно, совершенно спокойно, я чувствую себя полностью сосредоточенным на своей миссии.

Набираю номер Ланы, кладу телефон на кровать, надеваю трусы.

— Привет, Джек, — радостно восклицает она.

Я сажусь на кровать и натягиваю носки. Я всегда буду любить эту женщину. Всегда.

— Привет, Лана. Я просто хотел сказать, что я всегда буду любить тебя. Ты для меня как сестра, которой у меня никогда не было.

Она смеется.

— Ты становишься сентиментальным, Айриш. Что все это значит?

— Ничего. Иногда нужно говорить людям, что они для тебя значат.

— Ну, ты точно знаешь, как я к тебе отношусь.

— Да, Лана. Знаю, Сораб с тобой?

— Вообще-то, прямо сейчас я одеваю его, не хочешь поужинать на следующей неделе с нами? Вчетвером?

Мой голос даже не дрожит.

— Конечно, почему бы и нет.

— Хорошо. Я зарезервирую столик и свяжусь с Софией.

— Прекрасно.

— Пока, Джек. Вот твой крестник.

— Здравствуй, дядя Джек. — Радостно и восторженно говорит Сораб.

— Привет, Убийца Дракона.

— Ты придешь сегодня к нам, дядя Джек?

— Не сегодня, но я надеюсь, что ты хорошо себя ведешь.

— Да, — мгновенно говорит он. — Дядя Джек? — С восторгом захлебывается он.

— Да?

— Завтра у меня будет собака из центра спасения.

— Вау! Это великолепно.

— У нее всего лишь три лапы, но он выбрал меня. Он подошел ко мне и облизал мою руку, и я понял, что он выбрал меня.

Странно, но мои глаза наполняются слезами.

— Как ты его назовешь?

— Я назову его Джек Дабл.

Я закрываю глаза. Сораб покажет этому миру, что такое сострадание и любовь. Я умру счастливым, понимая, что в этом мире существует этот ребенок. Если мой единственный вклад будет заключаться в том, что моим именем он назовет трехногую собаку, я буду вполне удовлетворен.

— Мне надо идти, Сораб, но я хочу, чтобы ты всегда помнил, что я горжусь тобой.

— Спасибо, дядя Джек.

— Пока, Сораб.

Быстро я надеваю черную водолазку с высоким воротом и брюки. Я тянусь за кроссовками в глубину шкафа. Они все же более бесшумные, чем обычная обувь.

Затем я подхожу к ящику стола и вынимаю нож, который у меня был с детства. Ной говорит, что это смешно идти с ножом против настоящего оружия, но не многие люди могут так управляться с оружием, как я с ножом. Я засовываю его сзади за пояс джинсов. В ящике лежит еще один нож поменьше. Его я засовываю в правый носок.

Зайдя на кухню, я выуживаю еще до конца не приготовленное тушеное мясо, запихиваю кусочки в полиэтиленовый пакет и надежно завязываю сверху. Открываю холодильник, вынимаю дорогую бутылку шампанского, которую София хранила на день Святого Валентина. Запихиваю бутылку и мясо в пакете в сумку.

Мика следует за мной шаг в шаг, я направляюсь в гостиную. Беру свой телефон и по карте Google выясняю, как добраться до борделя Валдислава. Он находится в конце жилого района. Рассматриваю по навигации окрестности и обнаруживаю, что дом напротив по своей планировке точно такой же, как тот, в котором находится бордель.

Я оставляю ключ под ковриком и выхожу навстречу своей судьбе.

45.

Джек

Практика Гарри находится недалеко от Виктория Стейшен, поэтому я быстро добираюсь туда своим хулиганским маневром, совершенно не обращая внимание на светофоры и т.д. У здания нет ни одной машины, поэтому я нагло паркуюсь на тротуаре.

Он проводит меня к себе в офис.

— Что происходит? — спрашивает он.

— У меня нет времени объяснять, Гарри.

— Хорошо. Что тебе нужно?

— Мне нужны транквилизаторы. Дай мне такое количество, чтобы уложить четверых бугаев.

Его брови взлетают вверх к залысынам.

— Тьфу. Во что ты ввязался?

Должно быть мое нетерпение промелькнуло во взгляде, потому что он поднимает руки вверх и отступает на несколько шагов.

— Не ешь меня. Я сейчас все принесу.

— У тебя есть пистолет для транквилизаторов?

На этот раз он поворачивается и внимательно смотрит на меня.

— Ты серьезно?

— Мне нужно уложить как минимум еще трех собак. Два питбуля и одного ротти.

Он качает головой, как будто не может поверить тому, что слышит, но потом кивает.

— Да, я принесу.

Он все приносит и быстро объясняет, как пользоваться пистолетом. Он передает мне транквилизаторы.

— Пользуйся ими с большой осторожностью. Одного достаточно, чтобы уложить наповал очень маленькую лошадь или очень большого человека.

Я засовываю их в карман куртки.

— Спасибо. Ты не можешь дать мне свой халат и бейджик, если у тебя есть лишний?

Не говоря ни слова, он начинает рыться в ящике и достает бейджик. Он снимает свой белый халат и также отдает его мне.

Я прицепляю бейджик к переднему кармашку халата.

— У тебя есть блокнот и ручка?

Он снова поднимает обе руки, словно уже даже не пытается выяснить, что происходит, и уходит в заднюю комнату. Возвращается с планшетом и ручкой.

Я забираю все предметы и бросаю взгляд на его столешницу.

— Спасибо. И последнее. Не можешь дать мне какую-нибудь форму для заполнения?

Он опять же молча идет в ту же самую комнату и возвращается со стопкой форм, на которой стоят чек-боксы для заполнения и рядом что-то написано.

— Ой, а терминал для оплаты покупок картами и калькулятор?

— Ни за что. Мне самому пригодится мой терминал, но ты можешь взять мой калькулятор. Он на стойке регистрации, — говорит он, направляясь туда. Он достает калькулятор среднего размера из-под прилавка. Если повезет, то все получится.

— Отлично. Спасибо. Я твой должник, Гарри, — говорю я ему.

— Ты должен мне, по крайней мере, пять, — отвечает он.

Я толкаю стеклянную дверь и вижу с каменным лицом инспектора дорожного движения, выписывающего штраф на мою машину. Я бегу к машине и запрыгиваю в нее.

— После того, как я выдам вам штраф, вы должны будете его оплатить, — кричит он, пытаясь перекрыть рев моего мотора.

Поездка к Тауэр Бридж занимает у меня чуть меньше получаса, несмотря на то, что я веду себя как полный придурок, постоянно нажимая на гудок.

Я останавливаюсь, снимаю куртку и облачаюсь в белый халат Гарри. Застегнув, я беру планшет

и калькулятор и уверенно иду к последнему дому. Я даже не смотрю на дом, который меня больше всего интересует. Вместо этого, я подхожу к дому напротив. Слава богу, там горит свет. Через окно я вижу троих детей, сидящих за столом с домашним заданием. Я нажимаю на звонок.

Женщина открывает дверь.

— Да? — нахмурившись спрашивает она.

Сначала я опускаю глаза на планшет, а потом поднимаю на нее.

— Добрый вечер, мадам. В этом районе произошла утечка газа, и я хотел бы проверить, все ли в порядке с вашим домом. — Я размахиваю перед ней калькулятором.

Она перестает хмуриться и ее выражение лица становится встревоженным.

— Конечно, — отвечает она, отступая назад и открывая по шире дверь.

До этого момента я даже не мог себе предположить, что будет так легко попасть к ней в дом. На самом деле, я тогда совершенно не поверил статье, которую прочитал, что большинство людей, видя представителей власти с планшетом и в униформе, желающие проверить их дом, даже не спрашивают их удостоверение.

— Спасибо, — говорю я, входя к ней в коридор. — Это не займет много времени, и вы можете меня везде сопровождать для вашего же спокойствия.

— Хорошо, — тут же соглашается она.

Я передвигаю калькулятор, чтобы она могла видеть только заднюю его часть, и начинаю обходить дом. Я замечаю слева гардеробную, потом перехожу в гостиную открытого плана. Дети с любопытством посматривают на меня. Держа калькулятор сверху, я вежливо улыбаюсь им и быстро прохожу по комнате мимо обеденного стола к раздвижным стеклянным дверям.

— Могу я их открыть? — спрашиваю я женщину.

— Конечно, — говорит она, бросаясь открывать.

Я выхожу в сад и окидываю пространство взглядом. Возвращаюсь в дом через дверь в кухни. Она не большая по размеру, но здесь есть боковая дверь, которая ведет в небольшую кладовку. Я возвращаюсь в коридор, который приводит меня обратно к гостиной и входной двери. Здесь еще одна дверь справа. Я открываю ее, гостиная, но гораздо меньших размеров. Я вхожу в нее с калькулятором, поднятым высоко, смотрю на него, нажимаю несколько кнопок, разворачиваюсь к женщине, улыбаясь.

— Пока все хорошо, — заверяю я ее.

Она улыбается с облегчением. Я поднимаюсь на второй этаж, она следует за мной с тревогой, пока я стараюсь запомнить все расположение, делая вид, что проверяю уровень газа.

Я поворачиваюсь к ней.

— Похоже, все хорошо в вашем доме.

У нее отражается радость на лице.

— Тогда я пойду.

Она идет за мной к входной двери и, бл*дь, благодарит меня за то, что я осмотрел ее дом, а потом закрывает дверь. Если я осуществлю свой план, я пошлю ей записку и скажу никогда не выпускать незнакомца с планшетом в свой дом.

Возвращаясь к машине, я поднимаю взгляд на противоположный дом. Там горит свет в окнах. Я засовываю планшет в бардачок перед передним сиденьем, снимаю халат, быстро надевая черную куртку. Проверяю ампулы с транквилизаторами в кармане. Затем засовываю пистолет под пояс джинсов, беру сумку с мясом и шампанским и перехожу проезжую часть.

Я иду вдоль стены дома. Как только добираюсь до того места, где меня нельзя заметить с дороги, я перебрасываю мясо через стену и жду, когда собаки учуют запах.

Два питбуля появляются почти мгновенно. Должно быть они голодные, потому что рычат и огрызаются друг на друга в своей гонке, чтобы успеть сожрать свежее мясо. Потом появляется ротти. Она тоже присоединяется к трапезе.

Поднявшись на стену, я прицеливаюсь и стреляю. Сначала в ротти, потому что ротвейлер гораздо крупнее. Он скулит и отпрыгивает в сторону. Питбули полностью поглощены едой. Я обратно спрыгиваю на тротуар и перезаряжаю пистолет. Один за другим я стреляю в питбулей. Затем выжидаю около десяти минут, пока укол не начнет действовать.

Ротти по-прежнему негромко рычит, когда я спрыгиваю во двор своего врага.

46.

Джек

Я низко прижимаюсь к земле, стараясь держаться в тени, пробираюсь к двери черного входа. Я заметил, что наверху открыто окно. Хорошо. Я поднимусь по водопроводной трубе, если дверь кухни будет заперта.

Я смотрю в окно, в кухне никого. Я толкаю дверь, и она открывается. Скорее всего, они предполагали, что собаки будут охранять эту дверь. Очень небрежно с их стороны. Но это хороший знак. Я открываю дверь и захожу в дом. Микроволновая печь работает и что-то медленно крутится внутри. Я смотрю на таймер. Через тридцать секунд раздастся сигнал.

Я открываю боковую дверь и захожу в кладовку. Раздается сигнал микроволновки. Через щель я вижу, как лысый мужчина больше похожий на Халка заходит на кухню. Ширина его груди — это три моих. Он вынимает еду из микроволновки и открывает ящик от чего мышцы на его мясистых руках ходят буграми. У него может и есть мощь и ширь, но у меня есть скорость.

Пока трехсоткилограммовый горилла тянется за столовыми приборами, я выскользываю, совершенно не думая, подкрадываюсь и ударяю его по голове бутылкой с шампанским. Я побывал во множестве драк в баре и ничто не может окончательно вырубить такую махину, кроме полной бутылке шампанского.

В отличие от голливудских фильмов, в которых бутылки разбиваются на тысячи осколков, бутылка с шампанским всегда остается целой. Слышится только глухой удар, его огромные ноги подкашиваются, и он падает на пол. Я подхватываю его подмышки и ташу в кладовку.

Быстро снимаю пластиковую крышечку с транквилизатора шприца и втыкаю иглу в выпуклые мышцы на руке.

Странно. У него нет одного зуба.

Я открываю немного дверь. Никто его не хватился, но, видно, начнут его искать позднее. У меня мало времени. Я забираю бутылку шампанского и иду по коридору, стараясь держаться в тени. В маленькой гостиной никого нет, но я слышу голоса, доносящиеся из большой главной гостиной. Один мужской и два женских. Я смотрю через дверную щель и вижу очень молодую женщину. Ей, наверное, не больше двадцати.

На ней обтягивающие розовые шорты и бикини. На шеи виднеются сине-черные следы от пальцев рук. Один взгляд на нее, и я понимаю, что она находится здесь не по своей воле. Она сидит на диване, переводя взгляд на девушку и мужчину.

Я очень рискую, но...

Я выхожу вперед. Ее глаза расширяются, рот открывается, я прикладываю палец к губам. Она с трудом сглатывает. И тут же переводит взгляд налево, затем направо, и я понимаю, что настоящая опасность — слева. Я показываю ей пальцем на потолок. Она хмурится, тогда я показываю опять. Она кивает, поднимается с дивана, поправляя свои облегающие шорты, потянув их вниз.

— Кэнди, — говорит она. — Ты можешь на минутку подняться со мной? Мне нужно, чтобы ты кое с чем мне помогла.

— Что еще? — спрашивает Кэнди.

— Да, лучше все сделать до того, как начнут прибывать клиенты.

— В чем дело? — сурово спрашивает мужчина.

— Мне нужна Кэнди, чтобы она помогла мне замазать синяки на спине. Я только что вспомнила, что сегодня придет Андерсон, а ему не нравится смотреть на синяки, которые он сам же на мне оставляет.

— Иди с ней, — приказывает мужчина.

Беззвучно я возвращаюсь на кухню. Я выжидаю, когда девушки покинут комнату. Они уже на половине лестнице вверх, я прокрадываюсь обратно в коридор и смело захожу в комнату. Мужчина поднимается, пораженно с изумлением пялясь на меня. Я узнаю его по описанию Кайи. Большой парень с рыжими волосами.

— Ты, мать твою, кто такой? — восклицает он, насупившись и направляясь ко мне. Его акцент очень заметен.

Я поднимаю руки, словно сдаюсь, обхватив за горлышко бутылку с шампанским.

— Я здесь ради задниц, приятель. Я даже принес с собой шампанское.

В его бледных глазах появляется замешательство. Очевидно, он не обладает большим умом, но все равно продолжает наступать на меня. Когда он уже достаточно близко, я выдыхаю, сгибаюсь и со всего маха впечатываюсь головой ему в живот. Мать твою. Он экипирован! Такое

впечатление, будто я со всего маха врезался головой в гребаную бетонную стену. Боль выстреливает в шею и в череп.

Он спотыкается, но успевает схватить меня за плечи и с силой отбросить назад. Я с хрипом пытаюсь вздохнуть. На его лице отражается веселье. Он немного приседает, и начинает разминать пальцы на обеих руках, периодически подзывая меня к себе взмахом руки.

Ему хочется немного развлечься, типа бойцовского поединка.

Я слышу наверху шаги девушек. Я не знаю, сколько там еще есть людей, поэтому у меня немного времени, чтобы потакать его желаниям. Я откладываю бутылку шампанского на пол.

— Нет смысла тратить хороший продукт, — говорю я с улыбкой, но во мне зашкаливает адреналин, поэтому сердце пропускает удары.

— Конечно, не стоит, — соглашается он. — Пусть достанется победителю.

— Пусть победит лучший.

— Это буду я, — огрызается он и, черт побери, двигается очень быстро. Так быстро, что я едва успеваю за сменой его тактики. Он скользит вправо, делая обманный маневр, и совершает удар левой рукой, пытаюсь зацепить меня за ногу и повалить на землю. Я делаю шаг в сторону, уворачиваясь и снова сталкиваюсь с ним лицом к лицу.

Он делает стремительный выпад.

Я избегаю одного удара кулаком, чтобы подставиться под другой. Перед глазами все расплывается. Черт, он прямо врезал мне в челюсть, но я так накачан адреналином, что даже не чувствую боли.

Он наклоняет голову и как бык ударяет мне в живот, но я готов. Я сжимаю мышцы, и он начинает мотать головой, потому что видит звезды перед глазами. Я со всей силы ударяю локтями между лопаток ему по спине. Слышится хруст и крик агонии, он падает на колени, но все же заставляет себя подняться на ноги, покачиваясь. Он пялится на меня во все глаза, тяжело дыша и желая крови.

Мы кружим друг напротив друга, как животные. Он поднимает левый кулак, обманный маневр, показывая, что якобы собирается нанести удар. Настоящий удар нанесет как раз его мощный правый кулак. Я отпрыгиваю назад и его летающие костяшки не дотягиваются до меня. Я даже чувствую, как от силы его удара ветром поднимаются у меня волосы, и тогда я опускаю свой собственный твердый кулак в верхнюю часть его подбородка.

Брызжет кровь и слюна, и плоть вокруг рта колеблется от удара. Он оглушен. У меня кулак горит от боли, но мне нравится. У меня пропадает сюрреалистическое ощущение, и эта драка делает меня более сосредоточенным.

С яростью в глазах, он наклоняется вперед, пытаюсь пойти на меня, как бульдозер, чтобы завалить на пол, но я готов. Я приседаю. Прокатываюсь вперед, дотягиваюсь до бутылки, лежащей на полу. Одним плавным движением я вскакиваю и бью ему по голове. Игра окончена, ублюдок.

Эффект мгновенный. У него затуманиваются глаза, и он начинает оседать. Я подхватываю его грузное тело, чтобы он с грохотом не упал на пол. Я вкалываю ему транквилизатор и тащу за

диван. Я сворачиваю его ноги, чтобы их не было видно из-за дивана.

Подняв бутылку шампанского, я быстро выхожу в коридор. Поднимаюсь по лестнице и открываю первую дверь. Внутри комната заполнена четырьмя двухъярусными кроватями. Девушка, которая помогла мне, и три другие девушки, все вместе сидят на одной кровати. Я захожу и закрываю за собой дверь.

— Кто еще есть в этом доме? — тихо спрашиваю я.

Другие девушки слишком испуганы, чтобы говорить, но девушка, которая помогла мне внизу, поднимается и начинает шептать:

— Я точно не знаю. Винес в соседней комнате с клиентом. Большой босс тоже рядом. Они привезли сегодня новую девушку. Думаю, она все еще в дальней комнате.

— Как она выглядит?

— Я ее не видела. Я только слышала.

— Я видела ее, — говорит девушка с черными волосами. — Она красивая с длинными волосами цвета меда, и на ней была фиолетовая шляпа с цветком.

Это моя София. В Лондоне нет другой девушки, которая могла бы носить что-то более нелепое.

— Внизу никого нет, собаки спят, так что если вы хотите, можете бежать, но будьте осторожны, — говорю я им.

Женщины смотрят друг на друга, слишком напуганные, чтобы спастись. Молча кивает только девушка с синяками на шеи.

Я выхожу и закрываю дверь. И заглядываю в соседнюю комнату. Здесь справа ванная комната. Я открываю дверь, чтобы проверить, там пусто. Мне не нужны неожиданности, а потом я иду к дальней комнате в коридоре.

К моему удивлению дверь дальней комнаты открывается и выходит мужчина. Как только мой взгляд сосредотачивается на нем, кровь со скоростью ударяет мне в голову, словно, кто-то ударил бейсбольной битой по мячу. Я ощущаю, как все тело начинает вибрировать от напряжения, ярости, которую раньше никогда не испытывал. Правая рука самопроизвольно сжимается в кулак, я даже чувствую, как хрустят костяшки и натягивается кожа. Единственная мысль кружится у меня в голове, снова и снова —

Убей его! Убей его! Убей его!

47.

Джек

Он поднимает глаза, видит меня, и его голова дергается назад. В его взгляде мелькает — *Какого хрена? Что за мать вашу? О, бл*дь!*

Наши взгляды на мгновение замирают друг на друге, слышится только сердцебиение. Говорят, что во время повышенной опасности, люди могут многое прочесть друг о друге по глазам.

В эту секунду я вижу его во всей гнилой его славе — самовлюбленность, высокомерие, садистскую жестокость, грязную душеньку, врожденную трусость и демона, сидящего на его плече, шепчущего пагубные слова.

А он?

Он видит человека с адским огнем, пылающим в его глазах, которому терять нечего.

Он переводит взгляд к бутылке шампанского у меня в руке. Надсмехается, словно надевает маску.

— Как мило. Ты принес шампанское, — замечает он, голос низкий, заискивающий, отталкивающий.

— Мне показалось непорядочно, не захватить ее с собой.

— Интересный ты, Джек. Ты не похож на дурака, чтобы пойти на такое безнадежное дело.

Я разжимаю кулак.

— Я пришел за тем, что принадлежит мне.

Он прищуривается.

— Она — моя сука, но за нужную сумму я могу... одолжить ее тебе.

— Она не твоя. Ты продал ее.

Он пренебрежительно машет рукой.

— Это был момент слабости. Ошибка, которую я исправил сегодня. Теперь она снова моя.

— Ты не можешь вот так просто забрать ее. — Говорю я низким голосом, совершенно спокойно.

Его глаза хитро поблескивают.

— Я владею ее задницей. Она будет есть мое дерьмо, если я ей скажу.

У меня внутри все замораживается, даже не могу произнести слово.

Он думает, что нашел мою ахиллесову пяту и начинает дожимать.

— Зачем такому прекрасному, настойчивому мужчине, как ты, нужна такая никчемная, такая грязная сука, как она? Она имела больше членов внутри себя, чем у тебя было потрясающих ужинов.

Он пытается залезть мне под кожу, пробить меня. Заботливая улыбка, обращение ко мне по имени своим насмешливым, превосходным тоном, фальшивая забота о моем благополучии. Пассивно-агрессивная тактика в чистом виде. Я не настолько глуп, чтобы купиться на это дерьмо, поэтому медленно улыбаюсь. Он предполагает, что я не умею играть в эту же игру, как и он.

— Мне плевать, сколько членов было у нее. Отныне в ей будет только мой большой член.

Он улыбается беззаботной, убийственной улыбкой.

— Я знаю. Давай попросим ее выбрать. Мой большой член или... твой.

Я отрицательно качаю головой.

— Выбора не будет.

Его губы скручиваются с сарказмом.

— Мне кажется, ты не понимаешь, с кем имеешь дело. Может быть, ты... — он пожимает плечами, — уложил пару моих людей внизу, но их гораздо больше. С каждой секундой, пока ты здесь стоишь, ты все ближе и ближе приближаешься к своей смерти.

Я пожимаю плечами.

— Пусть приходят твои люди. Я не уйду без Софии.

— Тогда ты очутишься в черном мешке.

Я приподнимаю одно плечо.

— Пусть так и будет.

Он начинает правой рукой чесывать грудь. Какой дурак, словно я могу купиться на этот старый как мир трюк. Его рука моментально скользит в пиджак, но прежде чем он успевает прицелиться, я вытаскиваю свой нож из-за спины на пояс, готовый бросить в него. Он паникует, разворачивается и пытается рвануть в комнату, из которой вышел.

Рука тут же выпускает нож. Бросок. С безупречной точностью он входит в мертвый центр в левое бедро, именно туда, куда я и хотел его отправить. Он падает и визжит, как резаная свинья.

Я подхожу к нему, хватаю за жирные от геля волос и приподнимаю голову.

— Пошел ты, — выплевывает он. — Ты думаешь, тебе это сойдет с рук? Я тебя выслежу.

В этом и состоит проблема настоящих психопатов. Они не могут остановиться, отступить, переосмыслить ситуацию, возможно, извиниться, сказать, что были неправы. Высказать уважение кому-то другому. Я потрясенно качаю головой. Он, мать твою, всех имеет и не знает этого. Неужели он на самом деле предполагает, что я заберу Софию и оставлю его живым, чтобы он мог мне мстить?

— Ты всю жизнь будешь от меня убегать, — с яростью угрожает он. Даже, лежа на полу, неужели ему не приходит в голову, что он меня недооценивает, что я могу стать таким же убийцей, как и он.

— Думаю тебе это не поможет, — говорю я, — но если ты знаешь какую-нибудь молитву, то сейчас самое время ее прочитать. — Голос ледяной, смертельный.

И вдруг до него доходит. Наконец-то, бл*дь, до него дошло! Все его бахвальство испаряется. Глаза чуть ли не вылезают из орбит, он вдруг понимает, что я не какой-то трусливый, мягкотелый пластический хирург, которому можно «одолжить» свою шлюху. Да я, врач,

спасающий жизни, но я также могу хладнокровно убить. И я пришел увидеть его смерть.

На его лице застывает полнейший ужас, словно маска. Он пытается дотянуться, оттолкнуть меня, сшибить с ног. Он ползет вперед, пытаясь меня укусить. У него всего лишь доля секунды, я заносу руку с бутылкой в сторону его черепа. Удар. Его голова с такой силой дергается, что такое чувство, будто она свалится с его шеи.

Наверное, яркие звезды взрываются у него в его мозгу в данную минуту. И следует моментальная простреливающая боль. Он смотрит на меня с недоверием, не веря, что все кончено. Не веря — *Не может быть. Я не могу умереть на грязном полу своего борделя. Я еще молод. Это не может быть концом.* Он быстро моргает несколько раз, но все его старания тщетны, все плывет перед глазами. Он тщетно пытается бороться с надвигающейся темнотой.

Он вздыхает.

А потом все размывается, исчезает, попадаю в темноту.

Он с отчаянием тянет меня к себе, своего убийцу, уже ничего не видя перед собой. Мир для него стал черным. Великого Валдислава больше нет. Он отправился навстречу с Создателем или теми демонами, которые окружали его и нашептывали садистские извращения.

Я переступаю через его безжизненное тело и вхожу в комнату. Я тут же чувствую, какой здесь холод. Окна широко открыты, и холодный воздух дует, развивая занавески. Мой взгляд останавливается на металлической кровати королевского размера. Я так уверен, что увижу ее на ней, что испытываю настоящий шок — там пусто. Сердце начинает быстрее биться от страха, я даже ощущаю головокружение. Я моментально обшариваю глазами комнату. Лучше бы она была здесь. Я убил единственного человека, который мог мне сказать, где он ее прячет.

Потом я вижу ее... и воздух покидает мои легкие. Сердце, словно разорвалось на две половинки. Мать твою. Я трясую головой, не веря своим глазам. Мне хочется зарыдать. У меня все размывается перед глазами, когда я направляюсь вперед, вытянув руку, воя внутри, как раненое животное.

48.

Джек

Этот таракан раздел ее и голой засунул в металлическую клетку, которая предназначена для собаки среднего размера. Ее кожа посинела от холода, руки, как мертвые плети. Я окликаю ее, она не отвечает.

В мгновение ока я подхожу к клетке.

Через решетку я дотрагиваюсь до ее запястья, нащупывая пульс, сильные и очень частые удары. На клетке висит замок. Я стараюсь согнуть металлические прутья, но металл крепкий, не поддается. Ослепший от слез ярости, я почти ползти к телу этого ублюдка.

Я начинаю обшаривать его карманы, от нетерпения срываю дорогую одежду. В кармане брюк я нахожу ключ. Сжимая его в дрожащей руке, я поднимаюсь на ноги. Мне казалось, что я достаточно повидал разных ублюдков, но я никогда не встречал такого существа с таким

черным, гноящимся, заплесневелым, размером с грецкий орех, сердцем.

Не в состоянии себя остановить, я с ожесточением пинаю его труп ногой, потом бросаюсь обратно к клетке и открываю дверь. Она выпадает оттуда, и тут же я замечаю след от иглы у нее н предплечье. Я пробегаюсь руками по всему ее телу. Кажется, ничего не сломано и не повреждено.

Подойдя к кровати, заворачиваю ее в простынь. Я начинаю растирать ее тело и целую в холодную щеку. Я снимаю куртку и укутываю ее безвольное тело.

— Детка, это я. Просыпайся. — Призываю я.

София

«Детка», кто-то зовет меня.

Его голос звучит, будто через длинный глухой туннель. О, он так далеко, а мне так холодно. Так холодно. Что-то горячее касается моей щеки. Я открываю глаза.

— Джек, — шепчу я.

Его губы такие жаркие напротив моей щеки. Я пытаюсь обхватить его за шею руками, но странно, руки не слушаются меня.

— Я люблю тебя. — Мой голос звучит так же, будто он тоже в этом туннеле, и я никак не могу до него добраться. — Не смотри видео.

Я чувствую, как он подхватывает меня под плечи и колени и куда-то несет меня.

— Прости. Я обещала, что больше никогда не воспользуюсь этим дерьмом, но пришлось нарушить свое слово. — У меня выскальзывает слеза из уголка глаза. — Мне пришлось выбирать между переломанными ногами или уколом. Я выбрала укол в руку. Это старый друг. Мне нравится, Джек. От него исчезает боль. Он убирает всю боль. Даже по тебе.

— Тише ... — говорит он.

Голова запрокидывается назад. Мне следует предупредить его о Валдиславе. Он может появиться в любое время. Это слишком опасно. Я открываю рот. Я хочу сказать, но не могу. Я хочу открыть глаза, но они тоже не открываются. Я слышу голос. Это Горький? Я должна предупредить Джека. Горький опасен. Он всегда носит с собой пистолет.

Джек

О, бл*дь! Другой парень, которого описывала Кайя, со шрамом, черными волосами и мертвыми глазами, внезапно появляется в коридоре. Мы сталкиваемся друг с другом. Я с Софией на руках на середине коридора, а он с пистолетом в самом начале.

— Твой босс мертв, — говорю я ему.

— Положи ее, — отвечает он, показывая своим пистолетом на пол.

— Валдислав умер. Ты можешь стать новым королем всего этого. — Я оглядываюсь по сторонам, как бы показывая ему окружающую обстановку. — Я хочу только ее.

Он смотрит на меня, не моргая.

— Положи эту сучку. — На лице абсолютно не отражается ни единого выражения, но я все равно могу сказать, что он не понимает, что происходит, и боится поверить моим словам, что его босс действительно мертв.

— Если ты застрелишь меня, быстро появится полиция, которая будет все здесь осматривать. Думаешь, я пришел сюда, не подстраховавшись? — Позади Мертвых Глаз я замечаю тень, поднимающуюся вверх по лестнице. И хотя бы по тому, как двигается эта тень могу сказать, что он явно не друг Мертвых Глаз.

— Положи ее, или я прострелю тебе башку, — предупреждает Мертвые Глаза.

— Хорошо, хорошо, я ее опускаю. — Мне нужно задержать его, подольше с ним поговорить, чтобы к нему успела подкрасться Тень.

Положив Софию на пол у своих ног, я поднимаю на него голову.

— Ты не веришь, что твой хозяин мертв? Иди и посмотри, он там за мной.

— Теперь, отойди от нее.

— Хорошо, хорошо, не стреляй, — говорю я, словно действительно боюсь.

Через секунду Тень, поднимающийся по лестнице, прижимает ствол пистолета ему в спину и спрашивает:

— У меня нет проблем, похоже, что проблемы у тебя?

Я вижу страх в его черных глазах.

— У меня тоже нет проблем, — говорит он.

— Тогда брось пистолет и отгони его.

Он бросает пистолет и пинает ногой в сторону.

— Ты в порядке? — спрашивает меня Тень.

Я киваю. Я не знаю его, но единственное предположение, что его послал Ной мне на помощь. Наше странное противостояние внезапно прерывается мужчиной в коротких боксерках, который неожиданно открывает дверь спальни рядом с ними. И замешательство, которое длится всего лишь долю секунды, человек Валдислава разворачивается и ударяет ногой Тень по колену, тот сгибается, взмахнув руками.

Мертвые Глаза тут же выхватывает у него пистолет.

Мужчина в трусах начинает визжать, как девочка. Одним плавным движением я запускаю пальцы в свой носок, извлекая нож и бросаю. Он не для метания. Он маленький и предназначен для ближнего боя, например, всадить между ребрами прямо в сердце.

По дуге нож летит в сторону Мертвых Глаз. Или он точно попадет в цель, или мы все будем мертвы. Точно. Он попадает прямым ему в шею, удар отбрасывает его назад. Он падает на пол, сжимая горло. Я иду к нему. Пару секунд я стою, наблюдая за ним, как Мертвые Глаза задыхается, выпучив глаза, обезумев от боли.

Я ничего не чувствую. Ни раскаяния, ни жалости, ни вины. На самом деле, нет смысла оставлять такой хороший нож в качестве доказательства. Я наклоняюсь и вытаскиваю лезвие. Кровь начинает бить как фонтан. Он умирает от раны на шеи. Я отхожу от него, как из его глаз уходит жизнь.

— Господи Иисусе. Что здесь происходит? — Визжит мужчина в боксерках истошным голосом.

Я перевожу на него взгляд. Его лицо, как белая маска. На кровати за ним лежит распятая, как на кресте, голая девушка, по всему ее телу виднеются красные пятна.

Я протягиваю руку, он тут же в страхе отпрыгивает. Но не так быстро. Я разрезаю его трусы, и его морщинистый член болтается у всех на виду.

— Вон придурок, — говорю я ему.

— Моя одежда, — отвечает он, прикрывая интимные места руками.

— Убирайся, черт возьми, больной ублюдок или я отрежу твой усохший, бесполезный член.

Он раздумывает меньше секунды. Затем бежит, его бледное тело быстро несется вниз по лестнице.

Я смотрю на девушку.

— Одевайся и беги. Никто не придет за тобой, — говорю я ей.

Тень поднимается на ноги и обалдело наблюдает за мной.

— Передай Ною, спасибо, — говорю я. Прохожу мимо и поднимаю свой дорогой груз на руки. Я спускаюсь по лестнице. Тень идет за мной.

Он открывает входную дверь. На улице холодно. Внизу лестницы стоит еще один мужчина. Он кивает мне, когда я спускаюсь вниз. Он заходит в дом, закрывая за собой входную дверь.

— Зачем он туда вернулся?

— Он должен все подчистить. Одна из девушек или соседи могут позвонить в полицию. И нам нужно быть уверенными, что записи камер видеонаблюдения будут девственно чистыми и там не будет никаких улик.

К нам подходит еще один человек, который кивает Тени и также идет в дом.

Все. Мне это уже не интересно. Я крепко прижимаю Софию к себе. Мне необходимо, как можно быстрее доставить ее в больницу. Я не знаю, чем он ее накачал.

Я усаживаю София на пассажирское сидение, закрепляю ремень безопасности и завожу двигатель. Она что-то бормочет. Я прошу ее держаться. А потом набираю номер Лены и сообщаю, что София со мной, и я везу ее в больницу. Я даю ей адрес, затем завершаю звонок и сосредотачиваюсь на дороге.

София

Я не знаю, что он вколол мне, но это очень сильная зараза, потому что мои глаза буквально закатываются к затылку, а может я просто не привыкла. Ночь — одно туманное размытое воспоминание. Я помню, как было холодно. Как меня била дрожь. Как хотела умереть. Исчезнуть. Потеряться в мягкой темноте.

Затем меня трясут. Джек. Шум. Кричат люди. Опять холодная ночь. Звезды в небе. Меня тошнит в машине. Джек разговаривает со мной каким-то глухим, далеким голосом. Умоляет меня, чтобы я открыла глаза.

— Теперь ты в безопасности. Все будет хорошо, — повторяет он снова и снова.

Потом больница. Яркий свет. Я помню, как кричит Джек. Какой-то шум вокруг, медсестры. Меня везут по коридору. Люди пьются на меня, называют «дорогая». Добрые слова и руки, холодные инструменты.

Лена с опухшим и красным лицом передо мной. Целует меня, орошая мое лицо своими слезами, говорит по-русски.

— Не волнуйся, я в порядке, — пытаюсь ей сказать, но она плачет еще сильнее.

В конце концов, все заканчивается. Я чувствую себя такой уставшей и отяжелевшей, меня клонит в сон. Я закрываю глаза, Джек сжимает мою руку. Ночью я просыпаюсь от ужаса. Я поднимаю голову.

— Где я? — с трудом дыша.

Джек наклоняется вперед.

— Дома. Ты дома, детка.

— О. — Я откидываюсь на мягкие подушки. Как глупо. Конечно, теперь я узнаю потолок в комнате Джека.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Хочу пить и сладкого, — отвечаю я.

Он улыбается. Он подкладывает еще две подушки и приподнимает меня в полу сидячее положение.

— Я так и думал, — говорит он, беря с тумбочки плитку шоколада. Он открывает упаковку и протягивает мне. Я беру ее, он открывает банку кока-колы. И ее тоже протягивает мне.

Я делаю глоток.

— Хочешь кусочек моего шоколада?

Он отрицательно качает головой.

Внезапно я чувствую себя как-то странно. Я опускаю глаза вниз и еще откусываю кусочек.

Он приподнимает меня за подбородок.

— Никогда не прячься от меня, София.

Я ем шоколад и открыто смотрю ему в глаза.

— Он ничего со мной не сделал, — вдруг быстро произношу я.

Я вижу облегчение в его глазах.

— Я рад, но даже если бы он... Это ничего бы не изменило для меня. Ничто не может изменить, как я к тебе отношусь. Ничто. Ты всегда будешь моей и только моей.

Я пытаюсь сдержать слезы, готовые вырваться наружу.

— Я так сильно тебя люблю.

Он большим пальцем стирает слезы, скатывающиеся у меня по щеке.

— Моя храбрая, мужественная Принцесса. У тебя за спиной больше нет монстров.

— А если он вернется?

— Он слишком мертв, чтобы вернуться. — Металлическим голосом отвечает Джек.

У меня глаза становятся как блюдца.

— Что? Ты убил его?

— Да, убил.

Я с ужасом смотрю на него.

— И, если уж говорить абсолютно честно, я получил большое удовольствие, делая это.

Я прикрываю рот рукой.

— О, Джек. Что же будет с тобой?

Он пожимает плечами.

— Ничего.

— Ничего? Как такое может быть?

— Доверься мне. Я знаю, что делаю.

— Я думала, что больше никогда тебя не увижу.

— Такого никогда не будет, Принцесса. Я бы отправился на край света, чтобы найти тебя.

— Я так боялась, что он причинит тебе боль.

— Мне боль? Я был готов продать душу дьяволу ради тебя.

— Знаешь, ты самый удивительный человек на земле.

— Да, — серьезно говорит он, но его глаза мерцают.

Я откладываю шоколад.

— Джек?

— Что?

— Я хочу принять душ. Я чувствую себя грязной и от меня пахнет борделем. Мне нужно все смыть.

Он помогает мне встать с постели. Ноги немного трясутся, но я в порядке. Прежде чем я делаю первый шаг, он сметает меня в свои объятия. Я смотрю на него.

— О, Джек. Даже во сне я не могла себе представить, что у меня будет такой мужчина, как ты.

— Это хорошо, потому что я никогда не мечтал, что заполучу такую красавицу, как ты.

В ванной он включает душ, чтобы помещение наполнилось паром, затем сидит на краю ванны, наблюдая, как я чистю зубы и пользуюсь туалетом. Я поворачиваюсь к нему, как будто в первый раз:

— Хочешь со мной помыться? — краснея, спрашиваю я.

Он вскакивает и тут же начинает снимать с себя одежду.

— Ты не поверишь, как сильно я хочу, но я пытался сдерживаться, — с ухмылкой отвечает он.

Я стягиваю ночную рубашку через голову и ступаю под душ.

Вода начинает струиться по телу, смывая ощущение рук Валдислава, этого грязного борделя. Джек моет шампунем мне волосы, затем все тело. Когда я полностью чистая, он начинает осматривать меня своим ртом, начиная с мочек ушей.

Джек

<https://www.youtube.com/watch?v=ZJL4UGSbeFg>

(Оставь для меня последний танец)

Ее запах опьяняет, и у меня появляется сильное желание срочно взять ее. Доказать ей и себе, что она моя и только моя, но я не поддаюсь этой первобытной жажде.

Нет, я буду смаковать каждую ее частицу очень медленно.

Целой ночи нам будет недостаточно для того, что я собираюсь сделать. Я собираюсь щедро исследовать каждый дюйм ее тела, пометив его Джеком Айришем. Я задерживаюсь на ее груди, мягкая плоть наполняет мои руки, а затем мой рот. Соски — маленькие камушки между

моим языком и небом. Теплая вода струится мне на голову. Моя решимость ослабевает. Черт возьми, эта женщина завязывает меня в узел.

Она начинает дышать с придыханием, сводя меня с ума. Нам обоим это необходимо. Я направляю свои губы к ее животу, бедрам, тайному местечку. Мой язык разделяет ее складочки, окунаясь в знакомый сладкий вкус.

Она стонет. Я дегустирую ее, ее тело вздрагивает и дрожит от оргазма. Я кладу подбородок ей на живот, наблюдая за ней.

— Ты слишком быстро кончила, — шепчу я.

София

Он поднимается на ноги. Не отрывая от меня взгляда, оборачивает свои большие, мужественные руки вокруг моих бедер, приподнимает и входит. У меня вырывается вздох удовольствия. Я дома.

Окончательно.

50.

Джек

<https://www.youtube.com/watch?v=43RCsADGE1Q>

(Разве ты не знаешь, что сидишь с королями?)

Они приходят через два дня. Мужчина средних лет с ярко-зелеными глазами, и два тучных офицера в униформе. Они сохраняют совершенно нейтральное, немного напряженное выражение лица.

— Джек Айриш? — говорит первый, как только я открываю дверь.

— Так меня и называют, — спокойно отвечаю я.

— Главный инспектор по уголовным делам Бредли. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Я отступаю назад и позволяю им войти в квартиру. Я провожу их в гостиную и остаюсь стоять, скрестив на груди руки.

— Итак? — подсказываю я.

София входит в комнату, она с волнением переводит взгляд от мужчин ко мне. Я улыбаюсь и подмигиваю ей. Она вскидывает брови от удивления.

— Я попрошу вас покинуть комнату, мадам, пока мы будем разговаривать с мистером Айришем, — говорит он.

— Она останется здесь, если захочет, — отвечаю я.

Я без эмоций смотрю на них.

— Боюсь, это очень серьезный вопрос, мистер Айриш. Мы расследуем убийство.

— Я подозреваемый?

Он даже не пытается выглядеть смущенным. Такие как он, стоящие у власти, стремятся запугать простых людей, которые не знают своих прав.

— Ваши отпечатки пальцев были найдены на месте убийства и на том предмете, который мы считаем орудием убийства. Если вы не дадите мне удовлетворительных ответов, мне придется сопроводить вас на допрос в участок.

Я вспоминаю о бутылке шампанского. Возможно, какие-то отпечатки остались на коже того ублюдка. К счастью, я уже подготовился к такому сценарию. Конечно, у них есть мои отпечатки в базе данных с того самого момента, когда они доставили всех нас в участок после той массовой драки у паба «Кингс Майд Паб» и взяли у всех отпечатки пальцев.

— Не возражаете, если я быстро позвоню? — спрашиваю я, вынимая телефон из кармана.

Он хмурится, предполагая, что я звоню своему адвокату.

Я набираю номер Блэйка.

— Его зовут главный инспектор по уголовным делам Бредли, — произношу я и отключаюсь.

Детектив прищурившись смотрит на меня. Оба его сопровождающих бесстрастно с удивлением посматривают друг на друга.

— Я сделаю себе выпить. Кто-нибудь еще хочет? — Предлагаю я с дружеской улыбкой.

Главный инспектор по уголовным делам выглядит раздраженным. У него не получается задать мне ряд вопросов.

— Нет, спасибо, — жестко говорит он. — Я не пью на работе.

— Дело ваше. Хочешь, Принцесса? — спрашиваю я Софию.

— Да, — тихо отвечает она, хотя я вижу, это последнее, что она хочет, но решила мне подыграть.

Я наливаю херес, и тишина разрушается звонком мобильного телефона. Вообще-то, мелодия довольно раздражающая. Я ставлю бутылку.

— Вы не желаете ответить, главный инспектор? — спрашиваю я.

Инспектор Бредли странно посматривает на меня, затем тянется в карман пиджака и достает свой телефон. Он смотрит на экран и его глаза чуть ли не вылезают на лоб. Повернувшись ко мне спиной, он отвечает на звонок:

— Да, сэр... нет, сэр... точно, сэр... совершенно ясно, сэр. Спасибо, сэр. До свидания.

Он поворачивается ко мне. Его лицо — застывшая улыбка во все тридцать два зуба.

— Спасибо, что уделите нам время, мистер Айриш. Надеюсь, мы не слишком вас побеспокоили.

— Я провожу вас, — отвечаю я с улыбкой.

— Пошли, — говорит он двоим офицерам.

Он вежливо кивает Софии, и мы провожаем их к входной двери. Когда он выходит, я окликаю его. Он поворачивается. Он хороший человек, старается изо всех сил хорошо выполнить свою работу.

— Сегодня вы можете спать спокойно, с полной уверенностью, что в кои-то веки коррупция в высших эшелонах власти действительно сработала ради правды, как и должно быть.

Он кивает и отворачивается. Я закрываю дверь, София стоит неподалеку.

— Что только что было? — спрашивает она.

Я делаю три шага к ней.

— Блейк — из древнейшей знатной семьи «Черной знати». Один телефонный звонок от него может свернуть горы.

— Значит, он позвонил начальнику полиции?

— Нет, милая, он позвонил кому-то, кто позвонил начальнику полиции.

Ее глаза распахиваются.

— Я не знала, что он такой могущественный.

Однажды я расскажу ей все о таинственном Блейке Лоу Баррингтоне. Но не сегодня.

— У меня к тебе вопрос.

— Какой? — спрашивает она, выглядит при этом невыносимо ох*ительно.

— Ты, мать твою, в конце концов, женишься на мне?

51.

Джек

<https://www.youtube.com/watch?v=Ra-Om7UMSjc>

(Благодаря тебе)

Я смотрю с восторгом на захватывающий пейзаж перед собой.

— Ну? — спрашивает она у меня.

Снег падает мне на лицо, я поворачиваюсь и вижу свою красавицу. Ее лицо, обрамлено мехом, щеки розовые, глаза сверкают, как драгоценные камни. Это *моя женщина*. Иногда, я все еще

не могу поверить, что такая прекрасная женщина и моя.

— У меня правда нет слов.

— Это правда же сюрприз? — говорит она с милой улыбкой.

— Правда, — соглашаюсь я. Единственное, что она мне сказала за несколько дней, чтобы я взял отпуск на пять дней, потому что мы собираемся в долгую поездку. Когда я нажал на нее, она повторяла, что это сюрприз. Даже, когда я напомнил ей, чем закончился ее последний сюрприз, она посмотрела на меня широко открытыми глазами, но так ничего не сказав.

Я забрался в частный самолет Гая, и был единственным дураком, который понятия не имел, куда мы направляемся. Лена улыбнулась, Гай лишь пожал плечами. Хорошо ему. Он точно знал, куда мы летим.

Мы приземлились в Москве.

Двухчасовая поездка на вертолете и часовая на машине привели нас сюда. В ста метрах от края огромного русского леса. Наполовину погрузившись в густой снег стоял небольшой бревенчатый дом. Он был таким волшебным и чарующим на фоне снежного леса, словно его перенесли сюда из сказки.

— Вот здесь я родилась, — просто произносит она.

Для того, кто провел свое детство на железнодорожных путях и на бетонной площадке мегаполиса, это место за гранью красоты.

— Прекрасно, София.

— Ты всегда хотел знать обо мне и моем детстве, и вот оно, здесь. Это начало моей жизни. Я расскажу тебе все. Постепенно.

Я обнимаю ее за талию.

— Я буду слушать с удовольствием, моя милая Принцесса.

Она морщит нос.

— Мне казалось, что вернуться сюда будет очень трудно. Даже Лена переживала, что может быть слишком травмирующим, но оказалось совсем не трудно, и я рада, что вернулась. Пришло время отпустить все эти призраки.

— Именно в такой день мой отец нашел логово, полное медвежат. Медведица умерла, и он принес их домой. Ты не представляешь, какими милыми они были. Я обожала их. — Она улыбается вспоминая.

— Что с ними случилось?

Она отрицательно качает головой.

— Мы по любому не могли их держать у себя, они тоже часть призраков, которые должны остаться позади.

Неудивительно, что она не хочет говорить о своем детстве. Если учесть каким чудовищем был ее отец.

Я беру ее руки в толстых перчатках в свои.

— Я не могу описать словами, как много значит для меня то, что ты привезла меня сюда. Откуда началась твоя жизнь. Спасибо, ты такая храбрая.

— Я не храбрая. Это ты, — говорит она.

— Мы оба храбрые, — отвечаю я смеясь. Не потому, что это смешно, а от чистого счастья. Она запрокидывает голову назад и смеется вместе со мной. Хотя ничего смешного, и одновременно очень смешно. Снежинки попадают мне в рот.

— О, София, София. Как ты изменила меня. Я твой лучший шедевр.

Она отрицательно покачивает головой.

— Нет, я — твой величайший шедевр.

Какое-то движение справа бросается мне в глаза, и я поворачиваю голову. Из дома выходит высокий, широкоплечий мужчина. Мне кажется вечностью, пока мужчина и София, затаив дыхание, смотрят друг на друга. Потом он медленно отворачивается и возвращается в дом, плотно закрыв входную дверь. Это настолько простое действие несет в себе столько отчуждения.

У нее на глазах блестят слезы.

— Эй, — тихо говорю я.

— Все в порядке, — сглатывая, отвечает она. — Он никогда не хотел детей, никого из нас.

— Прости, любовь моя.

— Все нормально. Лена однажды сказала мне, что отец передал нам всем коробку своей тьмы и отправил с ней в жизнь, но теперь я думаю, что, на самом деле, его коробка тьмы — подарок. И она стала подарком в тот день, когда я встретила тебя. Если бы он не продал меня, я бы никогда тебя не встретила.

— О, София. Я люблю, люблю, люблю тебя.

Мы возвращаемся к машине. Снег в некоторых местах настолько глубокий, что погружаемся в него по колени. Как только она застревает в нем, я выдергиваю ее вверх, хихикающую, как ребенок. Открыв дверь машины, она оборачивается, чтобы последний раз взглянуть на тот дом, где родилась. В ее глазах видится печаль. Она до сих пор нуждается в своем отце. И несмотря на то, что он сделал, в ее сердце нет ненависти к нему.

— Может ты хочешь пойти и повидаться с ним? — тихо спрашиваю я.

Она улыбается.

— Нет. Лена была права. Здесь ничего не осталось. Я хотела просто оставить в памяти этот дом. Я никогда не вернусь сюда.

Эпилог

София

<https://www.youtube.com/watch?v=NGFToiLtXro>

Я не могу отвести от тебя глаз

— Детка, они играют нашу песню, — шепчет Джек мне на ухо.

Я кокетливо опираюсь спиной на его твердое тело.

— С каких пор эта песня наша?

Он хватается меня за талию и кружит вокруг, он уже сто раз проделывал это.

— С тех пор, как я увидел твою симпатичную киску, — говорит он.

— Я могу это неправильно истолковать, ты же знаете? — строго отвечаю я.

— Мне бы хотелось, чтобы так и было, — шепчет он, и я чувствую его теплое дыхание и губы на щеке.

— Все на нас смотрят, — говорю я.

— Ну, и черт с ними. Они получили свою бесплатную еду. Чего они еще хотят?

— Не думаю, что невеста и жених могут заняться сексом на танцполе во время первого танца.

— Ты точно так думаешь?

— Как ты бы сказал абсо-бл*ть-лютно.

Он улыбается.

— А невестам разрешается так сквернословить?

— Да.

— Ты выдумываешь это, не так ли?

— Нет, это было в руководстве.

Он улыбается.

— Каком руководстве?

— Руководстве для невест.

Он смотрит на меня таким взглядом.

— О-о, в том руководстве. Ты прочитала его от корки до корки?

— Нет.

— Давай я тебе расскажу, что еще есть в том руководстве.

— Что? — невинно интересуюсь я.

— Мне кажется будет лучше, если я покажу, — говорит он, таща меня на танцпол. Вокруг все смеются над нами, но по-доброму. Я тоже пожимаю плечами и смеюсь, позволяя себя увести в коридор.

Мы влетаем в небольшую комнату рядом со стойкой регистрации, и он затаскивает меня туда, закрывая дверь.

— Ты хочешь, чтобы я со стыдом вернулась на вечеринку.

— Детка, не волнуйся. Я сделаю так, чтобы это стоило каждой секунды твоего стыда.

У меня даже нет времени засмеяться, потому что моя огромная юбка летит вверх, а нога оказывается у него на плече и его губы. О, Господи его губы. Ах...

Гай

Лена смотрит на меня глазами, сверкающими от счастья. Ее мечта сбылась. У нас было все и единственное, что вызывало беспокойство — София. Теперь у Софии есть настоящая любовь, и мы полностью счастливы.

Когда я отдавал Софию замуж, я услышал, как Лена тихонько всхлипывает. Я внимательно всматриваюсь в ее лицо, и вдруг, как гром среди ясного неба. Боже мой, я видел этот ее взгляд раньше.

— Ты догадался, не так ли? — спрашивает она.

Я в шоке, у меня даже нет слов. Я подхватываю своего ангела на руки и начинаю кружить ее, она запрокидывает голову назад и смеется от счастья.

Да, я снова стану отцом.

Блейк

<https://www.youtube.com/watch?v=3JWtaaS7LdU>

(Я всегда буду любить тебя)

Я откидываюсь на спинку кресла и наблюдаю, как моя жена танцует с сыном, и мое сердце наполняется гордостью. Нет женщины красивее *моей Ланы*. После стольких лет она по-прежнему заставляет бурлить мою кровь.

На меня накатывают воспоминания, когда первый раз я увидел ее через прозрачный занавес в том пафосном ресторане. Она была одета в самое маленькое, самое короткое, простое оранжевое платье и туфли шлюхи. Все мужчины в комнате не могли отвести от нее глаз. Тогда я даже не мог себе представить, чем может закончиться мое предложение, сделанное ей. Но соединение наших тел, повлекло за собой соединение наших душ, и свет, который идет от нее

озаряет тьму моей души, и детей, которые у нас еще будут.

Я опускаю глаза на своего сына. Как он вырос за это время. Я помню, как впервые увидел его, словно было только вчера. На руках у матери. И понимание было как удар молнии. *Мой сын!* У меня все тело напряглось тогда. Но мне пришлось сделать вид, что я не знаю, что он *мой*.

Я вижу насколько сосредоточено его лицо, пока он старательно выполняет шаги танца, которые я показал ему всего несколько дней назад. Я все еще не могу привыкнуть к его прическе ирокеза. Должен признаться, я не фанат такого стиля, но следует отдать ему должное, ему она нравится и неплохо на нем смотрится. Вдруг мне приходит в голову нежелательная мысль, от которой я морщусь. *Интересно, как бы на это отреагировала его бабушка.* Какого черта, я вообще о ней вспомнил?

Конечно, моя мать ненавидит нечто подобное, однозначно.

Каждый раз, когда я думаю о том, что она появится, как какой-то оголодавший стервятник, на восемнадцатый день рождения Сораба, страх заполняет мое сердце. Я делаю все возможное, чтобы направить его по правильному пути. Но многое будет зависеть от него. Ему придется сделать выбор так же, как и мне.

Я встаю и подхожу к ним, стучу его по плечу. Он поворачивается ко мне с ослепительной улыбкой. Мой прекрасный сын.

— Ты не возражаешь, если я потанцую с мамой? — спрашиваю я.

Он кивает и отпускает руку матери. Насколько официально. Как он вырос. И у меня радость перемешана с горечью, наблюдая, как он быстро растет. Он уходит, а я поворачиваюсь к Лане. Она улыбается мне, ее глаза наполнены огромной любовью.

Как прекрасна жизнь!